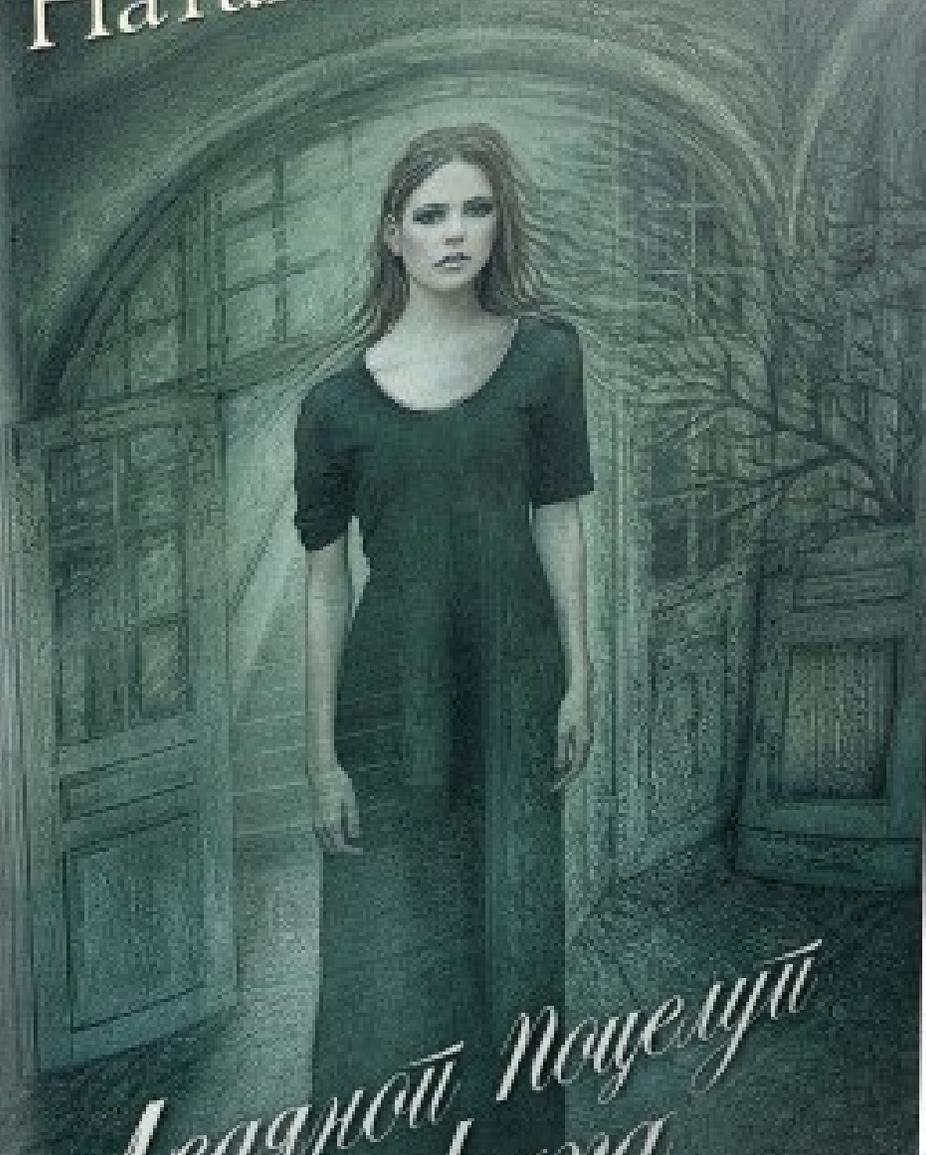

ЗНАКИ СУДЬБЫ
Наталья Калинина

МИСТИКА И УЖАСЫ

*Легендой поцелуют
Страха*

*Сиреневая
Легенда поцелуют*

Annotation

Полина писала романы ужасов, но вовсе не собиралась участвовать ни в одном из них. Однако судьба распорядилась по-другому, и обычная поездка к бабушке обернулась настоящим путешествием в страну кошмаров. Теперь самой писательнице придется пройти азбуку страха от «А» до «Я», только вот хватит ли у Полины сил выбраться из ловушки?...

- [Наталья Калинина](#)

- [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Наталья Калинина
Ледяной поцелуй страха

Моей Рыжей — с любовью

Глава I

— Эй?

Чья-то ладошка помахала перед лицом. Полина поморщилась и помотала головой, словно прогоняла назойливую муху, не переставая при этом быстро набирать что-то на клавиатуре ноутбука. И только лишь когда дописала до точки, подняла голову и недовольно проворчала:

— Я же просила не отвлекать меня во время работы!

Анастасия, будто не услышав неразборчивое бурчание вновь уткнувшейся в компьютер подруги, присела на краешек тяжелого дубового стола.

— Если тебя не отвлечь, ты так и просидишь обед, ужин и завтрак, а также конец света и начало ледникового периода.

— Настя, я же прос...

— Обеденный перерыв, подруга, не слышала? — перебила та, томно выгибаясь и закидывая ногу на ногу. Яркая, как солнце, в ситцевом платье с крупными подсолнухами, с выступившими на бледном носу веснушками цвета гречишного меда, с полевым цветком в медно-рыжих волосах, она казалась самым летом, принявшим вдруг человеческое обличье. От нее даже пахло чем-то одновременно и свежим, как морской ветер, и горьковато-пряным, как полевые травы.

— Все за столом собрались, только нашей великой сочинительницы не хватает, — насмешливо произнесла Настя.

— Еще минуточку, и иду, — пробормотала Полина, переводя взгляд с подруги на разложенные рядом с ноутбуком мятые листочки.

— Ох... Минуточка у тебя на три часа затягивается.

Настя спрыгнула со стола и покинула комнату. А Полина, оставшись в одиночестве, вновь погрузилась в изучение лежащих перед нею записей. Любопытная история. Будто небо услышало отчаянное восклицание, вырвавшееся у Полины не так давно в разговоре с подругой: «Я не могу написать ни строчки! Нет ни эмоций, ни вдохновения, ни идей! Понимаешь? Я «пересохла»! И не знаю, что еще может произойти, что вернуло бы мне желание писать!» Настя в тот же день, не сказав ни слова, отправилась на вокзал, купила два билета и вечером выложила их на стол перед находящейся в мрачном настроении подругой. «Вот. Едем на месяц к твоим родителям. Тебе просто нужен отпуск». — «Какой отпуск?! — возмутилась Полина. — У меня срок сдачи книги приближается, а я не

написала еще ни строчки! Ты понимаешь?!...» — «Понимаю, — сказала Настя и достала из шкафа чемодан. — Пакуй. Завтра — в путь». Подруга как в воду глядела: не только отдых у родителей пошел Полине на пользу, но и в дороге она нашла свою историю.

Задумчиво разглядывая записи, сделанные ее неразборчивым почерком, Полина совсем забыла, что уже звали к обеду, и очнулась, когда из большой комнаты раздался хор голосов:

— По-ли-на-а!

Она встрепенулась, наконец-то выключила ноутбук и вышла к ожидавшим за столом родителям и подруге.

— Обед ведь остынет! — упрекнула мама. — Сидим, ждем-ждем Ее Величество.

— Без меня бы начинали. Я бы позже пришла.

— Как же, пришла бы, — проворчала мать, разливая по тарелкам куриный суп с домашней лапшой. — Если уж погрузишься в свои книжки, все, пропала. Да и отец без тебя обедать не желает.

— Ну! — воскликнул тот. — Мы наконец-то встретились не для того, чтобы порознь за стол садиться.

Полина поцеловала его в румяную щеку, обняла мать и присела на свое место. Зажмурившись, втянула носом поднимающийся от тарелки пар и улыбнулась. Как в детстве! Из всех супов она любила этот.

— Дома так и не ешь первые блюда? — угадала мама. Полина промолчала, вместо нее ответила Настя:

— Я готовлю и заставляю есть! Иначе, тетя Тань, она так и просидит на чае и бутербродах.

— Ох... Вот приеду я к вам...

— Да когда же ты приедешь, мам? Давно уже ждем!

— Да как я все тут брошу? У меня работа и огород, — тут же ответила женщина, наконец-то присаживаясь.

— Всегда у тебя находятся отговорки, — проворчала Полина, работая ложкой. Лапшу надо есть горячей, дуя на нее и обжигаясь. Остывшая, она уже не такая вкусная.

— Приеду, приеду, — пообещала мама, с нежностью глядя на «своих девочек».

— А приезжайте уж, тетя Таня! — горячо поддержала Настя. — Вместе погуляем по Москве. А то Полинку от компьютера не оттащишь.

— Да всегда она такая была — вся в книжках, — вздохнула мать. — Полина, ты хоть эту книгу не такой страшной делай, а то я, когда последнюю читала, думала, до утра не доживу. В туалет, стыдно сказать,

встать боялась.

Девушки дружно рассмеялись.

— А вы, тетя Таня, на ночь не читайте.

— А когда ж, если днем работа, а вечером — ужин и огород! Вот перед сном до полуночи. Страшно читать, а оторваться не могу. Начитаюсь, а потом всякие страсти мерещатся. И откуда в твоей голове, Поля, такие страхи берутся? Сколько тебя помню, всегда пугливая была. В детстве даже мультики про Бабу-ягу не смотрела. Неужто к фильмам ужасов пристрастилась?

— Еще чего! — усмехнулась дочь. — Когда я говорю, что за все тридцать лет жизни ни одного ужасика не посмотрела, никто мне не верит. А я и правда ни одного не видела! Боюсь я их.

— Так чего же такие книжки страшные пишешь? Привидения, шумы, тени... Бр-р, как вспомню твою последнюю историю!

— А я, когда пишу, не боюсь. Может, так страхи «выписываю». Советуют же психологи записывать то, что тебя тревожит. Так вот я пишу о том, что меня пугает.

— Заставляет меня читать, а потом сама же смеется над тем, что я засыпаю с включенным светом в комнате, — проворчала Настя, на секунду оторвавшись от мобильного телефона, с которого что-то читала. Она так и ела, поднося одной рукой ко рту ложку с супом, а другой набирая что-то на телефоне. Глотала девушка суп машинально, увлекшись перепиской, и, казалось, не прислушивалась к разговору. Но, поди ж ты, слышала, о чем говорили.

— Настасья, убери свой телефон и ешь нормально! — шутливым тоном прикрикнула на девушку хозяйка. — С ним и спишь, и ешь, и в душе, наверное, моешься.

— У нее новая любовь, — усмехнулась Полина и встала, чтобы отнести свою опустевшую тарелку в раковину.

— Да какая это любовь! — возмущенно воскликнула Настя, миготом оторвав взгляд от экрана, при этом ее орехового цвета глаза вспыхнули негодующим огоньком. Но продлилось это мгновение: бросив мимолетный взгляд на телефон, она уже заулыбалась и оборвала себя на полуслове.

— Ну вот, а я о чем говорю, — тихо добавила Полина, кивнув родителям на подругу, уже что-то быстро набирающую в ответ.

— А жених-то хороший? — также шепотом спросила мама. Полина пожала плечами.

— Не знаю. Я его не видела. Только по фотографиям. Красивый. Слишком. Это его первый недостаток. Второй — находится далеко. Третий

— ни бельмеса по-русски.

— Но зато он готовит отличную пасту, очень интересный и любит детей! — припечатала Настя, которая опять все услышала.

— Погодите... Как это «ни бельмеса по-русски»?! Он что, турок какой-нибудь? — растерянно замерла с ложкой, которой собралась вылавливать вареники, мама.

— Итальянец. Живет в Венеции, — ответила за подругу Полина. — Настасья с ним в последнюю поездку в Италию познакомилась. Вскружила ему голову и упорхнула, пташка наша. Теперь вот целыми днями и ночами переписывается с ним. С телефоном в руке даже спать ложится.

...В Венецию Настя отправилась одна: подруга задерживала сроки сдачи нового романа и не могла уехать до тех пор, пока не закончит рукопись. Девушка не раз собиралась в город своей мечты, но каждый раз поездка по каким-то причинам отменялась. Она думала перенести поездку и в этот раз, но Полина отговорила, сказав, что Венеция уже давно Настю ждет.

Город принял ее с распростертыми объятиями. Они — Настя и Венеция — словно вступили в тайный сговор. Город открывал ей свои секреты легко, будто старому другу, вел ее по паутине узких улиц, переходящих одна в другую, словно за руку, дарил подарки в виде неожиданных экспозиций, устраиваемых художниками прямо во дворах. Настя, никогда не бывавшая в Венеции, гуляла по ней так свободно, словно тут родилась. Солнце, ласкающее каменных львов, голуби на площади Святого Марка, уличные оркестры, резной, как шкатулка восточной красавицы, дворец Дожей — все это было с нею раньше, в снах ли, мечтах ли, рассказах ли, прошлых жизнях. Каталась ли она по Большому каналу на речном трамвае, трогала ли прохладные камни домов, жмурилась ли от солнца на площади, пряталась ли в тени случайного дворика — она узнавала город.

Но главный подарок Венеция припасла ей накануне отъезда. Прощаясь с городом, Настя бродила по уже исхоженным ею за эти дни маршрутам. Солнце спустилось до самых вод каналов, и Настя с сожалением подумала, что пора возвращаться в отель. Она пересекала уже один из мостов, когда заметила одинокого мужчину, стоявшего лицом к каналу и пишущего сообщение на мобильном телефоне. Проходя мимо незнакомца, Настя с неожиданно возникшей грустью подумала, что Венеция — город влюбленных. Вот и этот мужчина, скорей всего, ожидает на свидание свою любимую и пишет ей. Итальянец оторвал взгляд от телефона в тот момент, когда Настя проходила рядом, и вновь вернулся к прерванному занятию.

Девушка дошла до конца моста и достала карту, чтобы свериться с маршрутом.

— Вам помочь? — услышала она за спиной на английском с итальянским акцентом. Повернувшись, увидела молодого человека, мимо которого прошла. Высокий красавец-брюнет со светло-зелеными глазами смотрел на нее с улыбкой. И Настя неожиданно для себя соврала, что заблудилась. Но вместо того чтобы проводить девушку до отеля, мужчина предложил показать Венецию. И Настя опять согласилась. До самого утра они ходили по переулкам, мостам, улицам, исхоженным за эти дни Настей, но уже вдвоем. Катались по ночным каналам на гондоле. И Настя как замороженная слушала рассказы нового знакомого.

Франческо признался ей, что в тот момент, когда Настя проходила мимо, он писал сообщение сестре Даниэле. И, заметив незнакомку, отправил восхищенное восклицание сестре: «Только что мимо меня прошла очень красивая девушка с волосами цвета венецианского золота! Но наверняка у нее на этом мосту свидание». «У нее свидание с тобой! Не будь дураком, иди и завойей ее!» — написала со всем своим темпераментом Даниэла. И Франческо не стал спорить со старшей сестрой...

— Погодите-ка... А как же ты за него замуж пойдешь, если он по-русски ни бельмеса, а, Настасья? — спросила мама Полины.

— А я итальянский учу, это раз! Два, а кто сказал вам, что я за него замуж пойду? — отрезала девушка, наконец-то откладывая мобильный.

— А зачем же ты тогда итальянский учишь, если замуж не собираешься? — спросила мама.

— Для общего развития. Язык красивый.

— Чао, бел-ла-а, — пропела Полина, собирая со стола грязные тарелки.

— Ничего не понимаю, девицы, — вздохнула мама, ставя перед дочерью пиалу с дымящейся горкой вареников с капустой. — Значит, Настя с этим итальянцем переписывается сутками, учит язык и при этом заявляет, что замуж за него не пойдет. Тогда зачем тратить время на бесполезную переписку?

— Почему же бесполезную? — возмутилась девушка, принимая из рук хозяйки пиалу. — Говорю же, он интересный человек!

— И много вы там через телефон наобщаетесь? Кстати, на каком языке вы хоть переписываетесь?

— На своих. У нас стоят программы-переводчики, — важно пояснила Настя и украдкой под столом опять заглянула в телефон.

— Совсем мир с ума сошел, — вынесла вердикт мама. — Столько

усилий, и ради чего, если замуж не собираешься.

— Замуж — не напасть, замужем бы не пропасть.

— Мам, оставь ее в покое, — вступилась за подругу Полина.

— А ты бы вот брала пример с нее. Настасье хоть этот турок...

— Итальянец!

— Ну, итальянец, какая разница. Ей хоть итальянец этот пишет, а тебе кто?

— А мне — читатели.

— Читатели, — передразнила мама и горестно вздохнула, будто ставила на дочери крест. — У тебя одни книжки на уме.

— Еще и персонажи! — ввернула Анастасия и украдкой подмигнула подруге. — Они ей и заменяют мужчин.

— Ну а что? — подыграла Полина. — Хочу, брюнета с зелеными глазами себе нафантазирую, хочу — блондина голубоглазого, придумаю ему интересную профессию и историю. Все страдания — вымышленные. И носки чужие стирать не надо, и у плиты часами стоять. Одни плюсы.

— Ну а надоедает, без зазрения совести убивает, — хмыкнула Настя.

— Совсем с ума девки посходили: персонажи! — охнула мама. — Живете в какой-то нереальной жизни.

— Тань, оставь их. А то они и вареники не доедят, споря с тобой. Не видишь, им просто нравится тебя дразнить, — вмешался отец. Хозяйка замолчала, но ненадолго. Уже минут через пять тишины, которую нарушало лишь звяканье столовых приборов, она опять обратилась к дочери:

— Погостили бы еще, Поль. Месяц — это ничего! Дописала бы свою книгу тут спокойно.

— Не могу, ма. Скоро выходит новинка, будет продвижение, и мне нужно находиться в столице.

— Ну а ты? — повернулась ко второй девушке женщина.

— А у меня — заказы. Я и так с большим трудом выкроила этот месяц, перенесла столько встреч. Я не могу терять клиентов, тетя Таня! Мы — девушки творческих профессий, но то, что не работаем в офисах, не значит, что у нас нет расписания и каникулы могут длиться целый год.

— Ох, — только и вздохнула мать, заменив этим междометием долгий монолог.

Старая маршрутка доверия не внушала, но иного способа добраться в этот час до железнодорожного вокзала районного города, откуда в начале первого ночи уходил на столицу поезд, не было: прождать попутную машину можно было до самого утра, а автобусы ночью не ходили. Полина

порывисто обняла на прощание родителей, пообещала позвонить им с перрона и первой вошла в пахнущее бензином нутро микроавтобуса. За нею следом нырнула и Настя. В «Газели» уже находились другие пассажиры: пара, занявшая места рядом с водителем. Женщина визгливым голосом пилила своего спутника, а тот, понуриив голову, будто школьник, в угрюмом молчании выслушивал упреки. Девушки заняли два места за водителем, и чуть позже к ним присоединилась еще пара пассажиров: мужчина с мальчиком лет четырех-пяти. Мужчина с ребенком сели напротив них.

Когда водитель в надвинутой на глаза промасленной кепке завел мотор, в салон вскочил еще один припозднившийся пассажир: мужчина лет тридцати в деловом костюме, с компьютерной сумкой и саквояжем в руках. Он будто торопился на деловые переговоры или, наоборот, возвращался с них. Но его лощеный вид, столичная суетливость и нервозность казались здесь такими необычными, что на нового пассажира оглянулись не только замолчавшая на время женщина с переднего сиденья, но и сидевший напротив девушек мужчина. Будто в маршрутку зашел не обычный для московских улиц человек, а инопланетянин. Новый пассажир, однако, не обратил на украдкой разглядывающих его людей никакого внимания, занял последнее место в почти пустом салоне и извлек из сумки ноутбук. «Занятный персонаж, — подумала Полина. — Вернее, человек сам по себе обычен — в Москве, но необычным становится в другом месте. Пожалуй, включу его в какую-нибудь книгу». Маршрутка двинулась с места, и девушка, отвернувшись к окну, за которым окрестности уже кутались в пока еще прозрачное покрывало сумерек, привычно стала размышлять над новым сюжетом.

...Идея пришла в дороге по пути к родителям. С девушками в купе ехали женщина и ее сын — худенький мальчишка лет двенадцати в круглых очках. Соседи Полины и Насти приезжали в Москву на неделю: женщине хотелось показать сыну столицу. Мальчишка, как только тронулся поезд, забрался на одну из верхних полок, вытащил из рюкзака потрепанную книгу и углубился в чтение. Полина с уважением покосилась на него, заметив, что тот читает знаменитые «Вечера на хуторе близ Диканьки», и не удержалась от похвалы.

— Да он у меня вообще не от мира сего, — с плохо скрываемой гордостью сказала соседка. — Пацаны во дворе в футбол гоняют, а он над книжками сидит. И не комиксы какие-нибудь читает, а вон, видишь, классиков. Умный!

— Ну мам, — неожиданно низким для его возраста и комплекции

голосом смущенно буркнул парень.

— Читай, читай, Павлуша! Это он в меня. Я в местной библиотеке работаю. Отличная работа, лучше не придумаешь! И не тяжелая физически, ну, разве что иногда приходится коробки с новыми книгами потаскать. И нахожусь среди книг, которые обожаю, — делилась женщина, выкладывая на столик упакованную в коробку из плотной фольги курицу-гриль, свежие помидоры и огурцы, а также целлофановый мешочек с вареными вкрутую яйцами. У Полины при виде этих продуктов сердце забилось сильнее от нахлынувших воспоминаний о путешествиях в детстве. Больше всего она любила поезда дальнего следования, а с ними были неразрывно связаны взятые в дорогу холодная жареная курица, отварные яйца и помидоры, которые здесь приобретали особый аромат и вкус, стеклянные стаканы в тяжелых подстаканниках с пакетиками чая, сахар-рафинад, расфасованный в маленькие упаковочки с нарисованными на них локомотивами, жесткое казенное белье, верхние полки и мерный стук колес, под который так хорошо спится. Все эти воспоминания забурлили в душе шампанским, опьянили подзабытой детской радостью от предвкушения долгого путешествия. «Надо эти эмоции включить в какую-нибудь книгу», — привычно подумала Полина и только потом поняла, что, несмотря на свои недавние заверения о «творческой засухе» и полном отсутствии желания писать, уже думает о новом сюжете.

А вскоре соседка по купе, представившаяся Ириной, узнав, что Полина — автор известной серии мистических книг, рассказала об одном случае.

— С одним моим родственником произошло. Он тоже из деревенских, с Урала, прошлым летом приезжал в гости с семьей. Есть неподалеку от их поселка одно странное местечко, которое прозвали Гиблым, там и скот, и люди пропадают. Как в Бермудском треугольнике. Так вот, родственник возвращался как-то домой, а путь рядом с тем Гиблым местом проходил. Ну, он мужик трезвого ума, в легенды всякие не верит. Смешно ведь... Да и не раз он там хаживал. Так вот, шел он в тот вечер, еще до сумерек, и вдруг навстречу ему — девушка, идет как раз со стороны этого Гиблого места. Подошла и спросила дорогу — мол, заблудилась. Родственник объяснил, даже проводить вызвался: девушка молодая, красивая, отчего не проводить? Прошли они вместе значительную часть пути, говорили, дошли до нужного ей места, мой родственник воскликнул, мол, вот куда тебе надо. Оглянулся, а девушки и нет. Исчезла, будто и не было ее. Он еще покричал, но, не дождавшись, пошел своей дорогой. И только потом уж понял, что выглядела та девушка странно: одета в длинный сарафан поверх светлой вышитой рубахи. Да говорила еще непривычно, употребляя незнакомые

или устаревшие слова и речевые обороты. И на него вдруг такой страх накатил, что он даже часть пути бегом преодолел. Вспомнил слухи об этом месте: о пропаже людей, о появлении, наоборот, в этих местах прохожих, одетых в старинные одежды. Рассказывали, что однажды на глазах у многих свидетелей прямо по полю пронесся паровоз с вагонами, хоть там и рельсы не проложены. Это был самый настоящий паровоз, с трубой и дымом, в окнах вагонов виднелись пассажиры — дамы в шляпках и мужчины в котелках. А кто-то рассказывал и про мчавшуюся по полю прогулочную коляску, запряженную тройкой лошадей. То ли в этом Гиблом месте дверь в другую эпоху, то ли там испарялись какие-то ядовитые газы, вызывавшие галлюцинации. Честно говоря, я склоняюсь больше к этой версии. А может, просто молодежь балуется, в ролевые игры играют. Не знаю.

...Тот рассказ попутчицы и дал Полине идею для нового романа. Она сделала наброски второстепенной линии — истории, произошедшей в конце позапрошлого века, оставив основную до возвращения в Москву. Может быть, за этот месяц она написала бы куда больше, если бы мама то и дело не отгоняла ее от ноутбука, заставляя отдыхать: то на речку отправляла их с Настей, то в лес за ягодами. А то просила помощи в огороде. Полина безропотно подчинялась указаниям, но на берегу реки делала пометки в блокнот, а собирая с подругой ягоды, то и дело возвращалась к обсуждению сюжета. Впрочем, Настя тоже использовала выходы на природу с пользой: делала снимки то цветов, то жучков, то ягод. Подруга оказалась права в том, что эта поездка обеим принесет пользу. Возвращались они отдохнувшие, посвежевшие, полные впечатлений.

Полина глянула на наручные часы и убедилась, что до поезда еще остается полтора часа: времени с избытком, приедут они на вокзал задолго до отправления. И только она об этом подумала, как «Газель», издав скрежетание и металлическое лязганье, встала.

— Приехали! — буркнул себе под нос водитель. — Выходите!

Андрей опасался, что сын в дороге раскапризничается: путь был неблизкий, к тому же выехали они так поздно. Но пока Никита не выказывал признаков усталости. Всю дорогу до остановки он болтал об игрушечной машине, которую углядел в витрине газетного киоска на столичном вокзале еще в день отъезда сюда, и напомнил отцу об его

тогдашнем опрометчивом обещании купить ее на обратном пути. Пришлось вновь пообещать купить игрушку, с оговоркой, что в случае, если киоск окажется открыт. В разговорах о машине до остановки они дошли быстро. И тут уже обрадовался Андрей, увидев словно их поджидавшую маршрутку с открытой дверью.

— Папа, смотри! Один, два, три!

Он понял, что имеет в виду сын, только после того, как Никита указал пальцем: номер машины. Легкий, как счет до трех — «раз, два, три» — сто двадцать три. Сын учился выводить в альбоме для рисования первые буквы и цифры и очень радовался, когда видел где-нибудь уже знакомые ему знаки.

— Четыре и пять! — восторженно завершил сын, указывая теперь уже на маршрутный номер микроавтобуса — сорок пятый. И правда, забавное совпадение.

Едва они заняли свои места, Никитка тут же прижался лбом к грязному стеклу. Андрей наклонился к мальчику и тихо попросил отодвинуться. Никита послушался, но когда менял позу, задел случайно сандаликом колено сидевшей напротив девицы и не заметил этого. Андрей извинился за сына, но, увидев мелькнувшее на лице девушки недовольное выражение, сразу почувствовал к ней неприязнь, хоть девица внешне и была симпатичной — легкий загар на коже, толстая коса льняного цвета, перекинута через плечо, обгоревший шелушащийся нос, на котором проступили веснушки. Андрей мысленно обозвал пассажирку фифой и отсчитал нужную за проезд сумму. Рыжеволосая пассажирка уже протягивала ему в кулаке плату за себя и подругу, а затем передала аккуратно сложенные десятки от пассажира с последнего сиденья.

Андрей постучал водителя по плечу.

— Чего тебе? — удивленно спросил тот, не оборачиваясь.

— Деньги, брат, прими! За проезд.

Водитель замешкался, будто и не нужна ему была оплата, взял деньги и, не глядя, сунул их в бардачок. «Впервые вижу, чтобы водитель маршрутки не пересчитал сумму», — удивился про себя Андрей. Но отвлекся на вновь прижавшегося к стеклу лбом сына.

Маршрутка сделала одну остановку вскоре после отправки по просьбе пассажирки с визгливым голосом, которая ни на секунду не замолкала, отчитывая своего молчаливого супруга. После высадки этих пассажиров в салоне наконец-то воцарилась блаженная тишина. Андрей с облегчением вздохнул и покосился на Никиту.

Сын сидел смирно и тихо, как мышонок, ловя любопытным взглядом

мелькающие за окном пейзажи, очертания которых уже растушевывали сумерки. Но не успел Андрей обрадоваться тому, что путешествие, похоже, пройдет легко, как микроавтобус издал лязгающий звук и остановился.

— Приехали! — неприветливо буркнул водитель.

Нет ничего хуже, чем застрять на ночь глядя на дороге, по которой машины ездят с частотой одна в полдня, с малым ребенком, которого уже начинает клонить в сон. Но напрасно Андрей понадеялся на то, что водителю удастся завести мотор. Разбитая на плохих дорогах «Газель» не подавала признаков жизни.

— Вот тебе и покатались, — громко объявил водила, добавив в конце непечатное словцо. — Выходите!

— Куда?! — возмутился с заднего сиденья молодой человек.

— На дорогу! Голосовать, — невозмутимо ответил ему шофер. — Дальше мы не поедem. Повезет, поймаете попутку, не повезет...

Он многозначительно замолчал, и парень возмутился:

— Что значит «не повезет»? Вы нас взяли, вы нас и довести обязаны!

— Ну, разве что вы толкать будете, — недобро усмехнулся тот. — Не хотите голосовать, сидите со мной до утра.

— Как до утра?!

— А я в потемках ее чинить не буду! Заночую и с утречка...

— Погодите! — перебила водителя рыжеволосая девушка. — То есть как это «с утречка»? А позвонить в автосервис, в вашу диспетчерскую!

— Какой у нас тут автосервис! В городе, да и закрыто уже. Как и наша диспетчерская. Последний рейс. Отвез бы вас и поехал домой спать.

— Да тут мы до утра проголосуем! — возмутился молодой человек в деловом костюме. — А у меня поезд через час!

— Если повезет, успеете, не повезет — утренним уедете, — философски заметил водитель.

— Да вы издеваетесь! Идиотизм какой-то, — выругался «костюм» и принялся пробираться к выходу. — Если я опоздаю на поезд, то такую антирекламу вашему сервису в Интернете устрою!

— Да что нам от твоей антирекламы... — фыркнул водитель и со вкусом потянулся. Молодой человек не ответил.

Хлопнула дверца, и в салоне, помимо Андрея и Никитки, который с интересом прислушивался к тому, как переругивались взрослые, остались две девицы.

— Ну?.. А вы что? Бойтесь голосовать? Ну так со мной оставайтесь, — усмехнулся он как-то злорадно, так, что девушки растерянно между собой переглянулись. На их лицах легко читалось, что они одинаково опасаются

как ловить попутку, так и оставаться до утра в маршрутке.

— Тут в километре есть бывший колхоз. «Заветы Ильича» называется, — сказал после паузы водила. — Там гостиница была. Я как-то в прошлом году там останавливался. Если километр вам не путь, то по трассе до поворота и потом прямо. Не заблудитесь.

— Спасибо, друг! — сказал Андрей. Бросил вопросительный взгляд на девушек, но одна из них качнула головой, и он расценил этот жест как отрицательный. Потому позвал сына и вышел с ним в ночь.

Они прошли мимо молодого человека в костюме. Поставив между ног саквояж, тот что-то набирал на мобильном телефоне.

— Здесь неподалеку есть гостиница. Не проще ли переночевать и с утра двинуться в путь? — сказал парню Андрей, но тот уже поднес телефон к уху и обращенных к нему слов просто не услышал.

— Па-ап, — сказал вдруг Никитка. И Андрей наклонился к мальчику.

— Устал?

— Нет. Я домой хочу.

— Я тоже, — серьезно ответил мужчина, присаживаясь перед сыном на корточки и беря мальчика за плечи. — Давай будем мужчинами и не плакать. Автобус сломался. Поэтому мы идем спать в гостиницу. А утром поедем домой.

— На другом автобусе?

— На другом. Или на машине. А потом — на поезде.

— Бабушка нас будет ждать на вокзале.

— А мы ей позвоним и скажем, что приедем не утром, а позже. Вот прямо сейчас и позвоним, — с этими словами Андрей вытащил из кармана джинсов телефон и набрал знакомый номер.

— Марта Васильевна? Да, это я. Простите, разбудил вас... Нет, ничего страшного не случилось. Сломалась маршрутка, а поймать попутку до вокзала сейчас нереально. В общем, на ночной поезд мы уже не успеваем. Уедем утренним. Тут неподалеку есть гостиница, говорят. Мы сейчас туда и идем. Никитка? Никита — чемпион. Погодите, сейчас я дам ему трубку.

Андрей наклонился и прислонил к уху сына мобильный телефон. И Никита обрадованно принялся рассказывать в трубку о сломавшемся автобусе, выплескивая свои детские впечатления так бурно, будто случилось в его жизни важное и радостное событие. Андрей невольно улыбнулся, прислушиваясь к родному голоску. Для Никиты в этом возрасте открытий любое мало-мальское происшествие — великое приключение.

— Ну, все, прощайся с бабушкой и идем.

Никита послушно распрощался, и Андрей, поудобней перевесив

рюкзак, скомандовал:

— Вперед, чемпион!

Когда они прошли метров двадцать в кромешной тьме, которую рассекал лишь свет от его телефона, включенного на манер фонарика, сзади послышались шаги, и женский голос окликнул его:

— Молодой человек, подождите!

Он невольно усмехнулся, услышав льстивое обращение. К молодым людям отнести его можно было с натяжкой: недавно исполнилось тридцать пять, а седина на висках лишь добавляла возраста. Но Андрей оглянулся и остановился, поджидая спешивших к нему двух пассажиров из микроавтобуса. Видимо, они тоже выбрали гостиницу, и он не ошибся в предположениях.

— Можно, мы с вами? — застенчиво спросила спутница блондинки — яркая рыжая девушка. — На безлюдной дороге как-то неуютно коротать время.

— Да не вопрос! Идемте вместе, — согласился он, подумав, что нужно было с самого начала проявить рыцарские чувства и пригласить девушек следовать с ним. Он бы так и сделал, если бы не обрезался тогда о холодный взгляд неожиданно темных для ее слишком светлых волос глаз второй девушки. Сейчас в темноте он не мог разглядеть выражения ее лица, но его воображение живо нарисовало ему поджатые губы и недовольство во взгляде.

В тишине, нарушаемой лишь шорохом их шагов, они прошли еще метров двадцать, пока одна из девушек, рыжая, не нарушила молчания:

— А вы в городе живете?

— Нет, — после недолгой заминки ответил он. — Мы собирались на поезд.

— Ой, как и мы! — обрадовалась девица. — На московский.

Он промолчал, решив не уточнять, что тоже с сыном возвращается в столицу. Вместо этого указал включенным мобильником на первый встретившийся поворот:

— Кажется, нам сюда.

Они прошли еще какую-то часть пути в неловком молчании, пока не дошли до развилки. «Прям как в сказке», — подумал про себя Андрей. — Только камня с надписью не хватает. Направо пойдешь — коня потеряешь, налево...» Терять Андрей ничего не собирался, но, не раздумывая, подчиняясь какому-то внутреннему чувству, уверенно направился прямо.

— Нам точно сюда? — окликнула его «фифа», которая за всю дорогу не сказала ему ни слова, только иногда о чем-то перешептывалась со своей

подругой.

— Если не сюда, то вернемся и пойдем по другой дороге.

— Ваш мальчик не устал? — проявила она заботу. Андрей подхватил сына на руки и крепко прижал к себе.

— Он у меня чемпион.

Похоже, этот ответ девицу удовлетворил, потому что она вновь замолчала.

Не прошли они и сотни метров, как увидели очертания первой постройки — низкой квадратной «коробки», бывшей то ли сторожкой, то ли трансформаторной будкой, то ли еще чем-то подобным, служебного назначения. А дальше — остов трактора, в темноте похожий на скелет исполинского животного. Асфальт закончился, и дорога превратилась в неровную земляную колею, которая от дождей наверняка оборачивалась непролазным болотом. Эх, русские дороги! Девицы, спотыкаясь, ковыляли за ним сзади, о чем-то тихо переговариваясь. Он понял, что им страшно. Тревога заворочалась и в его душе морским гадом, расправила щупальца, впрыснула в кровь толику яда. Молчаливый темный поселок казался вымершим, как в американских фильмах ужасов. Вышедшая из-за тучи луна гротескно искажала действительные очертания. И вот это уже не деревья во дворах за покосившимися заборами их встречают, а монстры протягивают к ним корявые руки-ветви. Мужчина ощутил, как крепко, изо всех силенок, обнял его сын, как заколотилось испуганно его маленькое сердце, не попадающее в унисон с его. Андрей успокаивающе погладил Никитку по спине и прошептал на ухо какие-то ободряющие слова. Если ему, взрослому мужику, стало не по себе, то что уж говорить о маленьком мальчике? Он мельком оглянулся на идущих за ним девушек: как они там? Держатся за руки, то ли боясь споткнуться на неровной дороге, то ли просто из желания подбодрить друг друга. Неужели все поселки в сумерках выглядят так устрашающе? Андрею казалось, что это солнечный свет показывает всю их неприглядность — обветшавшие заборы, покосившиеся почерневшие дома, а сумерки, наоборот, скрывают нищету и убогость. Ан нет. Мужчина невольно замедлил шаг: время хоть было и позднее, но он не ожидал, что в деревне будет царить такая тишина. Так ли было в поселке его матери, у которой они гостили с Никитой? Не помнит. Или, точнее сказать, не знает: сын, утомленный дневными развлечениями — прогулками по лесу, беготней во дворе, напитанный новыми впечатлениями, опьяненный чистым деревенским воздухом, засыпал в половине девятого. А Андрей после того, как сын успокаивался, не выходил гулять: либо читал в «большой» комнате, либо помогал матери.

— Как-то тут безлюдно, — высказала вслух то, о чем думал он, рыжая.

— Так мы и не на праздник явились, — несколько резко ответил Андрей. — Найдем гостиницу, переночуем, и все.

Дорога обогнула первое высокое здание, встретившееся им на пути — четырехэтажный квартирный блок, и поселок вдруг предстал перед ними совсем в ином виде, будто некто резко сдернул с него темное покрывало. Дорога дальше превратилась в асфальтированную освещенную аллею.

— Похоже на Дворец культуры или здание местной администрации, — кивнула рыжая на видневшееся в конце аллеи здание. — Уф... Выглядит уже не так устрашающе. Я уж было подумала, что мы не туда свернули.

Андрей не ответил, спустил с рук сына и взял его ладонь в свою.

— Дальше ножками, чемпион! Мы уже близко! — приободрил он Никитку. По логике, в небольшом поселке гостиница должна находиться неподалеку от здания администрации, то есть в центре. И он не ошибся. Аллея привела их к небольшой площади, в центре которой с высокого постамента великий вождь всех времен и народов указывал знакомым жестом путь в светлое будущее. За памятником находилось двухэтажное здание из белого камня, и правда оказавшееся зданием администрации. А справа от него, там, куда указывал вождь, находилось другое, тоже двухэтажное, здание с крупной надписью «Гостиница «Советская». Освещенные на нижнем этаже окна вызвали у путешественников коллективный вздох облегчения.

— Не заблудились! — обрадованно провозгласил Андрей.

— И, кажется, не закрыто, — поддержала его рыжая.

Они поднялись по трехступенчатой каменной лестнице на крыльцо, и Андрей толкнул выкрашенную в белый цвет деревянную дверь. На него пахло знакомым и забытым запахом. Это был особый аромат советского детства. Так пахло в фойе Дома культуры, и запах этот не исчез, даже когда все поменялось и по субботам вместо «Ералаша» стали крутить первые западные триллеры, а по вечерам устраивать дискотеки. Холодный запах мрамора, ковровых дорожек, деревянных дверей, пыльных тяжелых бархатных портьер. Вдохнув этот подзабытый запах, Андрей подумал, что название гостиницы очень символично, и с его языка едва не сорвалось восклицание, обращенное к девушкам: «А помните?..» Он осекся, решив, что начало их школьной поры как раз пришлось на финал советской эпохи. Их вряд ли принимали в пионеры, они уже не носили на школьных фартуках октябрятские звездочки, да и сама форма к тому времени, когда девушки пошли в первый класс, наверняка уже была отменена. Ему внезапно стало как-то одиноко. Одиночество ведь — это еще когда не с кем

разделить воспоминания.

За стойкой напротив входа сидела женщина, при виде которой захотелось вытянуться в струнку, потому что она очень напомнила Андрею Фурию — школьную директрису, которая нагоняла страх не только на учеников, но и на педколлектив. На ней даже было платье того же фасона, туго, будто наволочка подушку, обтягивающее тело. Голову администраторши венчала «хала» из крашенных хной волос, а жирные стрелки на верхних веках не столько подчеркивали глаза, сколько делали взгляд более жестким. Андрей даже заробел, когда эта женщина вперилась в него глазами. Он приблизился к стойке и нарочито веселым голосом, которым надеялся немного смягчить даму, сказал:

— Доброй ночи! У вас есть свободные номера для нескольких пассажиров сломавшегося автобуса? Вот такая оказия приключилась: ехали мы и не...

— Сколько? — сухо перебила его администратор.

— Что «сколько»? — не поняла мужчина.

— Номеров сколько?

— Два, — ответила за него рыжая.

— Три! — раздался за их спинами голос. Путешественники дружно оглянулись и увидели вошедшего в холл запыхавшегося молодого мужчину в костюме с саквояжем и компьютерной сумкой. Мельком кивнув им, как старым знакомым, вновь прибывший приблизился к стойке и вытер со лба пот.

— Невозможно в этой глуши поймать машину! — пожаловался он, глядя на круглые часы за спиной администратора. Дама раскрыла толстую, напоминающую гроссбух, тетрадь.

— Фамилии? — прокурорским тоном промолвила тетка.

— Моя — Васильев. Андрей Васильев.

— Анастасия Ермакова и Полина Вересова, — сказала блондинка таким серьезным тоном, будто отвечала прокурору. Следом за нею представился и бизнесмен:

— Геннадий Стояков.

— Паспорта!

Андрей достал свой, его примеру последовали остальные. Администратор собрала их документы и принялась от руки вносить записи в «гроссбух». Андрей смотрел на гладкий высокий лоб с хмурой «галочкой» между бровей, на отсвечивающие красным волосы и не мог избавиться от ощущения, что эта женщина — его не забытый даже спустя столько лет школьный кошмар, школьная директриса. Так и хотелось

спросить, не работала ли она когда-то в средней школе номер... Останавливала лишь здравая мысль, что возраст настоящей директрисы сейчас уже должен приближаться к восьмидесяти.

— Вера, проводи постояльцев, — очнулся он от строгого голоса администратора и только сейчас заметил, что за стойкой появилась худенькая девушка, одетая в синее платье с белым воротничком-стоечкой, с мышинного цвета волосами, убранными в гладкую прическу. То ли от недосыпа, то ли от усталости выглядела девица изможденной: щеки ее казались ввалившимися, нос и подбородок — излишне острыми, а под глазами пролегли такие сочные тени, что Андрей в первый момент принял их за гематомы.

Девушка послушно выплыла — а другого слова и не подберешь, такая заторможенная вялость была в ее движениях — из-за стойки. Администратор вручила постояльцам их паспорта, и все отправились за сотрудницей: Андрей с сыном впереди, за ними — девушки, Геннадий Стояков замыкал эту процессию. Девушка открыла перед ними тяжелую дверь, за которой оказалась белая мраморная лестница с высокими ступенями и широкими перилами (и правда как в Доме культуры! Андрей, помнится, еще съезжал в детстве по таким перилам на животе), и, жестом пригласив, принялась подниматься. «Вот это сервис! Вместо того, чтобы просто объяснить, куда идти, сопровождают. Не заблудились бы, поди, всего два этажа», — подумал он, глядя на неаппетитно худые икры девушки, до середины скрытые подолом платья. Горничная тем временем уже вошла в коридор, освещенный неярким светом. Красная ковровая дорожка глушила шаги, и в такой тишине делалось как-то особо неудобно.

Служащая остановилась перед первой дверью, достала из фартука обыкновенный, а не электронный, ключ, повернула его в замке и, не произнося ни слова, вопросительно оглянулась на постояльцев. Неловкое молчание затянулось: горничная выжидающе глядела на них, и лицо ее не отражало никаких эмоций, застыло, будто восковая маска, гости растерянно переглядывались.

— Ну, девушки, вперед! — бодро провозгласил Андрей, чтобы нарушить эту пугающую тишину. Может, служащая просто немая? Иначе как объяснить ее неразговорчивость?

Блондинка протянула руку за ключом, а затем без всяких эмоций, просто из вежливости, пожелала Андрею с сыном и Геннадию спокойной ночи. Рыжая же одарила всех улыбкой. Ключ от следующей комнаты получил уже Андрей. Попрощавшись с Геннадием Стояковым, он вошел в комнату и зажег свет. Номер оказался самым обычным: крошечная

прихожая с зеркалом и квадратная комната с двуспальной кроватью, узким столиком у стены, единственным стулом и шкафом. Андрей откинул портьеру и приоткрыл форточку, потому что воздух в помещении показался ему спертым, так, словно здесь давно не проветривали. Но это была единственная мелочь, к которой даже не придерешься и которую легко исправить. Во всем остальном номер был удобен. Особенно обрадовали Андрея огромная ванная и отличный напор горячей воды. Все не так уж и плохо! Особенно в сравнении с возможной ночевкой на дороге в пропахшей бензином сломанной маршрутке.

— Ну что, чемпион! — весело объявил он сыну. — Давай в ванную и спать!

Никитка немного покапризничал, отказываясь идти купаться. Но Андрей довольно быстро уговорил его, пообещав выпустить в воду шампуня.

«Не проспять бы», — подумал он, укладывая после купания сына в кровать и закутывая его в покрывало. Выставил на мобильном будильник на семь утра и, попросив Никитку не бояться, торопливо принял горячий душ. Когда он вышел из ванной, сын уже спал. Андрей тихонько лег рядом и осторожно поцеловал мальчика в пахнувший шампунем затылок. Ну что ж, приключения на сегодня окончены. Завтра они благополучно попадут на станцию и уедут ближайшим поездом в столицу.

Глава II

Той ночью Полина долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок на неудобном жестком матрасе, то и дело взбивала тощую, словно похудевшую на долгой изнурительной диете, подушку, пока на нее сердито не шикнула Настя:

— Хватит боксировать подушку, она тебе не груша!

Полина перевернулась на спину, закинула руки за голову и затихла. Если бы не эта задержка, ехали бы они сейчас в поезде. Ей всегда хорошо спалось в них: мерные покачивания и стук колес убаюкивали ее лучше всяких колыбельных. Думая о поездах, она вспомнила соседку по купе, рассказ которой дал ей идею для нового романа. Полина решила, что «спишет» один персонаж с той женщины. Только кто это будет и какую роль сыграет в повествовании, она еще не знала. Так нередко происходило: персонажи проявлялись в ее воображении постепенно, будто изображения на фотобумаге, открывались ей не сразу, иногда долго оставаясь безымянными, без профессий, без историй или, наоборот, без внешности, но уже со значимой ролью в сюжете. Полина ли придумывала им истории, или они сами «рассказывали» ей их, оставалось спорным вопросом. «Как тебе удастся делать персонажей такими живыми?» — как-то спросила Настя. «Я просто пью с ними чай», — ответила Полина. Во время работы над каждой книгой она думала о героях как о настоящих людях, с их вкусами и привычками, пропускала через себя их переживания, давала им возможность проявлять себя в поступках, хоть частенько это и шло вразрез с уже придуманной линией поведения и ломало изначальный сюжет. А еще она «пила с ними чай»: представляла себе, о чем могли бы говорить герои за чашкой чая на кухне, хоть эти диалоги и не имели никакого отношения к роману. Но, представляя себе эти «чаепития» между персонажами, она «подслушивала» их бытовые разговоры, «подглядывала» за их привычками, фиксировала жесты, мимику, тембр голосов, чтобы потом использовать это в рукописи. Вот тот герой, оказывается, говорит быстро и тихо, когда волнуется. Этот, когда задумывается, трогает кончик носа указательным пальцем. А у этой героини волосы совсем не темные и жесткие, как Полина изначально написала, а мягкие светлые кудряшки, и на ее щеках появляются при улыбке ямочки. Значит, и характер, и диктуемые им поступки у героини будут другими. И хоть мама ворчит, что Полина выдуманной жизнью подменила себе настоящую, ей нравится это. Ей не

скучно, ей всегда интересно. Только вот случился этот кризис — ну, с кем не бывает! Устала: шутка ли — написать за последние три года столько книг! Молодец Настя, нашла верное средство. Если бы не она...

Если бы не она, как сложилась бы ее, Полины, жизнь? Да по-другому бы сложилась, и не так хорошо, как хотелось. Некоторые моменты прошлого возникли в памяти так четко, будто все случилось вчера, и полынная горечь затопила сердце. Давно об этом не вспоминала Полина, не думала, не страдала, не мучилась, просто смирилась с тем, что где-то внутри остался рубец, с которым она проживет всю жизнь, благополучную или не совсем — как судьба сложится. Но она поклялась себе, что этот рубец никак не будет влиять на ее счастье.

Полина перевернулась на бок и закрыла глаза. Чтобы избавиться от непрошенных воспоминаний, она привычно стала думать о персонажах. Статский советник Василий Иннокентьевич Сибирский сажает свою двадцатилетнюю жену Елизавету Петровну на поезд в Петербурге. Молодая женщина путешествует в компании служанки Груши. Но поезд не доезжает до места назначения, его видят в последний раз на одной из промежуточных станций. А уже в наше время жители этого поселка начинают периодически видеть проносящийся без остановки мимо станции паровоз с пассажирскими вагонами. Тайну этого поезда пытается расследовать героиня уже современной линии, ни имя, ни внешность, ни профессию которой Полина еще не придумала. Она лишь успела написать, что однажды на глазах у современной девушки мимо станции пронесся со свистом и гудением старинный паровоз, в окно выглянула дама в шляпе и обронила что-то. Героиня в изумлении проводила состав взглядом, а затем бросилась к тому месту, куда предположительно упал некий предмет, и обнаружила возле рельса черную книжечку, оказавшуюся записной книжкой некой Елизаветы Петровны Сибирской.

Работать еще предстояло много: тайна старого паровоза оставалась для автора такой же загадкой, как и для пока безымянной героини романа. В одном из интервью Полина призналась, что практически никогда изначально не знает разгадок, расследование в романе ведет вместе с персонажами и зачастую развязку получает лишь тогда, когда дописывает историю почти до финала. Работать так, распутывая вместе с героями клубочек загадок, иногда вытягивая ошибочные нити, но в конечном результате находя ответы, было интересно, но вместе с тем и сложно. Куда проще писать по готовому, заранее продуманному плану! Некоторые коллеги Полины не садились за написание романа до тех пор, пока не расписывали его по эпизодам вплоть до финала. У нее же так работать не

получалось, сюжет строился постепенно, как дом — по кирпичику. Пока не допишет предыдущий эпизод, не увидит следующего.

— Вставай, соня! — прокричал кто-то над самым ухом. Полина открыла глаза и увидела Настю, одетую в джинсы и рубашку. — Опоздаем на поезд!

— Уже утро? — сонно спросила Полина.

— Утро, утро, — торопливо подтвердила Настя, отходя к своей брошенной на пол сумке и приседая над нею. — Позавтракаем на вокзале. Не дай бог пропустим утренний поезд и застрянем надолго.

Полина наскоро умылась и переоделась в старые джинсы и футболку. Ей хотелось выпить утреннюю чашку чая здесь, а не на вокзале. Но из опасения пропустить поезд она не стала спорить с подругой, убрала в сумку пижаму и несессер с банными принадлежностями и объявила, что готова.

Коридор встретил их такой глубокой тишиной, словно никого больше из постояльцев в гостинице не было. Девушки спустились на первый этаж и увидели пустую стойку ресепшена.

— Хорошо, что плату с нас взяли вчера, а то пришлось бы ждать, — прокомментировала Полина, кладя ключ на стойку.

На улице оказалось так же безлюдно, как и в гостинице.

— Если бы не этот развевающийся на здании администрации флаг, ей-богу, подумала бы, что в этом поселке никто не живет, — сказала Настя, наводя объектив камеры на здание гостиницы.

— Фотографируешь на память?

— Ну а как же! Наверняка потом в каком-нибудь твоём романе всплывет этот эпизод с ночевкой, так вот тебе мои снимки и пригодятся. Знаю я тебя! — весело откликнулась подруга, делая несколько кадров.

— Пошли, а то и правда опоздаем на поезд. Нам ещё ловить попутку.

Они пересекли площадь, обогнули памятник Ленину и... замерли на месте.

— Не поняла, — протянула Настя. — Здесь же вчера аллея была! Или мы с другой стороны подошли?

— Кажется, с этой... — растерянно ответила Полина, глядя на земляную неровную дорогу вместо асфальтированной.

— В темноте приняли землю за асфальт?

— Сомнительно. Дорога была освещена.

— Ну... вон фонарь, — кивнула Настя на деревянный столб с подвешенной к нему огромной лампочкой под конусовидным «абажуром». Подобные фонари стояли когда-то и в поселке, откуда были родом

родители Полины, а потом их сменили на более современные.

— Будем считать, что ночью асфальтированная аллея нам померещилась. Другого объяснения не нахожу. Идем! — скомандовала Полина, вновь подхватывая свою сумку.

Какое-то время девушки шли в полной тишине, нарушаемой лишь шорохом их шагов. Звук выходил какой-то сухой и трескучий, будто шли девушки по хворосту. Разговаривать не хотелось из-за оттягивающей руки ноши (Полина в какой раз уже пожалела, что не взяла в дорогу чемодан на колесиках) и из-за духоты. Еще вчера воздух дышал прохладой после прошедших дождей, и в нем витали горьковатые запахи приближающейся осени, а сегодня казался раскаленным, как в печи. Аномально жаркий день для второй половины августа.

— Такое ощущение, будто тут засуха стоит с самого начала лета, — сказала вслух Настя то, о чем мгновением раньше подумала Полина. — Сколько, думаешь, километров отсюда до поселка твоих родителей?

— Судя по тому, что мы не проехали на маршрутке и получаса, не так уж далеко.

— Может так быть, что дождь обошел стороной это место?

— Все может быть, Настя, но мне, если честно, как-то все равно, были ли тут дождь или нет.

— А еще писательница! — усмехнулась подруга. — Мне кажется, тебя такие детали должны интересовать. Это же можно целый сюжет развернуть!

— В данный момент меня интересует, как скоро мы сумеем поймать попутку. А атмосферные осадки пусть интересуют местных жителей.

— Какая ты...

— Слушай, мы здесь точно проходили? — перебила подругу Полина, указывая на безбрежное поле с высокой зеленой травой, в которое вдруг уперлась дорога.

— Сомневаюсь, — пробормотала Анастасия. — Мы вначале шли мимо какой-то постройки, потом мимо дворов. А поле я не припомню.

— Вот и я о том же!

— Заблудились?

— Мне с самого начала казалось, что это не та дорога.

— Но другой и не было, — развела руками Настя, поставив сумку на землю.

— Мы просто не стали ее искать.

— Поворачиваем назад?

— А что остается делать.

— Погоди, — остановила ее Настя. — Дай пару кадров сделаю. Красиво ведь! Не поле, а море.

— Кстати, тебе трава не кажется излишне зеленой? — спросила Полина.

— В смысле?

— Мы же говорили о том, что тут, похоже, не было дождей. При долгой засушливой погоде трава точно бы пожухла.

— Ну... Может, дожди и шли, но вода впиталась в землю.

— В родительском поселке не впиталась, а тут — да.

— Может, земля тут не такая глинистая! Вот привязалась, — усмехнулась Настя, расчехляя камеру.

— Так я же писательница! Сама сказала, что такие нестыковки должны привлекать мое внимание. Ладно, фотографируй все, что тебе нужно, и пошли. А то до вечера не уедем.

— Встань вон туда! — попросила Настя, указывая рукой на поле. — А лучше сядь. Попозируй. Будут новые фотографии как раз под выход твоей новинки.

— Ну, чем-чем, свежими снимками я всегда обеспечена благодаря подруге-фотографу, — откликнулась Полина, усаживаясь на кромке поля. — Иногда даже не знаю, кто я на самом деле — писательница или модель?

— Внешность у тебя практически модельная. Можно и на подиум выпускать.

— Один раз выпустили, — мрачно обронила Полина, припоминая тот случай, когда она участвовала в одном показе. Молодой модельер сделал ставку не столько на свои «шедевры моды», сколько на известные лица моделей и пригласил не профессиональных манекенщиц, а известных в других областях девушек: ведущих телешоу, актрис сериалов, певиц, журналисток и писательниц. Полине позвонили из пиар-отдела издательства с предложением лишней раз «засветить имя», так как репортаж о показе с краткими биографическими справками «моделей» должен был потом выйти в одном глянцевого журнале. Она согласилась скорее из любопытства, чем рассчитывая таким образом повысить продажи книг. И все бы ничего, если бы Полина, во время репетиции уверенно ходившая по подиуму на высоченных каблуках, не оступилась во время показа, не запуталась в длинной хламиде, напоминавшей не столько платье, сколько сшитую тунику из двух простыней в диких цветных разводах, и не растянулась бы на подиуме под вспышками фотокамер. Тогда она поднялась, конечно, и продолжила свой путь с улыбкой, но в журнале так и

напечатали тот кадр, когда она поднималась с колен. «Засветилась на карачках, прорекламировала, называется, книгу пятой точкой», — ворчала потом Полина, в то время как Настя, разглядывая снимок в журнале, не могла унять хохота. «Даже скан странички нигде не выведешь! А ведь собиралась похвалиться тем, что впервые в жизни приняла участие в показе! Ну и как тут быть? Мало того, что в простыню такой дикой расцветки завернута, так еще и стою в такой негламурной позе. Забыть и не вспоминать!» — «Да нет же, наоборот! — возразила уже серьезно Настя. — Размести! Пусть все знают, если ты падаешь, то тут же встаешь и идешь вперед! А красивых фотографий я тебе сколько угодно сделаю». Полина тогда так и сделала: разместила с собственными шутивными комментариями скан журнальной страницы в блоге. Но сама все же тот случай вспоминать не любила.

— Ну все, отлично! — сказала Настя, опуская камеру. — Пошли!

— погоди, покажи, что вышло, — попросила Полина, зная, что подруга не любит показывать отснятый материал на камере, но все же иногда по ее просьбе демонстрирует пару-тройку кадров.

— Потом, дома, — заартачилась Настя.

— Пожалуйста...

— Ну ладно, — вздохнула подруга, нажимая какую-то кнопку. — Смотри. Чудо как хорошо вышла!

Она пролистала несколько снимков и уже собралась было зачехлить камеру, как Полина вдруг воскликнула:

— погоди! Покажи предыдущий кадр.

— Потом, Поль. Дома все рассмотришь. Хорошо вышла и...

— Я не об этом! Вернись и сама все увидишь!

— Пожалуйста... Ой! Что это? — нахмурилась Настя, увеличивая кадр. Они обе склонились над камерой, а затем испуганно перевели взгляды на поле и обратно на камеру.

— Откуда эти люди?.. — прошептала Настя.

В кадре, помимо сидевшей в траве и беспечно улыбающейся Полины оказалось еще несколько фигур мужчин и женщин, косящих траву в поле. Одна из фигур, будто заметив девушек, развернулась к объективу лицом. Настя увеличила кадр, чтобы разглядеть лучше этого человека, и чуть не выронила камеру.

— Страшный какой...

Худой, как обтянутый кожей скелет, мужчина в оборванной рубаше и надвинутой на лоб соломенной шляпе улыбался им жуткой, похожей на оскал, улыбкой. Коса в его руке лишь усугубляла ассоциации со смертью.

— Как это вышло? — пробормотала испуганно Настя. — В поле, когда я тебя снимала, никого не было! Я не видела их ни простым глазом, ни через камеру.

— Не нравится мне все это. Пошли отсюда скорее! — сказала Полина, подхватывая свою сумку и торопливо направляясь по дороге в сторону поселка.

— Слушай, может, удалить эту фотографию? Зачем нам такая жуть? — спросила, нагоняя ее, Настя.

— Оставь пока. Дома еще раз посмотрим.

— А ты как это объяснишь? Ты же мистику всякую пишешь!

— Не знаю, Настя, — несколько раздраженно ответила Полина, шагая так быстро, будто готовясь в любой момент перейти на бег.

— Если бы это произошло в твоей книге, ты бы дала объяснение.

— Настя, мы не в моем романе. Давай, поторопись. Господи, эта дорога какая-то бесконечная! Мне кажется, мы уже давно должны были прийти.

Дорога и в самом деле словно удлинилась. Они шли и шли по рассохшейся земле вдоль редких деревьев, которые казались декорациями из-за того, что ветер совсем не шевелил листву, в тишине, нарушаемой лишь их репликами.

— Опять заблудились?

— Не думаю. Вон стоптанный башмак валяется, мы точно мимо него проходили.

— Как некстати сломалась эта чертова маршрутка! Знаешь, я уже жалею, что мы вообще ушли с дороги, лучше бы остались ночевать там. Глядишь, уже бы поймали попутку.

— Полина, не паникуй. Включишь это маленькое приключение потом в книгу.

— С фотографией-иллюстрацией...

— А то! Вон, кстати, уже памятник показался! Сейчас найдем ту аллею, по которой вчера пришли, и выйдем к дороге.

— А вон мужчина с мальчиком! — обрадовалась Полина. — Как его зовут, Андрей?..

— Мужчину? Да, — ответила Настя и закричала: — Андрей! Доброе утро!

— Здравствуйте, — тоже издали, но более сдержанно поздоровалась Полина, хоть про себя обрадовалась этой встрече. Они с Настей уже не одни. Мужчина — это защита и сила.

Проспали. Почему-то не прозвонил будильник, и вместо желаемых семи утра Андрей открыл глаза в половине десятого. Сын спал рядом, разметавшись на кровати так, что для отца оставался лишь узкий край. При взгляде на спящего ребенка раздражение из-за позднего подъема будто рукой сняло. Андрей улыбнулся и тихонько встал, решив разбудить сына после того, как примет душ. Но когда он вернулся обратно в комнату, застал Никитку уже сидящим на кровати и сонно трущим кулачками глаза.

— А где девочка? — спросил сын.

— Какая девочка?

Мальчик обвел взглядом комнату и ответил:

— Ну, та, которая обещала игрушку.

— Никита, тебе приснился сон. Никакой девочки тут нет.

— Нет, была! — неожиданно с нажимом произнес сын и захныкал. Андрей вздохнул и присел рядом с ним на кровати: иногда Никита со сна начинал капризничать, путая приснившееся с реальностью.

— Она сказала, что пойдет за игрушкой, и ушла. Вон туда, — указал Никита на входную дверь. — Я сказал, что хочу машинку! Красный джип.

— Хорошо, — сдался Андрей. — Давай вначале умоемся, почистим зубы, а затем пойдем вниз и поищем ту тетю. А если не найдем, машинку тебе куплю я. Красный джип. Договорились?

Сын неопределенно мотнул головой, слез с кровати и нехотя поплелся в ванную.

Четверть часа спустя Андрей запер номер и, перекидывая через плечо ремень дорожной сумки, подумал, что надо бы постучать к девушкам, раз им тоже надо на поезд в столицу. Он бы так и сделал, если бы вспомнил, в какой комнате они остановились. При дневном свете коридор показался ему совершенно другим — гораздо длинней, с рядом совершенно одинаковых дверей. Кажется, номер девушек был возле лестницы, но вот незадача: таких выходов на площадки оказалось несколько. Теперь понятно, почему администратор попросила другую служащую сопроводить их. Андрей повертелся на месте, думая, в какую сторону отправиться, и решил, что все лестницы наверняка ведут в холл.

— Пошли, чемпион! — скомандовал он сыну, и тот послушно направился за ним к ближайшей лестнице.

Он ошибся: лестница, похожая на вчерашнюю, привела к запертой двери. Андрей подергал ручку вверх-вниз, но безуспешно. Ничего не

оставалось, как вернуться и выбрать другой выход. И опять они попали не туда: на этот раз путь привел их к узкой площадке и двери, за которой оказалось помещение со швабрами, ведрами и развешенными на крючках синими халатами.

— Опять не туда, — сказал раздраженно Андрей. Благо, Никитка не капризничает, послушно поднимается-спускается за ним следом. Спросить бы у кого-нибудь дорогу, но, как нарочно, гостиница словно вымерла. В следующий раз они попали в помещение, оказавшееся столовой. В большом зале в два ряда наискосок выстроились квадратные столы, покрытые клеенчатыми скатертями. Часть столов была сервирована, часть — еще нет. В воздухе витали запахи еды: кофе и выпечки. Уютно, но что-то все же не так. Что — Андрей понял не сразу, только когда рядом раздался голосок его сына, прозвучавший в тишине слишком громко:

— Пап, я есть хочу!

Тишина! Вот что тут было не так. Общественные столовые обычно наполнены характерными шумами: звоном столовых приборов и посуды, голосами обслуживающего персонала. Здесь же царили тишина и безлюдность.

— Эй, здесь есть кто? — спросил Андрей. И его низкий голос, отразившись от голых стен мраморного пола, прозвучал неожиданно звонко.

— Ребенок есть хочет! Есть здесь кто?

Молчание. Андрей подождал в надежде, что кто-нибудь к ним выйдет с кухни, и потерял терпение.

— Никита, мы позавтракаем на вокзале.

— Ну пап, — заканючил так не вовремя сын.

— Потом, потом, — пробормотал он, уводя сына за руку. Не нравилась ему эта безлюдность. Не нравилась, и все тут.

Из столовой вело два коридора: один — к той лестнице, по которой они сюда спустились, второй — к мраморному бюсту Ленина и стоявшим по его бокам в почетном карауле двум пальмам в кадках. Андрей решил не возвращаться к лестнице, дошел до бюста и открыл прячущуюся за одной из пальм дверь. Наконец-то они оказались в холле!

Здесь царила та же безлюдность и тишина, что и во всем отеле. Андрей немного подождал возле стойки ресепшена, но, убедившись, что никто на его зов выходить не собирается, просто положил ключ рядом с уже лежащим на стойке и направился к выходу. На улице его и окликнули девушки.

— Как хорошо, что мы вас встретили! — улыбаясь, сказала рыжая —

яркая, приветливая, летняя. Вторая девушка поприветствовала его более сдержанно. Снежная королева, несмотря на загар. Лето и зима — вот кто они, две подруги.

— Приятно, когда тебя встречают с таким радушием, — не удержался он от безобидной шпильки, которую смягчил улыбкой.

— Здравсьте, — поздоровался серьезно, как маленький мужчина, Никита.

— Здравствуй, хороший! — откликнулась тут же рыжая, улыбаясь так ласково, будто мальчик ей был родным. Блондинка же ограничилась чуть отстраненным «Здравствуй».

— Мы заблудились! — объявила Анастасия.

— Мы тоже, — признался Андрей. — В гостинице. Ну что ж, пойдём вместе! Так даже лучше.

Он направился к памятнику, откуда, как помнил, вела аллея, но его вдруг окликнула блондинка:

— Андрей! Мы только что оттуда. Эта дорога ведет в поле.

— В какое поле? — не понял он. И тут увидел, что дорога была совсем не похожа на вчерашнюю.

— Позвольте, а где аллея?

Девушки между собой переглянулись, и Настя после некоторой заминки ответила:

— Мы тоже удивились, не увидев ее. Значит, вы тоже считаете, что ночью мы пришли с этой стороны?

— Считаю, но уже сомневаюсь. Не могли же за ночь снять с дороги асфальт?

— Эта дорога ведет в поле. Мы проверили. Можем даже показать фотографии-доказательства.

— Верю, верю. Ну что ж, поищем другой путь. А еще лучше, если поступим вот так...

Он достал мобильный телефон с тем, чтобы войти в Интернет и посмотреть карту. Но оказалось, что связи никакой в этом месте нет.

— Печально. Придется искать путь самим. Хотя можем спросить у местных.

— Мы пока не встретили ни одного местного, — сказала рыжая. — Только вот...

И, смутившись, осеклась.

— Что? Договаривайте, — потребовал Андрей, который не любил недосказанности.

— Это пустяк... Не имеет никакого отношения, но... В общем, вот, —

решилась девушка, расчехлила висевшую на шее камеру, включила ее и показала Андрею.

— Я снимала мою подругу. В поле точно никого не было. А на снимке сами видите, что вышло.

— Хм... Занятно. Теперь понимаю, почему вы так обрадовались нашему с Никитой появлению. Напугались?

— Да, — ответила вдруг молчаливая блондинка. Ответила серьезно, без смущения, глядя Андрею прямо в глаза. И он неожиданно почувствовал нечто похожее на симпатию к ней, просто потому, что она, с виду холодная «девушка-зима», так просто, без жеманства, призналась в своем страхе.

— Меня такие вещи пугают, — продолжила она без тени кокетства. — Давайте найдем поскорее дорогу, иначе опоздаем не только на утренний, но и на послеобеденный поезд.

— Ваши сумки тяжелые? Может, оставим их в отеле, найдем правильную дорогу и вернемся?

— Сумки тяжелые, но не настолько, чтобы терять из-за них время, — без улыбки ответила Полина, в то время как ее подруга клацала кнопками мобильного телефона. — О нас не беспокойтесь. Ваш мальчик выдержит дорогу?

— Никита, выдержишь? — весело спросил Андрей, которому понравилось то, что девушка проявила заботу о его сыне.

— Выдержу! — та серьезная торжественность, с которой ответил сын, вызвала улыбки у троих.

— Совсем нет связи, — невпопад заметила рыжая, отрываясь от телефона, и вздохнула с таким огорчением, будто дозвониться до кого-то для нее было вопросом жизни и смерти. Но, убрав телефон в карман, уже с улыбкой на губах предложила попробовать другой путь.

— Ерунда какая-то, — сердито произнес Андрей почти час спустя, после того как они, пропетляв по другой дороге между полуразрушенных бараков и обогнув очередное широкое поле, вновь пришли в поселок напрямиком к гостинице, только не к фасаду, а зашли с тыла. Девушки притихли, то ли удрученные тем, что опять потерпели неудачу, то ли чувствуя вину за неверно выбранный путь.

— Все дороги ведут в Рим, — вздохнул Андрей.

От этого его замечания Настя вдруг вздрогнула и посмотрела на него так, словно он произнес пророческие слова.

— Не беспокойтесь, мы обязательно найдем отсюда выход, — поторопился успокоить девушку Андрей. Рыжая улыбнулась растерянно, словно не его словам, а каким-то своим мыслям. Похоже, есть у девчушки

свой секрет, вон и подруга посмотрела на нее с каким-то значением.

— Па-ап, я есть хочу! — заканючил сын, который до этого мужественно вытерпел весь путь.

— Андрей, давайте сделаем паузу, накормим ребенка и сами перекусим, а потом продолжим поиски дороги, — сказала Полина.

— Здесь есть столовая, — согласился он. Никитка, услышав, что его сейчас поведут завтракать, повеселел и прекратил капризничать.

Когда они поднимались на крыльцо, за их спинами раздался громкий рассерженный голос:

— Черт знает что!

К гостинице быстрым шагом направлялся Геннадий Стояков. Одет молодой человек был, как и вчера, в деловой костюм, только вид у бизнесмена был уже не такой безупречный: темно-вишневый галстук выбился из-под пиджака и свесился мятой тряпочкой набок, напоминая высунутый в жару язык огромного пса, брюки, как и туфли, оказались заляпаны свежей грязью. Геннадий раздраженно провел рукавом по лбу, стирая капли пота, и поставил прямо на землю свой багаж.

— В какой стороне дорога? — тем же рассерженным тоном спросил он.

— Сами ищем, — ответил Андрей, усмехаясь. Отчего-то ему сделалось смешно, хоть ситуация совершенно не располагала к веселью. Но, похоже, они попали, как герои американского триллера, в переплет. Это же еще придумать надо — не суметь выйти из маленького поселка. К месту или не к месту вспомнилась фраза из народного фольклора: «леший водит». Будто и точно их леший водит кругами, хоть и не по лесу, а по окрестностям.

— Черт знает что, — повторил Геннадий, вновь вытирая мокрый лоб.

— Похоже, черт как раз и знает, что происходит, — заметил Андрей. — Пойдемте с нами завтракать.

— Какое «завтракать»?! Я сегодня до обеда уже должен был быть в Москве! У меня встреча назначена! Мало того, что сломалась эта консервная банка, мало того, что никак к дороге выйти не могу, так еще и мобильный нигде не ловит! А вы — «завтракать»?! Как вы можете так спокойно об этом говорить?!

— А что еще остается делать? — пожал плечами Андрей. — Послушайте совета: позавтракайте. На голодный желудок проблемы кажутся в сотню раз больше. Вот увидите, поедим и найдем выход. Мы тоже, как и вы, блуждаем и жаждем отсюда выбраться.

— Ну, хорошо, — сдался молодой человек. — Где можно поесть?

— В столовой. Правда, персонала я не дождался, но свежей едой там пахло вполне аппетитно. Можно еще позавтракать тем, что предлагают мини-бары. В нашем номере такой был.

— Мини-бары обычно предлагают алкоголь и орешки, — усмехнулся Геннадий. — Вряд ли там найдется что-то для детского питания.

— Тогда идем в столовую, — вмешалась Полина. — И плотно завтракаем. Похоже, это приключение так быстро, как нам хотелось, не закончится.

Глава III

Не накакать бы... С тем, что приключение быстро не закончится. Фраза вырвалась как-то сама собой, и Полина уже пожалела об этом. Задерживаться в поселке ей совсем не хотелось. И даже писательское любопытство к различным загадкам и историям не навеивало желания остаться. Интуиция, которая была у нее развита совсем неплохо, подсказывала, что им нужно как можно скорей найти нужную дорогу. Этими опасениями она и поделилась с Настей по пути в гостиницу. Подруга согласилась, рассеянно кивнув, — она все пыталась связаться по телефону со своим итальянцем. И, судя по нахмуренным бровям, ей это не удавалось. Андрей правильно заметил, что тут отсутствовала мобильная связь и не ловился сигнал Интернета.

— Насть, оставь, — шепнула Полина подруге. — Выйдем отсюда, и напишешь своему Франческо.

Настя вздохнула и убрала телефон в карман, а Полина подумала, что подруга зря говорит, что не увлечена обаятельным итальянцем: она не расстроилась бы так из-за неудачной попытки выйти с ним на связь. Ох, Настя, Настя, ты можешь обманывать сама себя, но не наблюдательную подругу!

За стойкой ресепшена по-прежнему никого не было, ключи лежали так, как их и оставили. Полина предложила забрать их на тот случай, если придется подняться обратно в номера. Столовую они нашли без приключений. И хоть там тоже никого не оказалось, их будто ждали: количество накрытых столов соответствовало количеству занимаемых комнат — три, а один из приборов оказался детским.

— Ну что, присаживаемся? — спросил Андрей, обводя взглядом накрытые столы. Масло в простых фаянсовых масленках, крупные ломти хлеба на белых тарелках, желтый сок в стеклянных графинах. Чуть поодаль находилась стойка, на которой, как в современных гостиницах, практикующих завтраки по типу шведского стола, стояли лотки с едой — сосисками, омлетом, гречневой кашей, кувшин с молоком, пирожки и оладьи со сметаной.

— Сытно и аппетитно, — пробормотала Полина. — И, главное, все еще горячее, будто еду только с плиты сняли.

— Эй! Здесь есть кто? — громко позвал Геннадий, но никто не отозвался.

— Обслуга-призраки, — усмехнулась Настя, поворачиваясь к Полине. — Ну прям как в твоих романах.

— Вы пишете романы? — живо заинтересовался Геннадий, в то время как Андрей возле лотков уже обсуждал с сыном, что тому положить.

— Пишу, — не стала ломаться Полина.

— Надо же! — восхитился молодой человек. — А что-нибудь уже издали?

— Издала, — кратко ответила Полина, мысленно прикидывая, что взять — оладьи или кашу с молоком. Приключения приключениями, а есть все же хотелось. Благо в этой странно опустевшей гостинице все же позаботились о постояльцах. Остается надеяться, что еда тут не отравленная. Но в преступные замыслы персонала совершенно не верилось. Какой резон им травить постояльцев?

— О, как интересно! — не отставал Геннадий, подходя вместе с ней к лоткам с едой и накладывая в свою тарелку все подряд — скорее машинально, чем от голода. — И что же вы пишете? Любовные романы или детективы?

— И то и другое, — уклончиво ответила Полина, которой разговаривать сейчас совершенно не хотелось, но и казаться невежливой — тоже. — Мистические с любовной и детективной линиями, если вас устроит такое объяснение.

— Это что, про любовь с вампирами, что ли?

— Нет. Пишу про старинные легенды, семейные тайны, проклятия и так далее. Вместо вампиров — призраки, экстрасенсы и ведьмы.

— О как... Значит, любите чертовщину?

Полина уклончиво мотнула головой, не давая точного ответа. Любит ли она «чертовщину», как выразился Геннадий? Не столько любит, сколько... относится к ней с уважением.

Она положила на тарелку оладьи со сметаной и омлет и направилась к столику, за которым уже сидела Настя. Геннадий со своей тарелкой устремился не к свободному, сервированному специально для него столу, а за Полиной.

— Можно, девушки, к вам присоединиться?

— Вы уже присоединились, — буркнула Полина.

— Скажите, все писательницы такие серьезные? Вы хоть бы улыбнулись, — игриво поиграл бровями Геннадий.

— Обстановка не слишком располагает к улыбкам, — отрезала Полина. Не в том настроении она находится, чтобы флиртовать!

— Не обращайтесь внимания на ее неприветливость, — вмешалась

Настя. — Дайте ей спокойно поесть, и тогда увидите, как изменится ее настроение! Полина бука букой, когда голодная, а вот когда сытая — сама любезность.

— Настя! — Полина от возмущения чуть не поперхнулась соком. Такой подлянки от близкой подруги она никак не ожидала — сдала ее со всеми, что называется, потрохами. Ей совершенно неинтересно любезничать с этим молодым человеком. Вот позавтракают они сейчас и разбредутся каждый своей дорогой.

— Ну раз так... — рассмеялся Геннадий, но, к счастью, понял, что его обществу сейчас не особо рады. — Хорошо, если я вам мешаю, уйду.

— Да нет, можете остаться, — невинно заметила Настя, скосив глаза на торопливо жующую и делающую вид, что ее внимание полностью занято едой, Полину.

— Боюсь, испорчу вашей подруге аппетит. А мне очень хочется увидеть ее куда более любезной. Приятного аппетита!

С этими словами молодой человек взял свою тарелку и пересел за отдельный столик.

— И что на тебя нашло? — тут же зашипела Полина на подругу.

— А на тебя? Чем он тебе не угодил?

— Болтовней, когда я не настроена общаться и улыбаться.

— Ну, подарила бы ему пару улыбок — с тебя бы не убыло.

— Зачем?

— О господи, — закатила глаза Настя. — Похоже, ты уже настолько погрузилась в свой книжный мир, что разучилась общаться с представителями противоположного пола в реале. Смотри, вполне себе приличный молодой человек! Симпатичный, хорошо одетый, похоже, с престижной профессией.

— Ты что, мне его сватаешь?

— Да никого я тебе не сватаю, — воскликнула, забывшись, Настя, так, что их услышал сидевший за соседним столиком Геннадий.

— Тише ты, — одернула шепотом подругу Полина и осторожно скосила глаза в сторону соседа: смотрит или нет. Геннадий смотрел на них внаглую и ухмылялся. Конечно, слышал, о чем они тут спорили. Полина рассердилась и на Настю, и на этого Геннадия, и на себя саму за то, что от неловкости ее щеки тут же вспыхнули румянцем.

— Приятного аппетита! — громко пожелала подруга молодому человеку — вроде бы и вежливо, но с намеком. Не отвлекайся на чужие разговоры, ешь! Мало чем ее смутишь — смелую, яркую, уверенную в себе. Геннадий отвернулся и принялся черпать из тарелки ложкой

гречневую кашу. Полина скосила на него взгляд. Настя права: симпатичный. Темно-русые волосы подстрижены будто вчера, на тонкой переносице — очки в дорогой оправе. Все детали гладковыбритого лица подобраны-подогнаны так идеально, что лицо казалось обработанным в фотошопе портретом. Так все гладко и ладно, что не за что зацепиться: скользнешь по лицу взглядом и... забудешь, перепутаешь с другими, увиденными на рекламных плакатах. Все в его внешнем виде было так безупречно, что казался этот молодой человек ненастоящим. Это там, в столице, ежедневно пробегает по бурлящим людским потокам и тротуарам множество банковских клерков — выпускников престижных вузов, сделавших к тридцати годам неплохую карьеру. А здесь, в глубинке, выбивался он своим видом так, как выбивался бы Кен на полке с советскими пупсами.

— Он какой-то ненастоящий, — шепнула Полина Насте. — Не находишь?

Подруга лишь пожала плечами, украдкой проверила свой телефон и тихо вздохнула. Полина бросила на нее сочувственный взгляд. Настя без аппетита подцепила вилкой кусочек омлета и отправила в рот. За соседним столом Андрей, наклонившись к сыну, что-то тому шептал. Судя по нахмуренным бровям мальчика и строгой морщинке над переносицей отца, беседа велась воспитательного характера. В какой-то момент Никитка стукнул кулачком по столу и упрямо выпятил нижнюю губу.

— Никита, ешь, что дают! — повысил голос отец, но, спохватившись, опять перешел на шепот.

Еда оказалась горячей, свежей и вкусной, но к гостям никто так и не вышел. Тишину нарушали лишь тихие переговоры да звяканье столовых приборов.

— Непонятный сервис, — высказал вслух то, о чем думали все, Геннадий. Отодвинул тарелку и сыто откинулся на спинку стула. — Наготовили и ушли, даже записки не оставили.

— Я думаю, что в гостинице работает очень мало народу, отработали смену, взяли с нас плату за ночлег, завтрак оставили и разошлись отдыхать, — ответила Настя.

— Скудное объяснение, — как будто расстроился Геннадий. — Вон писательница тут развернулась бы. Ну чем не сюжет для романа, а?

Его игриво-фамильярное обращение возмутило Полину, но она промолчала и даже не повернула головы.

— Так что делать будем? — спросил Геннадий, обращаясь вроде бы и ко всем сразу, но при этом косясь на Полину — не с интересом, а

снисходительно, словно ожидал ответа от нее и знал, что ничего она предложить не сможет.

— Как что — искать обратную дорогу, — ответил за всех Андрей. — Подкрепились — и в путь.

— Мы уже все пути-дороги исходили, — заметила Настя, но, однако, поднялась первой. — Андрей, может, вам с мальчиком тут подождать? А мы поищем того, кто бы подсказал нам дорогу.

— Нет, мы пойдем с вами, — возразил Андрей. — Но вещи предлагаю оставить в номере. Вернемся за ними, когда найдем дорогу.

— Я все возьму с собой: багаж у меня небольшой, а терять время я не привык, — с пафосом заметил Геннадий и, перехватив случайный взгляд Полины, подмигнул той.

«Так и не теряй его! На что ты надеешься?» — мысленно ответила она. Вопрос, обращенный к Геннадию, был риторическим, но шесть лет назад чуть не закрыл для нее дверь в мечту.

— *Полина, на что ты надеешься?* — спросил Юрьев, закрывая папку с внушительной стопкой бумаги. Накануне Полина осмелилась признаться ему в том, что пишет, и Игорь немедленно попросил ее дать ему почитать. Просьба прозвучала и неожиданно, и ожидаемо: девушка на это и надеялась, что Юрьев станет ее первым читателем. Но одно дело надеяться, и другое — на самом деле отдать папку с распечатанным романом, выйти из тени на помост, обнажиться — не телом, а душой, отдать свои мысли и мечты на растерзание чуждому мнению. В какой-то момент Полина испытала желание дать обратный ход, отговориться тем, что роман еще не готов. Но в глазах Игоря прочитала такой интерес, что вытащила из шкафа заветную папку. Юрьев ее взял, убрал в «дипломат» и ушел на работу. А Полина весь день не находила себе места, представляя, как Игорь листает — нет, не страницы, а ее мысли, — и хмыкает, и удивляется, и не соглашается. Она даже малодушно надеялась, что он забыл о папке или ему просто было некогда читать.

Нет, не забыл, читал в перерывах между лекциями, в обеденную паузу, в «окно». И вот сейчас он восседал на стуле, будто судья в своем кресле, а она топталась перед ним, как обвиняемая.

— *На что ты надеешься, Поль?* — повторил Игорь, глядя ей в глаза своими темными, как беззвездная ночь, глазами.

— *Так... плохо написано?* — выдавила она непослушными губами.

— *Нет, написано как раз хорошо, есть у тебя стиль, рассказывать ты тоже умеешь. Но, думаешь, вот это кто-то прочитает в издательстве?* — Юрьев потряс папкой, и Полина покраснела до самых

корней волос.

— А почему нет? На форуме говорят, что издательства рассматривают рукописи, нужно только отправить на нужный адрес... Позвонить, спросить адрес редактора и отправить.

— Ты что, всерьез думаешь отправлять роман в издательство? — спросил Игорь и рассмеялся. — Полинка, девочка моя, не будь такой наивной! Там же, в издательствах, все схвачено! Попадают туда либо по знакомству, только если кто-то замолвит за тебя словечко, и этот «кто-то» — далеко не последнее лицо. Либо если у тебя есть много-много денег и ты способна проплатить публикацию. Либо если ты уже какая-нибудь звезда, ну там киноактриса или певица. Насколько я знаю, у тебя нет дяди — директора издательства. Богатого спонсора тоже. И по телевизору ты тоже не мелькаешь. Так на что надеешься?

— А на форумах...

— На форумах! — передразнил Юрьев. — Мало ли что там говорят! Тебе тоже никто не запрещает под вымышленным именем писать различные небылицы.

— Откуда ты все это знаешь? — пошла в атаку Полина.

— Знаю, — припечатал он веско. — Любой знает, кроме тебя. Девочка моя, любимая, ну не будь такой наивной!

— Ты лучше скажи, как написано, — отважилась она.

Над этим романом Полина работала год, продумывая детали, составляя сюжет даже не по кирпичикам, а по песчинкам, вживаясь в образы героев. Жанр она выбрала неоднозначный: и не детектив, и не любовный, и не фэнтези. Какой-то винегрет из жанров — всего понемногу. Сама она находила свой эксперимент удачным. Но вот что скажет ее первый читатель?

— Написано отнюдь не ужасно, как я уже сказал. Интересно даже. Хотя романтики, на мой взгляд, с избытком. Вот если бы ее удалить, да оставить сюжет, да еще бы немного поработать над ритмом, а то у тебя сюжет местами провисает: идет-идет динамично, а потом — бац, и спотыкаешься о долгие описания, то было бы, на мой взгляд, совсем неплохо. Но что там у тебя намешано — не поймешь. Впрочем, захватывает.

— Так, может, я попробую? — оживилась Полина.

— Гм... Ну, попробуй, — снисходительно откликнулся Юрьев. — Только, говорю, время потеряешь. Да и расстраиваться будешь, если не получишь ответа. А его и не будет. Или, того хуже, будет, но отказ. Лучше не пытайся, финал все равно известен. Нравится тебе писать? Пиши.

Можешь даже в Интернете выкладывать, если тебе хочется читателей. Но соваться в издательства...

Он покачал головой и вернул ей папку.

Засыпала в ту ночь Полина в смешанных чувствах. То ей хотелось назло Игорю набраться смелости и отправить текст по всем издательским адресам, то, наоборот, она собиралась убрать папку подальше и больше не доставать, а то и вовсе удалить роман из компьютера. Вдруг Игорь похвалил ее лишь чтобы утешить, а на самом деле пишет она ужасно и скучно?

Следующий день у нее, работавшей в одной частной клинике на ресепшене по сменному графику, был выходной. Полина гнала мысли о романе, стараясь занять себя домашней работой, но взгляд то и дело натывался на телефон и тетрадь с выписанными в нее номерами. И когда у нее пригорел обед, Полина поняла, что единственный способ избавиться от мыслей о рукописи и сомнениях — это позвонить в издательства.

Первый блин оказался вовсе не комом: Полине сообщили адрес редактора, на который можно прислать рукопись. Правда, ответить на вопрос, в каком жанре написан роман, внятно она не смогла. «Чего у вас там больше — детектива или любви?» — спросила девушка-секретарь. «Люби», — выдала Полина, забыв добавить про мистику. Но это уже было не важно: главное, она получила желаемый контакт!

Дальше дело пошло бодрее, и к четырнадцатому звонку Полина уже смело тарабанила по телефону и про жанр, и про объем рукописи. А затем, пока не прошел кураж, разослала рукопись по всем полученным адресам.

Отказы посыпались сразу же: не прошло и часа, как Полина получила три отрицательных ответа из издательств помельче, отвергнувших ее рукопись на основании того, что нет серии под мистический роман. Первый отказ ударил, конечно, больно. А после третьего Полина неожиданно воспрянула духом: похоже, не прав был Игорь, говоря, что в издательства попадают по блату. Дали же ей контакты и ответили, пусть и отказами! А это значит, что надежда остается. Вдруг, вдруг...

— Полина, собирайся! — закричал с порога вернувшийся домой раньше времени Юрьев.

— Куда? Зачем? — не поняла она.

— Подтвердили мое участие в семинаре в Питере! Поезд сегодня ночью. Я заказал два билета, вот они! — Игорь торжественно потряс ими высоко надо головой. — Конференция продлится три дня, а потом мы целый день будем гулять по городу, свободные, как ветер. Ну как, рада?

Он замер — торжественный, довольный и собой, и сюрпризом, красивый, с улыбкой победителя на губах. Ждал, что Полина радостно завизжит и бросится ему на шею, а она почему-то медлила с проявлением радости, растерянно мялась и оглядывалась на комнату, в которой гудел включенный компьютер.

— Что-то не так? — насторожился он.

— Нет, нет, все так!

— Ты не рада?

— Рада, конечно, рада! Во сколько поезд?

Игорь, услышав в ее голосе привычные ему интонации, успокоился и сразу стал деловым.

— Час на сборы, — ответил он, бросив взгляд на часы. — Я соберу нужные бумаги, скачаю на флешку кое-какую информацию. А ты подготовь наши вещи на четыре дня. Ну и что мне потребуется на конференцию. Ты знаешь.

И Полина послушно отправилась в спальню собирать свои вещи и его.

Четыре дня в Питере показались ей четырьмя годами, хоть Полина и любила Питер. Она была здесь уже с Игорем однажды, еще студенткой-пятикурсницей, отчаянно влюбленной в него, молодого преподавателя-аспиранта. Они тогда спонтанно сбежали на выходные в Питер из суетливой шумной Москвы. Тогда город распахнул им свои объятия, показал все свои яркие и привлекательные стороны. А по возвращении Игорь забрал Полину из общежития и поселил у себя. Чудесный момент, волшебный, яркий, оставивший отпечаток в ее душе на долгие годы. В этот же раз город будто решил сыграть на контрасте: встретил их непогодой, как рассерженный маразматичный старик, осыпал, словно бранью, дождями, отхлестал ветрами. Серый, сырой, холодный. Юрьев пропадал на конференциях, таскал Полину за собой на скучные ужины, говорил только о себе и докладах и ни разу не поинтересовался у своей спутницы, как она себя чувствует. Спыхватился только к концу второго дня, когда Полина, промерзшая в конференц-залах, уставшая от монотонных лекций и бесконечных незапоминающихся знакомств, высказала Игорю все, что у нее накопилось, а под конец расплакалась.

— Хорошо, моя девочка, прости... Я так увлекся, что забыл о тебе. Завтра ты пойдешь гулять по городу, а послезавтра и я к тебе присоединюсь. Согласна?

Она лишь кивнула.

Ей хотелось домой, в Москву. Снова на работу — к своим девчонкам, по которым успела соскучиться, подальше от дуящего с Невы

пронизывающего ветра и сырого холода. К книгам, чаю, домашнему уюту и, главное, к компьютеру — проверить почту.

В ящике ее ожидало несколько писем. Три были с подтверждениями о получении рукописи, а вот в четвертом письме Полина прочитала те заветные строки, от которых сердце радостно забилось. Она перечитывала и перечитывала их, боясь, что неправильно истолковала смысл, но нет, в письме более чем ясно говорилось о том, что ей предлагают связаться по указанному телефону и договориться о подписании договора.

— Полин, ты тут? — вошел в комнату Юрьев.

— Игорь! — она развернулась на стуле и подняла на него сияющие глаза. — Игорь, у меня, кажется, получилось!

— Что? — не понял он, подошел к ней и заглянул ей через плечо. Прочитал, хмурясь, а затем радостно заулыбался:

— Звони!

— Что, вот так прямо?

— Нет, так криво! — усмехнулся он, снимая с полки трубку радиотелефона. — Полина, тебе ясно сказали: звонить!

Не дожидаясь ее ответа, он сам набрал номер и протянул гудящую долгими судьбоносными гудками трубку.

— А... Але, — произнесла дрожащим голосом растерявшаяся Полина, когда ей на том конце провода ответили, и попросила соединить ее с указанным в письме человеком.

Она договорилась о дне и часе подписания договора, аккуратно записала адрес и положила трубку.

— Ну? — радостно спросил Юрьев, глядя на нее — растерянную, ошарашенную неожиданно свалившимся на нее счастьем, красную до корней волос от волнения. — Это надо отметить!

— Погоди, погоди... — пробормотала Полина, растирая виски пальцами и все еще не в силах прийти в себя от такого поворота. Ведь на форумах писали, что ответа из издательств ждут месяцами! Ну, конечно, за исключением тех случаев, когда с ходу отказывают. А тут не прошло и недели! Как так можно? Редактор, правда, ответила, что в издательстве собираются открыть новую серию, набирают в нее авторов, и роман Полины пришелся как раз кстати. Правда, нужно его было доработать. «Романы в новую серию должны быть сентиментальными, а у вас — смесь жанров, — сказала ей по телефону редактор. — Придется смягчить мистику, перенести акцент с нее на любовную линию». Полина была согласна на любые изменения. С ней собираются заключить договор! Ее

роман издадут! Вот так просто.

— Ну, так что, отметим? — переспросил Игорь. И она радостно кивнула.

Подписание договора заняло меньше четверти часа: Полина пробежала взглядом по двум листам, от волнения почти не вчитываясь в текст. Если бы с ней поехал Юрьев, он бы въедливо изучил каждую букву, тогда как она сейчас бы подмахнула не глядя и договор с Сатаной о вручении тому душу в вечное пользование. Заведующая редакцией, молодая стильная женщина, рассказывала о том, что серию планируют запустить месяца через три, что уже есть два романа от другого автора, которые ее откроют. «Возможно, еще будет два автора». Полина слушала, стараясь запомнить все до мелочей, но детали ускользали, и внимание концентрировалось не на словах редактора, а на обстановке в редакции. Здесь было интересно и в то же время обычно. Редакция напоминала офисную комнату, в которой за несколькими столами работали модные молодые девушки и одна женщина в возрасте. Но именно эти девушки вершили чьи-то судьбы: отбирали из общего потока рукописей те избранные, которые затем, пройдя другие этапы рецензий и процесс подготовки, становились книгами.

Необычным еще во вполне обычном офисе с цветами в горшках на подоконнике, с уютными занавесками вместо современных жалюзи, с кружками с мультяшными картинками, из которых работницы редакции пили чай и кофе, было еще и то, что столы были завалены горами распечатанных рукописей. У Полины при виде этих бумажных гор душу затопило чувство гордости, смешанной с кольнувшим в сердце беспокойством: ведь и ее роман лежал в одной из этих стопок, рискуя быть отвергнутым. А все эти авторы, чьи романы томятся в ожидании на редакторских столах, еще находятся в состоянии подвешенности: примут — непримут.

— Оформление серии будет таким, — заведующая продемонстрировала Полине два листа формата А4, на которых были распечатаны эскизы рисунков. — Это обложки для автора, чьи романы выйдут первыми. Для вашего будет оформлена в том же ключе.

Полина, разглядывая выполненный в сиреневых и розовых тонах эскиз с обнимающейся в центре рисунка молодой парой, подумала, что под ее мистический роман подошла бы обложка в другом стиле, не таком кричаще-романтическом, с цветами и сердечками по периметру, но выбирать не приходилось. Она счастлива уже тем, что ее издадут! А в какой обложке — это уже другой вопрос. Не такой, как она на тот

момент думала, важный.

— Ну, все! — весело воскликнула заведующая после того, как Полина налюбовалась на эскизы. Забрала оба варианта подписанного договора. — Поздравляю вас! Сейчас я отнесу на подпись к руководству, а затем отдам ваш экземпляр.

На остановке в ожидании автобуса, который бы отвез ее до станции метро, Полина еще раз вытащила договор и полюбовалась на свою подпись и издательскую печать. Свершилось!

Они прошли все дороги в этом поселке, который оказался не таким уж большим, как могло показаться на первый взгляд, но пришли не к трассе, а к неутешительным выводам. Во-первых, все дороги либо обрывались рекой, оврагом или широким полем, либо вели обратно в поселок. Во-вторых, непонятным образом исчезла та самая аллея, по которой они пришли сюда. Не оказалось даже намека на нее, и дворы, мимо которых они вчера проходили, и трансформаторная будка тоже исчезли. А в-третьих, и это пугало больше всего, поселок казался вымершим. За все это время, что они бродили в поисках выхода, им не встретилось ни человека, ни диких, ни домашних животных. Даже птицы, похоже, здесь не летали.

Поселок удивлял не только своей безлюдностью, но и расположением и планировкой. Ограниченный океанами полей и рифами лесов, он казался необитаемым островком, на который их выбросило, как потерпевших кораблекрушение. Постройки, то ли бараки, то ли сараи, то ли технические домишки, разбросанные в беспорядке по его краю, вызывали ассоциации с разбившимися о скалы остовами кораблей. В центре, за площадью, располагалась пара жилых зданий. Улиц не было, только короткие, узкие или широкие дорожки, кое-где асфальтированные, кое-где — просто земляные. Рассмотреть поселок более детально им не удалось из-за опустившихся на него сумерек и усталости. Бедный Никитка, мужественно выдержавший все эти долгие походы, под конец дня расплакался и раскапризничался так, что отец, извинившись, унес его в номер даже без ужина. Полина же с Настей в компании Геннадия зашли в столовую, где из еды увидели лишь ломти хлеба и колбасные и сырные нарезки.

— Да, шикарным ужином нас решили не баловать, — разочарованно протянул парень, но, однако, привередничать не стал и набрал себе в тарелку всего необходимого для пары бутербродов. Ужинали они молча, от усталости не строя новых версий. И без слов ясно, что придется задержаться им тут еще на ночь, а с утра продолжить поиски выхода.

Геннадий проводил их до номера и пожелал спокойной ночи — просто, уже без выпадов в адрес Полины.

Глава IV

Полина проснулась резко, будто ее выдернул из сна трезвон будильника. Она распахнула глаза и непонимающе уставилась в черноту ночи, соображая, где находится. В первый момент ей показалось, что она едет в поезде, потому что как раз перед этим видела сон, связанный с дорогой и поездами. Но следом на Полину обрушилось отрезвляющей волной осознание, что находится она в полупустой, если не считать нескольких постояльцев поневоле, гостинице в безлюдном поселке.

— Насть? — тихонько позвала Полина, поворачиваясь в сторону подруги. Глаза привыкали к темноте, и сквозь нее стали проступать предметы обстановки.

Подруга спала, свесив с кровати одну руку и подложив другую под щеку. На оклик никак не отреагировала. Полина повернулась на другой бок с тем, чтобы тоже уснуть, как вдруг услышала тихий вздох. От неожиданности она рывком села и воскликнула:

— Кто здесь?!

— Я, — раздался тонкий голосок. Девушка торопливо нащупала выключатель настольной лампы и зажгла свет.

— Полина! — раздалось недовольное бурчание разбуженной подруги. Полина не ответила, ее взгляд был прикован к маленькому мальчику, сидевшему на кровати у нее в ногах.

— Никита? Ты что тут делаешь?

— Потерялся, — серьезно, как маленький мужчина, ответил ребенок. Светлые брови его сошлись в смешную галочку над тонкой переносицей, а затем взметнулись «птичками» к наморщенному лбу.

— Сижу, жду, жду, когда вы проснетесь, — добавил мальчик со вздохом.

— Погоди... А папа твой?

— Спит. Но не знаю где.

Полина краем глаза заметила, что Настя тоже села на кровати и, сонно сощурившись, прислушивается к рассказу.

— У вас было не заперто, — добавил мальчик, и в душе Полины мелькнуло беспокойство: это же надо было оказаться такими рассеянными, что забыть запереть на ночь комнату!

— Я запирала номер, — отозвалась со своей кровати Настя.

Полина бросила на подругу тревожный взгляд и предположила, что,

возможно, замок сломан и не до конца запирается. А затем обратилась к мальчику:

— Пойдем, я отведу тебя к твоему папе, а то он проснется, увидит, что тебя нет, и испугается.

Она потянулась к стулу, на котором висели джинсы и футболка. Идти в пижаме в номер к незнакомому мужчине, пусть даже и ради того, чтобы отвести заблудившегося ребенка, ей показалось неприличным. Но когда она уже натягивала джинсы, за входной дверью раздались тихие шаги, будто кто-то подкрался к ней и замер.

— Насть, — вполголоса позвала мгновенно среагировавшая Полина и показала взглядом на дверь. — Слышала?

Подруга кивнула и, встав, крадучись направилась к двери. Полина проследила за ней взглядом.

— Это папа! — обрадованно воскликнул Никита и, нарушив все правила конспирации, с шумом понесся к выходу. Он опередил Настю и уже было протянул руку вперед, чтобы открыть дверь, как некто, находившийся в коридоре, вдруг со скрежетом вставил ключ в замок с той стороны и повернул его два раза.

— Эй! — возмущенно крикнула Настя и, не поверив в такой исход дела, дернула ручку.

— Вы что делаете?! Немедленно откройте! — затарабанила она в запертую снаружи дверь. — У нас ребенок! Его отец в другом номере! Если вы сейчас же не откроете, я разбужу всю гостиницу!

Пока Настя стучала и кричала, грозя перебудить всех постояльцев, Полина искала ключ. Его не было ни на столе, ни на прикроватных тумбочках.

— Насть, угомонись! — в раздражении бросила она расшумевшейся подруге. — Пользы от твоих криков мало.

— Как мало? — возмутилась Анастасия. — Помимо нас тут Андрей, Геннадий. Пусть проснутся и придут нам на выручку! Мужчины они или кто? К тому же сын Андрея находится с нами!

— Ты лучше вспомни, куда ключ вчера положила! Сама же ведь сказала, что запирала дверь. Или не запирала?

— Запирала, — буркнула Анастасия и, нахмурившись, в беспокойстве оглядела комнату. — На стол я его положила.

— Нет его на столе! На тумбочках тоже. Вспоминай!

— А что вспоминать, если я уверена, что ключ был на столе! — отозвалась Настя и обратилась к притихшему, как мышонок, мальчику: — Никита, ты ключ не брал?

— Зачем он ребенку? — вступилась за него Полина.

— Нет, — ответил мальчик.

— Найдется, — без оптимизма в голосе отозвалась Полина. А Настя вновь подергала ручку и стукнула в сердцах в дверь.

На этот раз ее услышали: с той стороны раздались шаги, и следом за этим — голос Геннадия:

— Эй, вы чего расшумелись?

— Нас заперли!

— В каком смысле? — не понял мужчина.

— В прямом! Кто-то подошел к двери и запер ее! А мы не можем найти ключ.

— Ну, вы, девушки, даете! — с непонятным весельем отозвался мужчина.

— Ты можешь не разглагольствовать, а помочь? — разозлилась Настя, переходя с ходу на «ты». — У нас тут, между прочим, мальчик. Никита. Вышел ночью из номера и попал в наш! Ты можешь разбудить Андрея и сказать ему, что его сын с нами? А то проснется и...

— Вы Никиту не видели? — раздался следом полный беспокойства второй мужской голос.

— У девиц наших в комнате сидит! — отозвался Геннадий.

— Папа! Я тут! — радостно закричал мальчик, подбегая к двери. — Я потерялся! И нас заперли!

С той стороны надавили на ручку, подергали ее, затем кто-то из мужчин налег на дверь плечом.

— Кто вас запер?

— Будто мы знаем, — буркнула Настя. — Кто-то подкрался с той стороны.

— А ваш ключ где?

— Исчез! — крикнула Полина, закончив исследовать подоконник, ванную и содержимое тумбочек. Заглянула она даже в шкаф.

— Понятно! — отозвался Андрей. — Я сейчас схожу на ресепшен.

— Спасибо! — радостно отозвалась Анастасия и, обернувшись к подруге, шепотом сказала: — Настоящий мужчина!

— Вот так попали в приключения! — протянул из-за двери Геннадий. — Интересно, кому и зачем понадобилось вас запирасть? Эй, писательница, потрясающий сюжет, а?

— И какие потрясающие персонажи! — едко отозвалась Полина. Но Геннадия ее реплика не задела. Он только весело рассмеялся:

— Да я не возражаю! Бери меня в роман!

— На роль героя-любовника даже не рассчитывай, — проворчала Полина тихонько, так, что по ту сторону двери ее не услышали.

Спустя какое-то время раздались шаги и голос Андрея, что-то проговорившего Геннадию. А мгновение спустя в замке послышался скрежет ключа.

— Ну что, дамы, с вызволением, — пошутил Андрей, распахнув дверь.

— Папа! — бросился ему навстречу сын.

— А ты мне, чемпион, еще расскажешь, как оказался тут, — сказал мужчина, присаживаясь в дверях на корточки и обнимая мальчика. Стоявший за ним Геннадий цепким взглядом окинул комнату девушек, и это вызвало у Полины новую волну раздражения против этого молодого человека. Впрочем, сейчас, одетый не в дорогой костюм, а в обыкновенную трикотажную пижаму, он уже не казался таким спесивым.

— Меня девочка позвала! Сказала, что даст красную машинку! — взахлеб принялся рассказывать мальчик. Но Андрей, нахмурившись, перебил его:

— Какая девочка?

— Та, которая приходила вчера! Ну пап! Я же тебе рассказывал!

Девушки переглянулись между собой, и Настя, опережая отца мальчика, ласково спросила:

— Никитка, а какая это была девочка?

— Ну... Такая! — выпалил ребенок, тараща глаза и разводя руками.

— Маленькая?

— Толстая?

— Страшная?

— Высокая? — наперебой принялись выдвигать свои версии взрослые. Никита помотал головой.

— Не-ет! Совсем не страшная! Она же сказала, что принесет машинку. Добрая!

— Никита, — вздохнул Андрей, обнимая сына. — Я сколько раз говорил тебе, что ничего нельзя брать у незнакомых.

— А я ничего и не брал! — надулся мальчик. — И она не незнакомая. Она сказала, что ее зовут... Не помню как! Она пришла в комнату, разбудила меня и сказала, что у нее есть машина, которую я хочу. Та красная, ну помнишь, пап? Мы видели в магазине! И что она хочет мне ее подарить. Я пошел за ней. Мы шли-шли по коридору. А потом она куда-то ушла. И я остался один.

— Куда ушла? — спросила уже Полина. Заинтригованные рассказом мальчика, они все так и продолжали толпиться на пороге комнаты.

— Не знаю. Просто ушла. Я тапочек потерял. А девочка не стала меня ждать и ушла. Я позвал ее. А потом пошел к папе. Шел-шел. И попал к вам.

— Понятно, — вздохнул, выпрямляясь, Андрей. — Никита, я тебе еще раз напоминаю, что нельзя уходить с незнакомыми и брать у них игрушки! Только если разрешит папа! Понятно?

Мальчик покорно кивнул. А потом с надеждой заглянул отцу в глаза:

— Но ты мне купишь ту красную машину?

— Куплю, куплю, — поспешно, так, будто и не услышал просьбы сына, а согласился лишь из-за того, чтобы закрыть тему, проговорил Андрей. — Никита, пойдем, я отведу тебя обратно в номер. Ты ляжешь в кровать и обещаешь мне, что никуда не уйдешь. Я поговорю с девушками пять минут и вернусь к тебе. Идет?

Мальчик кивнул.

— Я сейчас вернусь, — сказал мужчина уже девушкам.

— Забавное приключение! — сказал Геннадий после того, как Андрей с Никитой ушли.

— Кто-то еще совсем недавно его таким не считал и рвался в столицу, — буркнула Полина. Геннадий ее реплику проигнорировал, вместо этого игриво вскинул бровь:

— Девушки, так и будете держать на пороге или все же пригласите войти? Похоже, у нас тут назревает интересный разговор.

— Интересный, да недолгий, — веско намекнула Настя, но посторонилась, пропуская гостя. Тот прошел, еще раз скользнул взглядом по комнате и занял свободный стул у окна.

— М-да... Приключение, скажу я вам... И все же интересно, кто вас запер? Некто ходит по гостинице...

Он опять посмотрел на Полину, будто ожидая, что та даст ему ответы на все вопросы. Не дождавшись реакции, Геннадий уже собрался сам делиться догадками, как в приоткрытую дверь постучали, и в комнату вошел Андрей.

— Представляете, мы и правда нашли в номере машину, — сказал он с порога.

— Какую? — не поняла Настя.

— Игрушечную, красную, которую пообещала моему сыну некая загадочная девочка. Машинка лежала на кровати поверх покрывала. Сын обрадовался, вцепился в нее с таким видом, будто это единственная во всем мире игрушка. Я ничего не смог поделать. Хоть это мне и не нравится.

Когда Полина спросила его, встретил ли он кого за стойкой ресепшена, мужчина отрицательно покачал головой и сказал, что на его оклик также

никто не отозвался, и он просто взял нужный ключ в деревянном ящике.

— Я обратил внимание на то, что пустовало лишь два гвоздя: не было ключей от моего номера и Геннадия, — добавил он.

— Это подтверждает версию, что помимо нас нет других постояльцев, — произнесла Полина.

— Следующий вывод: этот таинственный, в чьих руках ключи, — не призрак, — подхватил Геннадий. — Призракам ключи ни к чему, они и так сквозь стены просачиваются. Так ведь, писательница?

— На вашем месте я бы не версии строила, а отправилась в свой номер и проверила наличие вещей, — холодно парировала Полина. — Не забывайте, что ключ от вашей двери по-прежнему в чьих-то руках. А уж какую шутку собираются провернуть с вами — запереть или одарить игрушкой, — никто не знает.

— Не милостива со мной дама! — вздохнул Геннадий. И поднялся первым, тем самым положив конец их короткому разговору, хоть и было заметно, что ему хотелось развить тему.

— Ну что ж, я тоже пойду, — встал следом Андрей. — Предлагаю в семь тридцать собраться в холле гостиницы и отправиться на поиски дороги. Геннадий, вы согласны?

Тот кивнул, и ночные гости наконец-то покинули комнату.

Настя уснула сразу: у нее была такая замечательная особенность — погружаться в сон почти мгновенно, в отличие от Полины, которая опять мучилась бессонницей. Чтобы скоротать ночь, она тихонько встала, вытащила из сумки тетрадь с ручкой и вышла в ванную. Если не спится, то уж поработает. Только думалось ей не о сюжете начатого романа, а о том, что с ними происходило. Полина изобразила кругом площадь и от нее — отходящие дороги, по которым они вчера прошли. В ее изображении план выглядел как солнце с четырьмя лучами, при этом три верхних «луча» были расположены близко друг от друга и в отдалении от четвертого. Полина посмотрела еще раз на свой рисунок и решила, что дороги образуют своеобразный перекресток.

Как ни странно, сейчас, в приглушенном свете голой лампочки, в полной тишине, в антураже матово поблескивающей кафельной плитки ей совсем не было страшно думать о том, что с ними произошло. Она будто размышляла не о настоящей ситуации, а думала над сюжетом для новой книги, конспектировала их приключения, словно делала наброски глав. «Я неисправима», — вздохнула затем Полина, пролистав несколько страниц, исписанных ее неразборчивым почерком. «Нормальные люди спят, набираются сил перед дорогой, а я сижу на краю ванны и пишу». Она

захлопнула тетрадь и вышла из ванной. Лунный свет, заглянув в комнату застенчивым гостем, освещал спящую подругу. Полина невольно задержала взгляд на красивом профиле Насти, чьи точеные линии растушевывал мягкий свет, делая черты еще привлекательней. Луче сфумата...

Для оформления обложки понадобилась фотография, и Полина решила обратиться не в фотоателье, а к одной девушке, чей блог уже давно читала в Интернете. Автор блога скрывала настоящее имя за ником *Luce_sfumata*. Полине нравилось читать записи, которые отличались от многих, публикуемых в блогах, изящным стилем, остроумием, наблюдательностью и самоиронией. Но еще больше, чем читать, Полине нравилось рассматривать фотоработы, которыми автор щедро делилась на своих страницах. Как ей удавалось снимать так, что лица всех моделей казались невероятно красивыми и счастливыми? Как у нее получалось превращать пасмурный день в солнечный? Полина терялась в догадках. Может, все дело в мастерском владении фотографом программой Фотошоп? Но *Luce_sfumata* часто выкладывала и необработанные работы, с которых глядели счастливые лица. Полина ради интереса даже заходила в блоги к моделям и сравнила их обычные снимки с фотографиями от *Luce_sfumata*. Разительное отличие! У фотографа несомненно был талант видеть через объектив камеры все самое лучшее в людях. Полина уже давно хотела тоже заказать фотосессию, а вот и удачный случай подвернулся! Будет она глядеть с обложки собственной книги на мир счастливым взглядом.

Полина практически ничего не знала о *Luce_sfumata*: несмотря на частые и длинные записи, автор не делилась с общественностью подробностями своей личной жизни. Она могла рассказывать о нюансах работы, красиво описывать находку — опавший осенний лист, в котором сочеталось сразу несколько цветов, и только. Завесу в тайну ее жизни лишь иногда приоткрывал кот Берлиоз, полностью черный, с яркими зелеными глазами, портреты которого частенько появлялись в блоге. Вот уж чьи подробности личной жизни с подтверждающими рассказы фотоиллюстрациями делались достоянием общественности!

Автор блога вообразилась Полине женщиной лет сорока, с короткой мальчишеской стрижкой, без макияжа, одетой в джинсы и свитера крупной вязки, носящей только обувь на плоской подошве. Такая женщина-мальчик, женщина-подросток, живая, энергичная. По своей привычке фантазировать и додумывать истории Полина решила, что эта женщина не замужем, но у нее есть сердечный друг и, возможно, они живут не

вместе, видятся лишь по выходным, вместе пьют кофе в центре Москвы, а затем едут в какой-нибудь парк, где гуляют, держась за руки, как влюбленные студенты. А вечером женщина возвращается домой к коту Берлиозу и вечер проводит за рабочим столом, в свете настольной лампы редактируя фотографии. И вот представилась возможность познакомиться с этой женщиной, которая так интересовала Полину.

Они договорились о встрече: фотограф, которую звали Анастасией, неожиданно пригласила Полину к себе, сказав, что будут работать дома. Признаться, по дороге на фотосъемку Полина испытывала уже не столько любопытство, сколько волнение: а вдруг таинственная *Luce_sfumata* окажется куда проще и менее интересной, чем она себе вообразила?

Открыла ей ровесница — невысокая, ладно сложенная, одетая в джинсы и майку с рисунком, на котором мультяшная девушка с буйной рыжей гривой крепко обнимала улыбающегося молодого человека, сидя у него за спиной на мотоцикле. Эта картинка почему-то вызвала у Полины ассоциации с фильмом «Римские каникулы». Впрочем, судя по надписи, майка и имела какое-то отношение к Риму. Эта рисованная девушка на майке чем-то напоминала и саму хозяйку: волосы той, заплетенные в перекинутую через плечо косу, были такими же ярко-рыжими.

— А Лусе дома?.. — Полина так растерялась, что назвала фотографа не по имени, а по нику.

— Луче, — с улыбкой поправила ее рыжая. — Луче сфумата. Или просто Настя. Это я. А вы Полина?

— Да, — улыбнулась она несмело. Образ сорокалетней женщины-подростка с короткой стрижкой так прочно впечатался в ее воображение, что расстаться с ним оказалось сложно.

— Ну, пойдете, — ласково пригласила хозяйка.

Полина зашла и с интересом огляделась. Жила Анастасия, как потом выяснилось, в небольшой двухкомнатной квартире. Одна комната, большая по размеру, служила ей и спальней (судя по сложенному раскладному дивану), и гостиной для приема посетителей, и рабочим кабинетом. Полина задержала взгляд на картине, висевшей над диваном: обнимающаяся парочка в гондоле пересекает канал. Волосы девушки на картине были такими же ярко-рыжими.

— Это Венеция, — пояснила, перехватив взгляд гостыи, хозяйка. — Один мой друг, который и нарисовал эту картину, прожил там много лет.

Другая же комната, маленькая, оказалась мини-студией, ничуть не отличающейся от студий в профессиональных ателье.

— Сначала чаю выпьем, а потом — за работу. Или предпочитаешь кофе?

Они сразу перешли на «ты».

— Чай, — ответила Полина, все еще чувствуя скованность.

— Я всегда, если снимаю дома, предлагаю перед работой выпить чаю: поговорить, познакомиться, наладить контакт. Ты расслабься! Смотри, какая зажата, — ласково улыбнулась хозяйка. — Не получится так работы!

Они пили чай, пахнувший мятой, заедали его песочным печеньем и разговаривали. Ни о чем и в то же время о многом. Анастасия о себе почти ничего не рассказывала, но слушать ее было увлекательно не меньше, чем читать. Она рассказала, что означает ее ник. «Сфумато» по-итальянски означало «исчезающий, как дым, затушеванный». Прием сфумато использовался в живописи для смягчения очертаний предметов и фигур и был разработан великим Леонардо да Винчи: «Вспомни его Мону Лизу!». «Луче» означало свет. Таким образом, ник девушки означал «рассеянный, исчезающий свет». Полина подумала, что этот ник как никакой другой подходит хозяйке: яркой, как свет, загадочной, как улыбка Джоконды.

Анастасия призналась в своей любви к Италии, поделилась подробностями летней поездки в Рим. Об этой поездке Полина уже знала по фоторепортажу, выложенному в блоге, а сейчас слушала как завороженная. Насте настолько удалось погрузить ее в детали прогулок по Риму, что Полина будто сама прошла по его улицам. В ответ гостя рассказывала о своей книге, первом подписанном контракте и планах на будущее. А в планах, конечно, было писать дальше! Чай заканчивался, Анастасия щедро подливала его в опустевшие чашки, кот Берлиоз с уютным урчанием терся о ноги, а потом и вовсе вспрыгнул гостю на колени. И, казалось, обе девушки уже забыли о том, для чего собрались. Поэтому, когда Анастасия вдруг посреди разговора хлопнула в ладоши и воскликнула: «Ну, а теперь за работу!», Полина не сразу вспомнила, о какой работе шла речь.

Фотосессия прошла удачно. Во время работы радушная хозяйка, которая до этого с мягкой, как рассеянный свет, улыбкой рассказывала об Италии, открылась с другой стороны: собранная, немного строгая, отдающая отрывистые указания и не скупающаяся на похвалу после каждого удачного кадра. Полине, не любившей фотографироваться, работать с Анастасией понравилось: несмотря на командные нотки профессионала в ее голосе, между фотографом и моделью установился

контакт.

— Приезжай, если будет желание, — сказала ей на прощание хозяйка.

Фотографии Полина получила вскоре после того визита. Она смотрела со снимков со счастливой улыбкой и мягким светом в глазах.

Кажется, Полина даже не успела как следует погрузиться в сон, как дикий крик, донесшийся из коридора, заставил ее испуганно подскочить на кровати.

— Что это?! Кто это?! — следом закричала разбуженная Настя. Обе девушки слетели с кровати и бросились к входной двери и как были, в пижамах, выскочили в коридор.

— Что случилось? — выглянул из другой двери Андрей.

— Это не мы кричали, — ответила за обеих Настя.

— Раз не вы и не мы, значит, Геннадий.

Мужчина вышел из комнаты, за ним следом высунул заспанную мордашку Никита.

— Ник, побудь в комнате.

— Андрей, давайте я с ним останусь, — предложила Настя. — А вы сходите с Полиной, выясните, что случилось.

Андрей задержал на девушке благодарный взгляд и коротко ответил:

— Спасибо!

Криков больше не раздавалось, но это не успокаивало, а, наоборот, наполняло тревогой. Андрей шел к самой дальней комнате в конце длинного коридора так торопливо, что Полина, стараясь не отстать, почти перешла на бег.

— Надеюсь, с ним все в порядке. Чего он это так дико закричал? — вопрошал, не оглядываясь, мужчина. Полина молчала, боясь строить догадки.

— Геннадий! — постучал Андрей в нужный номер. Прислушался и, не дождавшись ответа, надавил на ручку. — Геннадий, с вами все в порядке?

Он задержался на пороге всего лишь на секунду, а затем решительно вошел. Полина скользнула за ним следом.

Геннадий с выпачканным пеной для бритья лицом стоял посреди комнаты, держа в одной руке бритвенный станок так, словно тот был ножом и он от чего-то оборонялся.

— Геннадий? — окликнула его встревоженная не на шутку Полина. Молодой человек оглянулся и посмотрел на нее таким диким взглядом, словно не понимал, кто находится перед ним.

— Эй?.. Парень? — Андрей уже тряс Геннадия за плечо, силясь привести его в чувство. — Что с тобой?

— Унесите это! — прохрипел вдруг он, взмахнув станком в сторону ванной. Полина, решив, что он просит забрать у него бритву, протянула руку. Но Геннадий мотнул головой и резко воскликнул:

— Нет! Не это. Там. В ванной. На полке.

Андрей молча вышел из комнаты и уже через пару мгновений вышел обратно, неся стеклянную бутылку. Обыкновенную, из прозрачного стекла, с вытянутым горлышком. В такие разливали водку. И в самом деле, на бутылку, на дне которой болталось немного прозрачной жидкости, была наклеена криво сидящая и сморщенная, словно ее намочили, а затем высушили, этикетка с названием марки спиртного.

— Он что... один выпил почти бутылку водки? — удивленно воскликнула Полина. Геннадий же при виде «тары» вобрал голову в плечи.

— Выбросьте ее, — проговорил он глухим голосом. Полина с Андреем переглянулись.

— Выбросьте! — закричал он, срываясь на визг. Андрей кивнул и торопливо вышел из номера, унося с собой злополучную бутылку. И только после того, как он скрылся, Геннадий стал успокаиваться. Он прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. А когда вновь посмотрел на испуганно замершую неподалеку Полину, улыбнулся. Улыбка вышла жалкой и виноватой.

— Прости. Я не пьян. И не псих. Хотя, кажется, доказал сейчас обратное.

Он потер ладонями виски и тяжело вздохнул. Полина стояла и смотрела на парня.

— У меня... непереносимость алкоголя, — усмехнулся тот. — Один раз чуть коньки не отбросил всего лишь от крошечной дозы. Реально чуть не отбросил — с клинической смертью и реанимацией. Увидел эту бутылку и... вспомнил. А нервы у нас с этими приключениями, сама понимаешь, ни к черту.

Он плюхнулся на кровать и жестом пригласил девушку присесть на свободный стул. Сейчас, одетый в ту же мятую пижаму, взъерошенный, с взмокшей челкой, он казался не молодым успешным мужчиной, а двадцатилетним мальчишкой, натворившим темных дел и напуганным возможным наказанием.

— Даже валерьянку в каплях принимать не могу, потому что в них есть алкоголь! Понимаешь?

Девушка кивнула, но, однако, на стул не присела и оглянулась на дверь. Ее разбирали противоположные чувства: с одной стороны, ей очень хотелось уйти, но, с другой, неловко было оставлять парня в таком

состоянии.

— Я в порядке, — он словно прочитал ее мысли. — Не волнуйся. Прости за такую побудку.

— Этой бутылки действительно не было, или вы ее просто не заметили?

— Не было. Она стояла на видном месте, я бы увидел раньше. Похоже, ты была права, сказав, что кто-то проворачивает с нами странные шутки. Разобраться бы только кто и ноги повыдергивать.

— Это одинаково могла бы быть как шутка, так и случайность. Уборщица убирала номер, чистила зеркало жидкостью, налитой в бутылку, и...

— Это в тебе уже писательница говорит, — усмехнулся Геннадий и оглянулся на звук открывающейся двери.

— Я в порядке, — ответил он на вопросительный взгляд вошедшего Андрея. — Мои личные «тараканы». Эй, нам там еще не пора собираться, а? Раз мы уже не спим, можем уйти раньше.

Андрей бросил вопросительный взгляд на Полину:

— Вам как, много времени нужно на сборы?

— Только переодеться. Меньше чем через четверть часа будем готовы.

Договорившись о встрече через пятнадцать минут возле стойки ресепшена, Полина и Андрей покинули номер.

— Странное какое-то происшествие, — вполголоса проговорила девушка по пути к их комнатам.

— Здесь, Полина, все происшествия странные. Хотя да, как-то он очень уж эмоционально отреагировал на эту бутылку.

— Сказал, что у него острая непереносимость алкоголя. Эта находка вызвала у Геннадия нехорошие воспоминания, а так как нервы у нас сейчас на пределе, то все это вылилось в такую реакцию. Так он мне объяснил.

— Ну, то, что у всех нервы на пределе — с этим он малость преувеличил. Я вас нахожу вполне спокойной. Я тоже не впадаю в истерику.

— За что купила, за то и продаю, — улыбнулась Полина.

Они дошли до номера Андрея и остановились на пороге.

— Сейчас я соберу Никиту, и мы спустимся. Надеюсь только, он не раскапризничается: ранний подъем, опять дорога.

— Он у вас чемпион, — вновь улыбнулась девушка, вспомнив, с какой стойкостью мальчик вынес вчерашний путь. — Собирайте вашего сына столько, сколько вам нужно, мы подождем.

— Спасибо.

— Андрей, кстати, может, нам пригодится... Я ночью сделала наброски: зарисовала по памяти все пути, которые мы уже прошли, так, как они расходятся от поселка. Не бог весть какая «карта», скорее заметки на полях.

— Пригодится, — серьезно сказал Андрей, глядя девушке прямо в глаза. И она неожиданно почувствовала себя польщенной. Подняла вверх кулак, разжала и сжала вновь пальцы, будто отдавая некий тайный знак. Андрей понял:

— Выберемся, Полина.

И добавил:

— И не из таких приключений выбирались.

Что он имел в виду, она не стала уточнять, но про себя согласилась. Наверняка у каждого случалась какая-нибудь история под названием «и не такие приключения». Но кто-то, словно трофей, хранит ее на виду и то и дело, горделиво приосанившись, делится ею со всеми желающими выслушать, а кто-то, наоборот, прячет ее в самых дальних уголках памяти, закопав в другие запылившиеся воспоминания в надежде совсем похоронить.

— Захватите вашу тетрадь. Прежде чем двигаться в путь, посмотрим план.

— Хорошо, — кивнула Полина. Андрей открыл дверь и позвал Настю. Девушка вышла из номера и зевнула, прикрыв рот ладонью. Растрепанные со сна волосы она уже успела заплести в толстую косу, из которой у висков небрежно выбивались короткие вьющиеся пряди. Без косметики, одетая в пижаму, немного заспанная, Настя казалась юной, почти восемнадцатилетней.

— Ваш сын в порядке, — ответила она Андрею. — Не капризничал. Показал мне новую машину. В общем, мы с ним поладили.

— Отлично! Спасибо вам.

— Да не за что!

— Пойдем собираться, Настя? Выйдем раньше. У нас осталось десять минут. Успеем?

— А что нам там собираться, — пожала плечами Анастасия. — Вещи сложены. Осталось только переодеться да умыться.

В то время, когда они переодевались, Полина рассказала о случившемся с Геннадием. Настя выслушала ее и тоже, как Андрей, заметила, что молодой человек слишком уж бурно отреагировал на обычную бутылку с алкоголем.

— Верещал так, будто на него пистолет наставили, — поморщилась

она, застегивая молнию на сумке, в которую убрала пижаму. — Впрочем, может, я бы тоже так кричала, если бы мне подсунули нечто, что меня однажды чуть не убило.

— Ты думаешь, эту бутылку ему подсунули? — спросила Полина, заканчивая исследовать пустые ящики тумбочки.

— Просто так сказала, — отмахнулась Настя. — Что, уже включила писательницу детективов и начала выстраивать версии?

— Угу, — машинально ответила Полина, будто не заметила иронии в голосе подруги. Задвинув ящик тумбочки, она оглядела внимательным взглядом комнату.

— Насть, ты не видела мою тетрадь?

— Какую?

— Для набросков. Ночью я сделала записи и положила тетрадь вот на этот столик. А сейчас ее тут нет.

— Может, убрала в сумку?

— Сомнительно.

Полина открыла сумку и вытряхнула на пол все ее содержимое.

— Вот, видишь, нет ее.

Девушка прошла в ванную и еще раз тщательно исследовала все полочки, даже заглянула под ванну и подняла стопку использованных полотенец. Выйдя в комнату, она увидела, что Настя осматривает шкаф.

— Не нашла? — оглянулась на нее подруга.

— Нет.

— В шкафу пусто. Под кроватями тоже.

Настя отодвинула вначале одну тумбочку, затем другую.

— Чертовщина какая-то.

— Либо тетрадь куда-то завалилась так, что мы не можем ее найти, либо ее кто-то унес, — предположила Полина. — Только не спрашивай у меня, кто.

— Даже версий нет? — насмешливо, чтобы разрядить как-то обстановку, поинтересовалась Настя.

— Ни одной. Не на призраков же грешить!

— А похоже.

— Не смей меня. Вернее, не пугай.

— Много у тебя в тетради было набросков?

— Не очень. И я все перенесла в компьютер, кроме того, что написала ночью.

С этими словами Полина еще раз заглянула под стол, приподняла на нем скатерть, будто тетрадь могла оказаться под нею. Подруга наблюдала за

ней со встревоженным выражением лица.

— Ладно, Настя, пошли. И так уже опаздываем. Не люблю заставлять людей ждать.

— А тетрадь?

— А что тетрадь? Куплю новую! — весело, чтобы приободрить и себя, и подругу, отозвалась Полина. — Не такая уж страшная потеря. Пошли!

Глава V

По пути в холл Полине вспомнился вчерашний рассказ Андрея о том, как они с Никитой плутали по гостинице и все никак не могли найти нужную лестницу, ведущую в холл. В какой-то момент ей подумалось, что они с Настей сейчас тоже спустятся в тупиковый коридор вместо того, чтобы выйти к главному входу. Но лестница оказалась верной. В холле их уже ожидали мужчины. Геннадий встретил девушек насмешливо-многозначительным взглядом, говорящим: «Я так и знал, что женщинам для сборов всегда требуется больше времени». Полина не удержалась и ответила ему легкой усмешкой, намекающей на недавнее происшествие в его номере. «Помню, помню, как ты вопил», — «сказала» она ему. Геннадий неожиданно смутился и отвернулся. «Один-ноль!» — весело отметила про себя Полина. Молодой человек на этот раз был одет в джинсы и рубашку, поверх которой накинул от утренней прохлады ветровку. И в такой обычной одежде, со слегка растрепанными волосами он показался Полине куда приятней. С него будто сошло, словно фальшивая эмаль, напускное высокомерие, и обнажились некие слабости. Слабости и уязвимость в разумных пределах делают человека привлекательней.

Андрей в одной руке держал чемодан, в другой — руку сына. Никита был занят тем, что ел взятое, видимо, из гостиничного бара печенье. Из кармана его курточки выглядывал красный пластмассовый бампер машины. Полина невольно задержала взгляд на игрушке, и воспоминания о прошлой ночи, к утру показавшиеся уже не такими яркими, вновь напитались красками. Скорей бы покинуть это место и над его загадками поломать голову уже в другой обстановке — дома, за компьютером!

Со вчерашнего дня, казалось, ничего не изменилось: памятник Ленину стоял на месте, указывая рукой все то же направление, флаг на здании администрации слабо трепыхался на ветру, в поселке царствовала все та же тишина, не нарушаемая даже птичьим пением.

— День сурка какой-то, — пробормотал Геннадий, озвучив мысли остальных.

— Ну что, с какой дороги начнем? — спросил Андрей, обводя взглядом свою маленькую компанию. — У Полины, кажется, был план дорог.

— Тетрадь куда-то пропала, — призналась девушка. — Мы потому и задержались, что искали ее. Так что придется без плана.

— Тогда ничего не остается, как просто двинуться в путь, — скомандовал Андрей и направился к той дороге, которая, как они уже знали, вела в поле.

И здесь все оставалось таким же, как вчера: грунтовая дорога, растрескавшаяся, будто в засуху, петляла между деревьев, пока не привела их в безбрежное, как океан, поле.

— И что теперь? — буркнул Геннадий.

— Вперед, — ответил Андрей. — Вчера мы не пересекли поле, и, может, это было нашей ошибкой.

— Там травы по пояс.

— Можете остаться тут или выбрать другой путь. Где трава не по пояс, — едко заметила Полина.

Геннадий метнул на нее враждебный взгляд и первым ринулся в поле. Он шагал широко и высоко поднимал ноги, отчего его походка казалась комично-театральной. Остальные последовали за ним. Последним шел Андрей с сыном на плечах. Длинные травяные стебли будто связывались между собой, создавая подобие силков, и мешали движению, не пускали. Полине не к месту вспомнился вчерашний кадр, сделанный Настей, на котором в поле оказались неизвестные личности. Девушка невольно поехала и украдкой огляделась, словно боялась обнаружить себя в окружении призраков. Воображение разыгралось, ей уже начинало казаться, что это не стебли травы цепляются за одежду, а костлявые руки невидимок с косами. И когда острый лист осоки оставил на ее руке чуть выше запястья порез, она вскрикнула так громко, что на нее все встревоженно оглянулись.

— Ничего, ничего... Неожиданно просто.

Не объявишь же во всеуслышание, что она в первую секунду вообразила себе, что обрезалась о косу тех, кто, возможно, находится среди них в поле, но невидим. Вдруг ей в голову пришла одна идея. Она нагнала подругу и шепнула ей:

— Насть, сделай пару кадров.

— Зачем?

— Потом скажу. Просто сними поле в нескольких местах и покажи мне кадры.

Настя вздохнула, сняла с плеча сумку, бросив ее прямо в траву, и расчехлила камеру.

— Не вовремя вы фотосессию затеяли, красотки, — буркнул Геннадий, оглянувшись на щелчки. Настя мстительно навела на него камеру и сняла парня крупным кадром. Геннадий сморщил нос и отвернулся.

— Покажи теперь, — попросила Полина.

Подруга послушно пролистала отснятые кадры.

— Девушки, давайте уж фотографии будем на вокзале рассматривать! А еще лучше — в поезде, — поторопил их Геннадий.

— Погодите вы! — отмахнулась Полина. И вновь обратилась к подруге: — Пролистай еще раз.

Настя послушно показала ей повторно отснятые кадры.

— Никого нет. Помимо нас, никого тут больше нет.

— А кто еще должен быть? — пожал плечами Геннадий, оказывается, прислушивающийся к их разговору. Настя без слов нашла вчерашний кадр и продемонстрировала ему его.

— Ух ты! — с каким-то мальчишеским восхищением воскликнул молодой человек и обратился к Андрею, дожидавшемуся всех с Никитой на плечах в сторонке:

— Ты видел?

— Видел.

— Это что же получается, что на поле полным-полно каких-то чудовищ — призраков или кого еще там? — обвел рукой просторы Геннадий и заметно поежился.

— Нет тут никого. Сейчас, по крайней мере, — ответила Настя.

— Или просто не запечатлелись на фотографиях. А жутко как, а? Брррр, — передернул плечами молодой человек.

— В гостинице мы тоже могли бы сделать несколько снимков «в пустоту», а затем посмотреть, отразится ли кто на них, — сказала Полина.

— Ну, знаете, мне бы не хотелось обнаружить, что со мной по соседству в номере проживает одно из тех вон чудовищ, — кивнул на камеру в руках Насти Геннадий. — Меньше знаешь, лучше спишь. Это, во-первых. Во-вторых, я не собираюсь туда больше возвращаться. Тут должна быть какая-то дорога, и я ее найду, даже если мне придется идти через это поле полдня. Так что оставь, писательница, свои идеи для книги. Если тебе хочется и дальше щекотать нервы, то возвращайся. Я же предпочитаю обо всем прочитать потом. Надеюсь, ты в финале даешь всему объяснения? А, писательница?

— Даю, даю, — поспешила успокоить его Полина. — Только вот незадача, не все персонажи до финала доживают. Особо дотошные погибают мучительной смертью еще на первых страницах.

— Ого! — в притворном ужасе воскликнул мужчина. — Опасная женщина! С маньячными наклонностями. А с виду — нежный люттик. Ну что ж, буду иметь в виду. С этой минуты — респект и уважуха.

Он отвесил Полине шутовской поклон и двинулся дальше за продолжившим путь Андреем.

— Пришибу ведь! — процедила сквозь зубы Полина, так, что ее услышала лишь Настя. — Специально введу такого героя, а потом... Кирдык!

— Успокойся, — засмеялась подруга. — Он специально тебя провоцирует, не понимаешь, что ли?

— Зачем?

— Нравишься ты ему!

Полина громко хмыкнула.

— Тебя что, в детстве мальчишки за косички не дергали? — продолжала весело рассуждать Настя, идя на расстоянии от Геннадия. — Забыла, как они в детстве выражали свои симпатии?

— Я не носила косички. У меня была короткая стрижка.

— Повезло. Тогда, может, у тебя отнимали портфель и закидывали его на шкаф?

Неразборчивое мычание подруги Настя расценила как согласие.

— Вот, понимаешь. Мальчишки потом вырастают, но, похоже, не особо взрослеют. Костюмы нацепят, ноутбуки заведут, а от детских замашек так и не избавляются.

«К сожалению «детские замашки» тоже взрослеют и превращаются в куда более жестокие взрослые поступки», — вздохнула про себя Полина.

Следующий роман она, воодушевившись успехом, написала за три месяца: продолжение к первой истории писалось легко, герои были знакомы и любимы. В работе ожидание выхода первой книги проходило легче, хоть долгое отсутствие новостей и беспокоило. Иногда Полина писала заведующей редакцией, интересовалась датой выхода книги. Ответы приходили с задержкой и были до боли лаконичны: старт серии переносится, нужно подождать. И Полина ждала. Второй роман приняли без задержек и доработок. А затем наступили новогодние праздники, последующие за ними десятидневные новогодние каникулы. Полина перестала писать письма с вопросами о старте серии. И вот однажды в один из февральских дней она получила короткое письмо: «Вышла ваша книга. Поздравляю!» А как она радовалась, когда наконец-то разыскала в магазине свою книгу — на нижней полке, куда мало кто заглядывает, задвинутую к самой стенке. Вряд ли кто бы ее там обнаружил. Это только Полина, покружив среди полок почти с час, попросила помощи у продавца-консультанта и уже вместе с ней не без труда разыскала маленькую книгу в аляповатой обложке. «Это моя!» — еле сдержала

Полина восклицание. Может, задержись служащая с ней еще хоть на пару мгновений, девушка и призналась бы, что является автором романа.

Войдя в роль писательницы, Полина даже собиралась уволиться с работы, чтобы почти все свое время посвящать любимому делу: идеи возникали одна за другой, только времени записывать все не хватало. Но Игорю удалось отговорить ее от этого смелого шага. Он упрямил ее потерпеть до тех пор, пока ее имя не станет более-менее известным, а заработки — стабильными. «Ты не понимаешь! Не понимаешь! — кипятилась Полина. — Чтобы твое имя стало на слуху, книги надо писать регулярно! А как это делать, если я почти все время провожу на работе?» — «В паузы ручкой в тетрабочку, — посоветовал Игорь. — А дома будешь перепечатывать». Полина тогда рассердилась на него за то, что он ее не понял и не поддержал. Но дальнейшие события показали, что Игорь оказался прав.

По третьему роману очень долго не давали ответа. Полина волновалась, писала письма в редакцию, но ей не отвечали. Однажды ей все же ответили: роман на рассмотрении, редактор в отпуске. Затем пришли новости, что редактор — на больничном. Ждите! И Полина ждала. Но, выдержав довольно долгий срок в неведении, она отважилась позвонить. Ответ ее ошеломил: оказывается, редакцию закрыли, а редактор ушел работать в другое издательство. «И что мне теперь делать?» — растерянно спросила Полина. «Попробуйте связаться по адресу...» Полина записала новый адрес и повесила отозвавшуюся короткими гудками трубку. Редактор с другого адреса ответила, что не может принять новую рукопись Полины, так как роман не укладывается в рамки утвержденных в другом издательстве серий. «Вы пишете, может, потом что-то изменится», — бодро завершила разговор редактор. Полина услышала в трубке гудки и расплакалась. В тот момент ей даже показалось, будто некто, как в ее последнем романе, украл у нее удачу.

— И по какому поводу траур? — спросил вошедший в тот момент в комнату Юрьев. Полина вытерла слезы и рассказала.

— У нас всего два издательства в стране? — наморщив лоб, серьезно уточнил Игорь.

— Нет.

— Ну, тогда чего ты тратишь время на слезы? Быстро отправляй рукопись по всем издательствам, редакциям и так далее, даже если это будут адреса журналов «Коневодство» и «Рукодельница»!

— А такие есть? — сквозь слезы улыбнулась Полина.

— Не знаю. Это уже ты выяснишь. И вообще, чего слезы льешь? К

тебе должен быть другой подход, как-никак, у тебя целых два изданных романа!

К сожалению, Игорь оказался неправ: удача и правда отвернулась от Полины. Начав свой путь в издательства так легко, она после двух изданных романов испытала на себе все превратности пути новичка. Никто не принимал в расчет «резюме» в два изданных романа. Ее истории не попадали под формат утвержденных серий, открывать новые под неизвестного автора никто бы не рискнул. Мистика была не в моде, с полком сметались романы о красивой жизни с гламурными красотками на обложках. В одном издательстве Полине так и посоветовали — писать не про бытовую магию и ведьм, а про волшебство лейблов и рассекающих на дорогих машинах современных стерв. Отказы сыпались как из рога изобилия. Неудачным считался день, когда Полина получала до восьми отказов за раз. Удачным — когда вообще не приходило ни одного письма. Время шло, список издательств стремился к нулю, от надежды не оставалось даже упоминания. Игорь поначалу поддерживал Полину, а потом, видя такую расстановку сил, уговаривал ее забыть о писательстве навсегда. «Ты же сама видишь! Полина, хватит страдать! Есть у тебя две книги на полке, разве этого недостаточно? Займись лучше делом». «Займись делом» — это прекратить истязать себя несбыточными мечтами и полностью погрузиться в рутинную работу в клинике. И Полина сдалась: начатый роман бросила на первых страницах, в почтовый ящик больше не заглядывала, книги с полки убрала в стол — чтобы не напоминали о провале. Но ощущение некой пустоты внутри так и осталось. Может, если бы ей отказали сразу, а не после публикаций, переживала бы она не так остро? Игорь вон сказал, что самолюбие она уже потешила. Да какое самолюбие! Ей от этого только горше.

За своими переживаниями Полина пропустила первые звоночки другой беды, которая подкрадывалась незаметно, на цыпочках, из-за спины. У Игоря завелась своя тайна. Он стал задерживаться на работе, а дома почти не уделял Полине время: включал компьютер и погружался в работу, писал статьи, какие-то письма. И настроение его тоже поменялось, но даже если бы Полина заострила на этом внимание, не смогла бы правильно «прочитать» его. Радует ли его что-то или тревожит? Но Полина тем временем погружалась в темень уныния: без придумываемых историй мир для нее стал черно-белым, как карандашный набросок. Она старалась научить себя жить по-другому — без «историй в голове», не примеряя привлекающих ее внимание прохожих на роли персонажей, не придумывая «жизни» и характеры сидящим напротив нее в метро

пассажирам. Ей бы и хотелось писать как раньше, просто для себя, без стремления издаться, но все ее вдохновение разбивалось о чувство осознания бесполезности этого дела.

К унынию добавилось плохое самочувствие, которое Полина поначалу списала на отголоски стресса. И только когда утренняя тошнота стала регулярной, забеспокоилась и сделала тест.

Когда она собралась объявить Игорю о своей беременности, он первым начал разговор. Тот день так и отложился в памяти Полины какими-то мелочами и деталями, а все важное ушло, словно вода сквозь решето. Она помнила, какая была погода: с цветом черемухи вернулись майские холода, и ветер швырял в окно редкие капли дождя, а отопление уже отключили, и на стылой кухне Полина пыталась согреться, включив газовые конфорки и кутаясь в толстый вязаный свитер. Ей запомнилось лицо Юрьева: эмоции на нем менялись, как узоры в калейдоскопе — от торжественно-радостного, с которым он вернулся с работы, до виноватого. Она даже помнила свои мысли во время того монолога Игоря, отчеркнувшего ее старую жизнь от новой: почему-то ее вниманием всецело завладел пожелтевший угол, и думала она, что надо бы побелить потолок. Только слова Игоря не касались ее сознания: губы его шевелились, а звук словно выключили поворотом ручки. Как так вышло, что весь его долгий монолог прошел мимо ее слуха, что за феномен тогда приключился? Может, защитная реакция ее сознания, почувствовавшего недоброе с самого начала?

— Полина, надеюсь, ты меня поймешь, — прорезалась наконец-то сквозь вакуумную тишину единственная фраза.

— Я тебя всегда понимала, — ответила она машинально.

— Вот и славно! — повеселел Игорь и, хлопнув ладонями по обтянутым костюмными брюками коленям, встал. — Билет мне уже заказали, паспорт...

— Ты что, уезжаешь? — удивилась она. Юрьев вытаращился на нее так, словно волосы Полины внезапно стали оранжевого цвета.

— Ты что, меня не слышала? — изумленно спросил он. Она виновато потупилась.

— Я сказал, что меня переводят работать в Америку, — сердясь, повторил Игорь. — И я тебе полчаса расписывал все перспективы этой работы, и то, как сложно было получить этот перевод, что выбирали между несколькими сотрудниками нашего института. Я не хотел ничего говорить заранее, пока все не решится. В общем, я уезжаю работать в Штаты.

— Надолго?

— Ну, пока на три года. А дальше будет видно.

— А я?

— Полина, — поморщился он, словно у него заломило зубы. — Я же все объяснял... Я пока еду один. Пока. Потому что мне надо обустроиться, обжиться там... Сама понимаешь. А потом, когда у меня дела пойдут в гору, я сделаю тебе приглашение.

— Понятно...

— Не кисни! — улыбнулся он с наигранной веселостью и пальцем приподнял ее подбородок, так, что девушка теперь смотрела ему в глаза. — Это же временно! Я буду тебе звонить и писать. А потом, когда у меня все там наладится... Неужели ты за меня не рада?

— Рада. Игорь, знаешь... А я беременна.

— Ну а потом, когда ты ко мне приедешь... — весело продолжил он, словно ее не услышав. И внезапно осекся. — Что ты сказала?

— Я жду ребенка.

— Погоди... Погоди сразу вот так заявлять о ребенке! — опять поморщился он и сжал ладонями свои виски. — Ох уж эти женщины! Полина, это еще не ребенок. Не ребенок, понимаешь? Это лишь зародыш, который... Какой у тебя срок?

— Два месяца.

— Ну вот! — обрадовался он. — Два месяца — это еще не ребенок! Какой это ребенок еще? Скопище клеток.

Полину передернуло от его сравнения, она инстинктивно сделала шаг назад и приложила руку к животу.

— У этого «скопища клеток», как ты назвал, уже прослушивается сердцебиение! — зло, еле сдерживая слезы, прошептала она.

Игорь тяжело вздохнул и сел на стул, затем привлек к себе одной рукой Полину и усадил ее к себе на колени.

— Не сердись, любимая, — он крепко обнял ее, так, что она прижалась ухом к его груди. И, слушая его сердцебиение, Полина думала о том, что у крошечного, всего в пару-тройку сантиметров, существа прослушивается сердце. И теплая радость затопляла душу, проливалась на ожоги, вызванные новостью Игоря, целительным бальзамом.

— Ну, я не так выразился. Меня захлестывают эмоции... Разные. Твоя новость, моя — вот такой винегрет из эмоций. Послушай... Мы должны что-то решить. Я уезжаю и не могу остаться. И оставлять тебя в таком... положении тоже было бы нечестно. Жениться я сейчас не могу, сама понимаешь. Нет, я не отказываюсь! — поспешно добавил Игорь,

когда Полина подняла голову и заглянула ему в глаза. — Но, как я уже сказал, мне вначале надо устроиться. Тогда все и будет — женитьба и ребенок.

— Ребенок уже есть, — резко перебила Полина, вставая с его колен.

— Поль... Ну ты же понимаешь. Срок небольшой. А он нам еще ни к чему...

— Это тебе он ни к чему, — припечатала она.

— Полина, давай отложим этот разговор на завтра, — сдался Игорь. — Я... должен подумать. Хорошо? Завтра мы все с тобой решим. Я сегодня устал. День вышел очень эмоциональным. И уже поздно.

Полине, знавшей о его способности избегать неприятных для него разговоров, ничего не оставалось, как согласиться ждать до следующего дня.

Позже, вытираясь после душа полотенцем, она из ванной услышала, как Игорь разговаривает с кем-то по телефону. Весь разговор она не услышала, только его заключительную часть, из которой поняла, что разговаривал Игорь со своей матерью. Она не стала спрашивать об этом разговоре, ей вообще не хотелось ни о чем говорить, только лишь забраться в постель и уснуть. Но когда Полина легла в постель, а Игорь скрылся в ванной, вновь раздался телефонный звонок. Девушка нехотя встала с кровати и сняла трубку. Звонила будущая свекровь.

— Игорь в ванной, — сказала Полина.

— А я с тобой, дочка, хочу поговорить, — с настораживающей лаской в голосе произнесла мать Игоря. — Сын мне все рассказал. И про отъезд, и про ребенка. Полина, ты же, надеюсь, не дура, должна понимать, какие перспективы ему открываются.

«Свекровь» сделала паузу, словно желая услышать утвердительный ответ, но Полина молчала. И тогда женщина заговорила уже другим тоном — своим обычным, каким разговаривала с Полиной, — приказным и высокомерным. Она говорила о том, что нужно сделать аборт, что Игорь не женится на Полине только «по залету», пусть она и не надеется. Что он так и так уедет, а она останется — сама или с ребенком в нагрузку — это уже зависит от нее. «Не будь душой. Сама подумай, какая жизнь тебя в таком случае ожидает — участь матери-одиночки! Возьми деньги, которые я тебе предлагаю, и сделай аборт. Я договорюсь с приличной клиникой...» Полина положила трубку, даже не дослушав. Для себя она уже все решила.

— Кто звонил? — спросил вышедший из ванной Игорь.

— Машка. Моя напарница. Заболела, просила отработать за нее

смену, — соврала Полина.

— А в твоём положении это не опасно — переутомляться?

Полина лишь скривила губы в подобие улыбки.

В ту ночь она засыпала, отвернувшись к стене, не поцеловав и не обняв Игоря. И когда он погладил ее по волосам, сделала вид, что уже спит.

А на следующий день на работе ей внезапно стало плохо: резкая боль в животе, кровотечение и потеря сознания. Сотрудницы вызвали «Скорую», и Полину забрали в больницу. Операция, два дня в реанимации и известие о том, что ее беременность прервалась, которое она восприняла со странным спокойствием и отчуждением, словно речь шла не о ней. Игорь, как только ему разрешили ее навестить, не отходил от нее. Лицо его выражало скорбь и раскаяние, под глазами залегли тени, которые удивительно шли ему — они оттеняли светлую синеву его глаз и бледность кожи.

— Полечка, у нас еще будут дети, вот увидишь! — бормотал он, гладя ее по волосам. А Полина молчала и думала о чем-то постороннем. О том, что эта больница давно кричит о ремонте: на стенах — бурые разводы, а побелка растрескалась до такой степени, что осыпается на больничное одеяло крупными хлопьями. Что ее соседка по палате, крупная деваха с выбеленными волосами и начерченными бровями, слишком неаккуратна, опять смела с тумбочки и уронила с грохотом на пол книгу.

Игорь ухаживал за ней: кормил из ложки то ли супом, то ли таким жидким пюре — разобрать, что за «бланду» приносили больным, было невозможно. У этого супа-пюре не было вкуса и запаха, словно был он сделан, как клейстер, из муки. И Полина с отвращением глотала этот «клейстер», который, несмотря на его жидкую консистенцию, сложно было проглотить. Игорь упрашивал ее съесть еще немного и хвалил за каждую съеденную ложку. И, может, его забота бы и растопила ее скованное льдом сердце, если бы не подслушанный потом между ним и его матерью разговор в тот день, когда соседку выписали, а новую еще не подселили. Свекровь впервые пришла навестить больную, принесла лилии, которые Полина терпеть не могла за их слишком сильный запах, резким голосом поинтересовалась самочувствием, и, не дождавшись ответа девушки, заявила, что еще день, и будет она уже бегать, как козочка. Полина вяло улыбнулась: с матерью Игоря она никогда не спорила, единственный раз, когда «восстала», случился накануне несчастья. Присутствие «свекрови» утомляло, и Полина прикрыла глаза. Слава богу, мать Игоря поняла, что девушка утомлена, и вышла из палаты. Но, как

оказалось, осталась в больнице и дождалась прихода сына. Когда Полина уже погружалась в вязкую дрему, сквозь сон она услышала разговор между Игорем и его матерью. И хоть говорили они в коридоре, пронзительный голос свекрови сложно было не услышать.

— Игорь, не будь дураком! Откуда такие мысли? Случилось, и к лучшему! Я говорила с ней, она категорически не соглашалась на аборт. А куда вам сейчас ребенок? Ты уедешь, вон уже все готово, билеты куплены, вещи собраны.

Полина приподнялась на локте, пытаясь вслушаться в то, что отвечал матери Игорь. Но его голос, наоборот, звучал тихо и неразборчиво.

— Ну, с кем не случается? — продолжила свекровь. — Девка молодая, на ней все должно заживать, как на собаке. Да родит еще, куда денется! Позже. Не сейчас.

Дверь тихо скрипнула, приоткрываясь от сквозняка, и Полина услышала ответ Игоря:

— Врач сказал, что у нее теперь будут сложности с тем, чтобы забеременеть. Почти невозможно.

— Ну и тем более! Зачем тебе бесплодная, которая не то что выносить не может, но и зачать? Найдешь себе другую, здоровую. Потом. Сейчас, сам знаешь, Америка. Делай карьеру, сынок, пока молодой. А это все... женитьба, дети... Пару-тройку лет подождет. Кстати, надо будет что-то с квартирой делать. Думаю, ее лучше сдать.

— А Полина?..

— А что Полина? Не будет же она вечно в твоей квартире жить? — возмущенно фыркнула «свекровь». — Я сама с ней поговорю, если тебе так сложно. Ты сейчас думай о поездке — это главное!

Дверь распахнулась, и они оба вошли в палату. Полина поспешно закрыла глаза и постаралась дышать ровно, как спящая, хоть ей и захотелось отчаянно закричать, выгнать обоих из больницы, вычеркнуть их раз и навсегда из своей жизни. Запустить чем-то тяжелым в стену. И потом расплакаться. Игорь и его мать подошли к кровати.

— Спит, — не понижая голоса, произнесла «свекровь». — Ну, я пойду. А ты думай о том, что я сказала.

Как Полина в тот день смогла «держатъ лицо» и вытерпеть заботы Игоря — сама потом объяснить себе не могла. Откуда у нее нашлись силы даже улыбнуться какой-то его шутке? Как смогла съесть очередную порцию больничного «клеястера» и дожить до того момента, когда Игорь наконец-то засобирался домой? Оставшись одна, она зарылась лицом в

подушку, но слез не было. Была пустота, которая разъедала ее изнутри, проглатывая все эмоции, чувства и оставляя лишь практические мысли: куда ей теперь пойти, когда выпишут из больницы? Как заняться поисками съемной квартиры? Хватит ли ей денег на «однушку» на окраине Москвы, или снять комнату в квартире с соседями где-то поближе к работе? Она даже на салфетке принялась делать наброски плана, как ей быть дальше. Лучше думать о практических вопросах, чем дать пустоте разжесть ее, уничтожить.

Когда ей позвонили, Полина подумала, что это Игорь, и решила не брать трубку. А еще лучше совсем отключить телефон, чтобы ее не беспокоили. Но когда увидела высветившееся имя звонившей, тут же ответила на вызов.

— Полина! — раздался в трубке голос Насти — солнечный, радостный, как она сама. — Я прочитала твои романы! И, знаешь, не утерпела, решила тебе позвонить и лично сказать, как они мне понравились.

Слушать здесь, в унылой обстановке, восторги и благодарности Анастасии было так необычно, будто этот звонок волшебным образом неожиданно перенес Полину в другой мир, в котором все играет красками, ослепляет солнечными бликами, переливается перламутровым блеском. Но Полина чувствовала себя в этом мире, в котором жила еще так недавно, совершенно чуждой, черная туча случившегося поглотила жизнерадостную синеву неба и заслонила солнце. И первые слезы — предвестники грозы и ливня — покатились по щекам в тот момент, когда Настя сказала, что провела две бессонные ночи, не в силах оторваться от книг.

— Когда будет продолжение? — спросила девушка.

— Никогда, — ответила Полина и разрыдалась. Ей было стыдно, она пыталась объяснить растерянно замолчавшей собеседнице, что слезы — это ее временный срыв, извиниться, но никак не могла успокоиться и произнести хоть пару слов. Наконец-то ей удалось сказать, что она находится в больнице.

— В какой? — деловито спросила Настя, не уточняя адреса, не спрашивая, что случилось. Полина назвала.

— Хорошо! — ответила Настя и попрощалась.

Она приехала меньше чем через час и привезла с собой солнце. Из огромного пакета, который Настя взгромоздила на тумбочку, на свет появились фрукты, пирожные, купленные во французской кондитерской, и большой конверт.

— Как тут уныло! — сказала гостя, критичным взглядом оглядывая

стены. — Я так и знала...

Последней из пакета она извлекла бобину прозрачного скотча.

— Что ты собираешься делать? — удивленно спросила Полина, приподнимаясь на кровати.

— Скрашивать твоё печальное пребывание тут, — уверенно ответила гостья и зубами оторвала кусочек липкой ленты. Через десять минут участок стены, который попадал в поле зрения Полины, был украшен различными фотографиями. Залитые солнцем пейзажи, Берлиоз с уморительными выражениями на усатой морде, улыбающаяся Полина во время той фотосессии и сама Настя с камерой в руках, улыбающаяся в зеркало — автопортрет.

— Ну вот, кажется, все. А пирожные съедим вдвоем! Я жуть какая голодная, не успела поужинать.

Они ели пирожные и грызли зелёные яблоки, и Полина спокойно, без слез, а где-то даже с улыбкой, рассказывала новой подруге обо всем, что приключилось с ней, начиная от отказа из издательств и заканчивая подслушанным разговором.

— Книги продолжишь писать, а как сделать твои замечательные истории доступными для читателей, придумаем. Юрьева — отправить далеко и надолго, в Америку, — чеканила уверенно Настя. — С квартиры немедленно съехать, вернуться туда лишь за вещами.

— Куда съехать?

— Ко мне, — припечатала Анастасия. И после недолгих протестов Полина согласилась, правда, на условии, что это лишь до тех пор, пока она не подыщет себе квартиру.

— Да живи сколько хочешь! Я все равно одна, — сказала Настя, и в её беззаботном голосе впервые прорезалась горечь. — Не считая Берлиоза, конечно.

Юрьев уехал в Америку, пообещав Полине часто писать и при первой же возможности сделать ей вызов. А у неё не нашлось сил сказать ему, что между ними все кончено.

Настя выделила Полине комнату-«студию», которую за те дни, что Полина продолжала находиться в больнице, успела оборудовать в симпатичное жилище.

— Вот здесь ты напишешь тот роман, который тебе откроет двери во все издательства! — уверенно сказала Настя, показывая гостье уголок с небольшим столом и украшенной фотографиями стеной.

— Если тебе не нравятся эти работы, я повешу другие. Если совсем не хочешь, уберу. Может, ты желаешь тут для вдохновения повесить

постер любимого певца или актера — откуда я знаю? Так что вперед, без стеснения!

Полина рассмеялась и уверила хозяйку, что ей очень нравятся фотографии, которые выбрала Настя, а постеры с певцами и актерами она никогда не собирала.

— Моей музой станет Берлиоз, — добавила она, почесывая за ухом тершегоса о ее ногу кота.

— Тогда пусть он намурлыкает тебе много сюжетов!

— Сколько я тебе должна за проживание? — прямо спросила Полина, которая не любила быть обязанной. Этот вопрос она собиралась решить сразу.

— Возьму дорого, — серьезно ответила Настя. — Как видишь, я тут постаралась обустроить уютное гнездышко.

— Сколько? — повторила Полина, потому что хозяйка сделала паузу, словно не решаясь озвучить сумму.

— Два романа. Первый — тот, который ты давно собиралась написать, но так и не приступила к нему. И второй — продолжение серии, которую ты начала и после второй книги бросила. Дорого? Ну, дешевле я не могу взять, сама понимаешь... Затраты. Ты мне должна два романа. А дальше видно будет. И не ухмыляйся, я не шучу! Садись и отработывай.

Настя выбрала правильное средство реабилитации: все свои переживания, горести и надежды Полина вылила в новый роман. Но еще не успела она его закончить, как неожиданно раздался звонок из крупного издательства, которое молчало уже больше полугода. И Полина давно для себя решила, что молчание — это знак отказа. Но вот ей позвонили и предложили заключить договор на роман, от которого все отказались. «Но мы подписываем договор при условии, что вы предоставите еще два-три романа», — услышала она и радостно заверила девушку с приятным голосом, что заканчивает работу над новой рукописью, а в планах у нее еще одна. А там и другая... Эта ошеломляющая новость совпала с другой: от Игоря пришло сообщение, что он женился на американке, просил прощения у Полины и желал ей счастливого будущего. Может, потому, что она находилась в эйфории от предложения подписать с издательством (да еще с самым главным!) договор, может, потому, что уже давно за все реже и реже приходившими письмами от Игоря угадывала перемены в его личной жизни, она восприняла это известие спокойно и с неким облегчением. Пожелала Юрьеву счастья и удалила его адрес из контактов. Ставить точку — так ставить. А спустя некоторое время Полина съехала от Насти, потому что подвернулась квартира в

том же подъезде, только двумя этажами выше. Счастливая случайность, которая помогла им не разлучаться.

А следом за этим в ее профессиональной жизни все закрутилось так стремительно, что Полина и опомниться не успела. За подписанием первого договора был подписан и второй, книги неожиданно быстро продались, и Полине предложили невероятное — сразу авторскую серию с продвижением, но при условии, что она будет писать регулярно, быстро и интересно. Она согласилась. И завертелось дело: работала она даже по ночам, чтобы успеть рукописи сдать в срок, часто приходилось писать заметки, статьи для журналов и отвечать на вопросы интервью, которые ей присылали из пиар-отдела, ездить на теле— и радиопрограммы. После года жизни в этом ритме Полина уволилась из клиники, что сделала без особого сожаления, и полностью погрузилась в мир книг. А затем добавились и сценарии к одному популярному сериалу. О Игоре Полина если и вспоминала, то только с мыслью, что если бы не расставание с ним, она бы так и не вышла из его тени, похоронила бы мечту и сожалела бы об этом. Что ни делается, все к лучшему. Только вот личных отношений она больше не заводила: часть ее души, отвечающая за влюбленность, так и осталась пораженной той пустотой, которая чуть не поглотила ее всю.

Казалось, полю конца не будет, пришлось сделать короткий привал, во время которого почти все высказали сожаление, что отправились в дорогу, не подкрепившись.

— Может, там для нас опять столы накрыли, — мечтательно проговорила Настя, на что Геннадий раздраженно буркнул:

— Предпочитаю пообедать позже, но подальше от этой дыры.

— Ну что, идем? — скомандовал Андрей, усаживая себе на плечи закапризничавшего сына. — Никита, потерпи немного, скоро все закончится!

— Я есть хочу!

— Мы все хотим, но надо подождать. На станции я обязательно тебе что-нибудь куплю!

— И машину?

— У тебя уже есть новая машина! — теряя терпение, сказал Андрей. Полина покосилась на мужчину с сочувствием: путь и так непростой, с сумками и через неровное поле, а еще нужно и ребенка нести.

— Я еще одну хочу! Синюю! Ты обещал!

— Обещал, если ты не будешь капризничать. Когда приедем домой.

— Когда мы приедем домой?

— Скоро, Никита, скоро! — уже не скрывая раздражения, ответил отец. — Слушай, Ник, давай ногами, а?

— Не хочу! Трава колется!

— Никита, а ты знаешь, что в траве прячется целый город, в котором живут такие, как мы, человечки, только маленькие? — спросила Полина, нагнав Андрея.

— Какой город? — заинтересовался Никита.

— А вот такой — как настоящий! С домиками, машинами, парками. И живут в нем человечки...

— А мы на них сейчас наступаем, да?

— Нет, конечно, Никита! Это волшебный город: когда кто-то идет через это поле, все дома, машины и человечки прячутся. Иди сюда, я тебе расскажу!

— Сказочница, — громко хмыкнул Геннадий. Андрей снял с плеч изъясвившего желание идти теперь с Полиной сына и посмотрел на девушку с такой благодарностью, будто она оказала ему огромную услугу.

— Давайте я понесу вашу сумку, — великодушно предложил он.

— Спасибо, Андрей. Я справлюсь, — отказалась Полина, беря мальчика за руку.

Еще полчаса пути, и их усилия оказались вознаграждены: поле закончилось, и перед ними оказалась широкая земляная дорога, огибающая узкую полосу лесопосадки.

— Юх-ху! — издал ликующий клич Геннадий и даже подпрыгнул от радости. — И почему мы вчера поле не перешли?

Приободренные путешественники зашагали уже дорогой, поднимая небольшие облачка пыли, которая оседала на их обуви коричнево-серым налетом.

— Может, по этой дороге еще и машины ездят! — мечтал Геннадий. — Тогда поймем попутку.

Но за все время пути, а прошагали они добрый час вдоль полей и островков леса, им не встретилось ни одной машины, ни одного путника.

— Такое ощущение, будто мы одни на всем белом свете, — высказала предположение Настя.

— Глобальная катастрофа: от неизвестного вируса вымерло все население, остались лишь мы! — начал фантазировать Геннадий. — Наша задача — не заразиться вирусом и не попасть в руки мутантов с косами. Продержаться на зараженной планете до тех пор, пока не придет помощь с планеты Альфа Бета в виде зеленых человечков. Сказочница, как тебе такой сюжет?

— Шаблонный, — ответила девушка. Никита продолжал идти с ней за руку и задавать вопросы про «травяной город», про который Полина на ходу придумала уже несколько коротких историй.

— Почему? — бросился на защиту своих идей Геннадий и даже приостановился, поджидая девушку с мальчиком.

— Шаблонный — часто используемый. В тех же американских блокбастерах хотя бы.

— А тебе, значит, не нравится американская киношка? — спросил Геннадий с ревнивыми интонациями, которые выдали в нем любителя подобных фильмов.

— Ну почему же не нравится... Смотрю! Но сюжет про глобальную катастрофу, вымершее от неизвестного вируса население и зеленых человечков слишком уж избит.

— Придумай новый! — закинул удочку Геннадий. — Вон как про травяной город загнула, даже я заслушался.

— Значит, подслушивали?

— Так и вы не шептались, — поддел он ее. И, усмехнувшись, добавил: — Давай уж ко мне на «ты»? А то прям как к старику — «вы» да «вы». Мы ж ровесники, думаю!

— Как хочешь, — спокойно ответила Полина и отпустила запросившегося к отцу Никиту.

— Давай, писательница, выдвинем все версии! Идти-то скучно.

Настя оглянулась через плечо и улыбнулась незаметно подруге, подбадривая ту. Полина сделала вид, что не заметила ее знаков. Она разговаривает с этим Геннадием только потому, что идти и правда скучно. Хотя ей никогда наедине с собой скучно не бывает. Но отвязаться от Геннадия, приставшего, как репей, похоже, не так просто. Ладно, пусть. Они поговорят, и только.

Еще минут через двадцать дорога сделала крутой вираж и вывела их к двухэтажной кирпичной постройке.

— Ну вот, наконец-то мы куда-то пришли! — обрадованно воскликнул Геннадий. Даже увлеченный разговором с Полиной, он не забывал думать о главной цели их пути — выйти на станцию. — Сейчас спросим дорогу и...

— Мне кажется, это вряд ли удастся, — мрачно перебил его Андрей. — Мы пришли обратно.

— Что за черт?! — выкрикнул Геннадий и в отчаянии совсем по-женски всплеснул руками. — Ты уверен?!

— Мимо этого дома мы уже ходили вчера. Видишь вон вывеску?

На уровне первого этажа возле деревянной двери и правда висела,

привлекая внимание своим ярко-желтым цветом на фоне серого кирпича, вывеска с изображением огромного сапога, ощерившегося, будто хищное животное, торчащими из оторванной подметки гвоздями.

— Конечно, можно успокоить себя тем, что такие вывески есть в каждом поселке, но что-то сомнительно.

Полина в молчаливом шоке поставила сумку в пыль. Настя, до этого что-то оживленно рассказывающая мальчику, замолчала. А Геннадий, наоборот, разразился потоком брани, швырнул свой дорогой саквояж на землю и топнул, будто капризный ребенок, ногой.

— Успокойся, — не выдержала Полина. — От криков и истерик пользы будет мало.

Но он словно не услышал. Рванув к двери, он дернул ее на себя, но та оказалась запертой.

— Эй! — закричал он, заколотив в нее кулаками. — Откройте, сволочи! Кто тут есть?! Объясните, что происходит?!

Настя с Полиной переглянулись, и во взглядах их промелькнуло отчаяние: всю надежду они возлагали на эту дорогу.

— Пап, почему он кричит? — дернул за руку отца Никита. — И когда мы поедem на поезде? Я есть хочу!

Похоже, терпение Андрея, уставшего от тяжелых нош, вопросов сына и долгой дороги, тоже подошло к концу, потому что он резко ответил:

— Ник, помолчи!

Мальчик насупился и замолчал.

— Андрей, — окликнула Полина. — Думаю, лучше нам сделать передышку. Если мы устали, то что скажешь о ребенке.

— Предлагаете, как и вчера, отправиться на завтрак? — недобро усмехнулся Андрей. — Вдруг о нас опять позаботились? День сурка какой-то, черт возьми!

— Мы сейчас все уставшие и взвинченные, — поддержала подругу Настя. — Можем удариться в истерику, разозлиться, кричать. Но толку от этого? Нам нужно спокойно подумать и решить, что делать дальше. Вчера нас накормили, и еда оказалась качественной, никто не отравился.

Андрей вздохнул и поудобней перевесил рюкзак.

— Геннадий, идем? Девушки правы, нам сейчас лучше...

— Я сам знаю, что мне лучше! А мне лучше уйти из этой дыры как можно скорей! — выкрикнул Геннадий и в сердцах пнул дверь ногой. Одна старая доска не выдержала удара и треснула с сухим звуком.

— Ты можешь и дальше ломать двери, если думаешь, что это поможет, — крикнула, невольно заражаясь его раздражением, Полина.

Молодой человек, удивительно, ее послушал, всадил еще, вымещая злобу, кулак в дверь, но затем подошел к остальным.

— Мне некогда завтракать. Не на курорте. Я хочу уйти отсюда как можно скорей, — быстро, сквозь зубы проговорил он. — Если вам так хочется, оставайтесь, завтракайте, отдыхайте или что вы еще собираетесь делать, а я пойду.

— Один?

— Один! Не маленький! Тут еще дороги три точно есть. Ну и что, что вчера мы по ним прошли! Если надо, переплыву реку, перелезу через овраг, но отсюда выберусь.

— Мы все отсюда выберемся, — ласково, будто желая успокоить ребенка, сказала Настя.

— Но я не собираюсь ждать! Аппетитно вам позавтракать и все такое, но я ухожу.

И, не задерживаясь более, он подхватил свой саквояж и отправился к видневшимся вдали двум домам, за которыми находилась еще одна дорога.

— Ну что ж, — развел руками Андрей. — Он сам сказал, что не маленький и волен принимать решения. Если бы я был один, без сына, последовал бы за ним, так как у меня тоже нет никакого желания задерживаться здесь хоть на полчаса. Но приходится делать скидку на Никиту.

В гостинице по-прежнему никого не было. Андрей бросил взгляд на пустую стойку ресепшена, на которой по-прежнему лежали ключи от их номеров, словно ожидавшие их возвращения.

— Уже не удивительно, — буркнул Андрей. — Чувствую себя участником какого-то шоу. Может, оно так и есть, а?

Он даже оглядел потолок, будто надеясь обнаружить глазки скрытых камер.

— Ну что, подруги по несчастью, относим вещи обратно в наши номера и встречаемся в столовой? Надеюсь, столы накрыты, иначе будет не смешно.

— Не смешно и то, если столы накрыты, но опять никого нет, — возразила Настя и сдула упавшую на лоб выбившуюся из косы рыжую прядь.

Глава VI

Полина первой вошла в номер и замерла на пороге, предупредительно подняв руку. Настя остановилась за спиной, выглядывая из-за ее плеча, ради чего ей пришлось встать на цыпочки.

— Что там?

— Тс-с.

— Тебе что-то послышалось?

— В ванной будто вода шумит. Слышишь? Эй, есть тут кто?

Подождав пару секунд, Полина поставила сумку на пол и решительно направилась в ванную, Настя устремилась за ней, но по пути остановилась и дернула подругу за руку:

— Смотри.

Уходя из номера, они оставили постели незаправленными, сейчас же обнаружили обе кровати аккуратно застеленными, со стопкой свежих полотенец на желтых покрывалах.

— Это просто... не знаю, как объяснить, — прошептала Полина, беря подругу за руку. — Самое разумное и менее пугающее: мы и правда в каком-то шоу, и нас снимают скрытые камеры. Другие версии даже боюсь выдвигать.

— Здесь кто-то есть. В гостинице. Но почему-то скрывается. Поселок кажется безлюдным, но я уверена, что он населен. Мы же собственными глазами видели в ту ночь, когда селились, администратора за стойкой и горничную!

— Ночью, ночью, — пробормотала Полина, морща лоб, словно о чем-то думая. — Мне кажется...

— Ой! Вот и твоя тетрадь нашлась! — воскликнула, перебив подругу, Настя и ринулась к столу, на котором лежала раскрытой тетрадь. Но едва она подбежала к столу, как резко отшатнулась, словно увидев нечто ужасное, и тихонько вскрикнула.

— Настя? — встревожилась Полина.

— Иди сюда, — глухим голосом позвала подруга. — Это ты написала?

— Что? — девушка заглянула в свою раскрытую тетрадь и тихо прошептала: — О господи...

На чистых страницах, на целый разворот, печатными буквами оказалась выведена надпись: «Выхода нет!»

— Я это не писала, — тихо проговорила Полина, беря в руки тетрадь с

такими предосторожностями, будто листы той могли оказаться отравленными. Сев прямо на девственно застеленную кровать без единой морщинки, она перевернула страницу.

— Вот это я написала ночью... А вот нарисовала дороги, по которым мы вчера прошли. Со всеми препятствиями, не дающими нам выйти. Вот эта дорога обрывается рекой. А вот эта, как и сегодняшняя, ведет обратно в поселок... Получается, что выхода на самом деле нет. Но так же не может быть, правда?

Она подняла на Настю глаза, в которых читался не столько вопрос, сколько желание того, чтобы опровергли ее слова и дали надежду. Анастасия вздохнула и сказала:

— Покажем тетрадь Андрею. Что-то мне подсказывает, что скоро Геннадий опять присоединится к нам.

— Лучше бы ты этого не говорила. Если он со своим упорством не сможет отсюда выйти, это лишь докажет безвыходность ситуации.

— Безвыходных ситуаций не бывает. Идем, Полина. Нас ждут Андрей с Никитой. Сдается мне, день будет долгим.

Полина кивнула, прошла в ванную и прикрыла кран. Когда она вернулась, увидела, что подруга перекидывает через шею ремень чехла, в котором хранилась камера. Видимо, зная, что в их номер кто-то заходит, не отважилась оставлять дорогую камеру без присмотра. Но Настя, перехватив взгляд подруги, пояснила:

— Ты мне дала отличную идею с фотографиями. Вдруг на снимках окажется то, что мы простым глазом не видим.

— Не уверена, что мне бы это хотелось видеть, — проворчала Полина. Но, однако, согласилась с тем, что идея может оказаться полезной.

— Мы отсюда обязательно выйдем, — сказала Настя так, словно произнесла клятву. — И не с такими ситуациями справлялись.

В тот день Настя бежала из школы так быстро, как никогда, предчувствуя что-то необычное. Нет, бабушка не говорила, что день будет особым, но Настя, отличавшаяся наблюдательностью, сама «вычислила» по неуловимым для кого-то признакам его незаурядность. Бабушка сегодня нарушила утренний ритуал и вместо того, чтобы читать молитвы в «святом» уголке своей комнаты, пока внучка умывается, спозаранку заперлась на кухне и что-то там творила. Насте нравилось слово «творить»: оно отдавало таинственным, магическим, как в волшебных сказках. Девочка различала, когда бабушка просто готовит, а когда «творит»: из действий пожилой женщины исчезал обычный шум — грохот сковородок и кастрюль, брэнчанье ложек и вилок,

звяканье стеклянной посуды. Когда бабушка готовила сложное блюдо, она становилась куда мягче, плавней и осторожнее в движениях, помешивала ли что-то в глубокой миске, взбивала ли яйца, ставила ли сковороду на плиту. Без спешки, отдаваясь процессу целиком, а не выполняя действия механически. В такие моменты с нею даже нельзя было заговаривать.

Настя умылась и тихонечко проникла на кухню. Бабушка, освободив стол и оставив на нем только стакан с какао и бутерброд на тарелке со стороны, где обычно завтракала внучка, раскатывала толстый блин желтоватого теста. Смесь запахов опары и жареной начинки словно подтверждала знаковость дня: бабушка затевала этот пирог лишь по особым случаям. Настя заняла свое место и принялась за завтрак, не сводя взгляда с завораживающе ловких движений рук, то взбивающих колобок теста, то двигающих туда-сюда скалку, раскатывая его в огромный блин.

Другой приметой необычности дня стало то, что бабушка приготовила внучке в школу «парадную» юбку-плиссе, которую Настя хоть и находила красивой, но не любила из-за быстро мнущихся складок. Попробуй разложи правильно подол, когда усаживаешься в школе на стул! Но спорить каждый раз с бабушкой девочка не решалась, потому что эта юбка, как и пирог по фирменному рецепту, относилась к особым приметам. Когда Настя уже причесывалась в ванной, пришла бабушка, взяла из ее рук деревянный гребень с толстыми зубьями и сама принялась расчесывать густые волнистые волосы девочки. А затем вместо обычной косы заплела их в сложный «колосок».

— После школы не задерживайся, — попросила бабушка и посмотрела в зеркало задумчивым взглядом, а потом, спохватившись, наклонилась к внучке и прижала ее к себе каким-то особо крепким и порывистым объятием. Настя поцеловала бабушку на прощание в морщинистую щеку и убежала.

Весь день она просидела как на иголках, гадая, что за сюрприз ожидает ее. Уроки девочке казались будто сдвоенными: время еще никогда не тянулось так медленно. Даже на любимом занятии по рисованию она выполнила задание задолго до звонка, хотя обычно так увлекалась прорисовыванием деталей и аккуратной штриховкой, что не успевала завершить рисунок до конца урока.

Возвращалась Настя домой с бьющимся у горла сердцем не от бега, а от ожидания, что вот-вот откроет она дверь квартиры и наконец-то узнает причину бабушкиного пирога и ее утренней молчаливости. Скоро-скоро...

— Ры-ыжая-я! — раздался вдруг радостный оклик, и перед ней, словно черт из табакерки, выпрыгнул местный задира и хулиган Вовка. Внутри все оборвалось: вот же принесла нелегая! Как всегда, в самый неподходящий момент. Впрочем, когда появление Вовки было подходящим? От этого мальчишки всегда ожидай неприятностей: обидных до слез кличек, дерганья за косу, отнятого портфеля и рассыпанных в грязь тетрадей. Старше ее на целый год, крупный и высокий, Вовка казался девочке непобедимым врагом.

Настя еще попыталась обежать своего обидчика, но зараза Вовка широко расставил руки и успел ухватить девочку за плиссированный подол. Резинка на талии оттянулась так, что стали видны трусики. Вовка аж хрюкнул от восторга и, захлебываясь от удовольствия и осознания своей силы, завопил на всю улицу:

— Рыжая, рыжая, конопатая! Убила дедушку лопатой!

В выборе дразнилок негодяй оригинальным не был, и рефрен про дедушку и лопату уже давно перестал задевать девочку. Но Вовка вдруг дернул за подол, который все еще продолжал сжимать в грязном кулаке, и юбка сползла до колен. Довольный мальчишка загоготал. Настя одной рукой подтянула юбку, другой вытерла набежавшие на глаза слезы унижения.

«Да он в тебя влюбился!» — внезапно вспомнились ей слова школьной подружки Анечки, которой Настя не так давно рассказала про своего обидчика. «Мальчишки, они все такие! Как втрескаются, так и начинают...» — просвещала Настю на прогулке по двору во время школьной перемены Анечка. Подружкам нравилось ходить в обнимку и шептаться, делиться секретами. Анечка накануне рассказала Насте о том, что Сережка Пирогов из параллельного второго «Б» уже целую неделю «строит глазки, не иначе как влюбился». Настя спросила, как это — строить глазки. И подружка подробно рассказала. «Ну смо-отрит вот так!» — Аня вытаращила глаза и усердно наморщила лоб. «А еще портфель отнимает. За косу дергает. Обзывается. В общем, ведет себя как полный дурак! Мальчишки, как влюбляются, полными дураками делаются!» — важно ответила Анечка, и презрение в ее голосе смешалось с гордостью от того, что кто-то ей «строит глазки» «А на меня вон тоже обзываются», — вздохнула Настя и рассказала про Вовку. «Влюбился!» — вынесла вердикт Анечка.

Этот еще свежий разговор пронесся в мыслях Насти молнией, и она на полном автомате, отдавшись отчаянию загнанного в угол зверя, которому уже нечего терять, закричала, загнув гогот врага:

— Ты влюбился! Ты в меня влюбился!

— Че-го?! — мгновенно прекратил смеяться враг, вытаращил на девочку глаза и наморщил лоб — совсем так, как изображала «влюбленность» у мальчишек подруга. «Точно влюбился!» — с каким-то веселым злорадством подумала Настя и засмеялась.

— Влюбился, влюбился! — мстительно повторила она и, воспользовавшись тем, что Вовчик от неожиданности превратился в неподвижный манекен, пригнула голову и со всей силы боднула его в незащищенный живот. Действовала она, не отдавая отчета своим действиям, будто повинуюсь некоей силе, которая ее в тот день вела и подсказывала верные решения. Вовка ойкнул не столько от боли, сколько от неожиданности и смешно плюхнулся на пятую точку. Настя не стала мешкать и бросилась бежать.

— Ду-ура-а! — понеслось ей вслед.

— Сам дурак! — весело отозвалась она, понимая, что получила в свои руки мощное оружие. Она теперь знает, как справиться с Вовкой, знает! И даже то, что она потом, споткнувшись, упала, измазав юбку в придорожной грязи и ссадив коленку, не испортило ей настроения. Победа! Опоенная ее пьянящим вкусом и эйфорией от открывшегося ей слабого места врага, Настя совсем забыла о том, что дома ожидает сюрприз. Влетела в квартиру возбужденная, шумная, радостная и закричала прямо с порога:

— Бабушка! Ты представляешь, а я сегодня Вовку-задиру победила!

С кухни доносился привычный шум: звон убираемой в шкафы чистой посуды, и девочка устремилась на звук. Вбежала в кухню и осеклась, увидев за заваленным свертками и коробками столом незнакомую женщину, такую ослепительно яркую и красивую, словно сошедшую со страниц сказок про принцесс и фей.

— Ой... — растерянно сказала девочка и сделала шаг назад. — Здравсьте...

— Настя, — сказала женщина, оглядывая ее с ног до головы цепким, как у школьной директрисы, взглядом. И девочка только сейчас осознала, как выглядит со стороны. Ужасно! Особенно в сравнении с этой красивой женщиной. Мятая и испачканная юбка сидит косо, гольфы сползли, заплетенный бабушкой «колосок» растрепался, и рыжие, завитые в тугие кольца локоны налипли на красное и вспотевшее от бега лицо, коленка кровоточит. А эта женщина... Она такая прекрасная! На ней модное зеленое платье, которое подчеркивает огромные зеленые «русалочки» глаза, подведенные аккуратно и красиво, как у киноактрисы. На

фарфорово-белой коже — легкий слой румян. Ярко-рыжие, как у Насти, волосы шикарными волнами рассыпаются по плечам. Фея из сказки Принцесса. И пахнет от нее чем-то сладким, волнующим и... знакомым. Этот запах перебивал уютный запах бабушкиной выпечки и почему-то заставлял сжиматься сердце, наполняя его радостью и одновременно тоской. Смутные воспоминания шевельнулись в ее душе, когда женщина вдруг улыбнулась и протянула Насте навстречу руки.

— Ну... иди ко мне. Дай тебя обнять. Какая же ты стала...

Настя неуверенно оглянулась на бабушку, но лицо той казалось суровым: брови, подведенные по случаю особого дня черным карандашом, сошлись на переносице, тонкие губы поджаты. А глаза почему-то влажные и покрасневшие, будто бабушка до этого резала лук. Настя осеклась, не зная, как поступить. Женщина растерянно улыбалась и все так же держала руки протянутыми, но словно уже не ожидая принять в них девочку, а боясь под нахмуренным взглядом бабушки опять сложить их на коленях.

— Иди, — приказала бабушка незнакомым надтреснутым голосом. — Мамка твоя. Али уже забыла?

Что почувствовала в тот момент Настя, она уже и не могла вспомнить. Почему-то тот эпизод выпал из ее памяти, словно она сразу перенеслась в другой, где уже сидела за столом между этой красивой женщиной, которая то и дело гладила ее по голове приятно пахнущей рукой, и огромным мужчиной в костюме и с красным от жары лицом. Гостю явно было жарко, но он почему-то не снимал с себя пиджака и не развязывал тугую удавку галстука. Бабушка косилась на него со смесью неудовольствия, опаски и осуждения, но не решалась предложить снять пиджак. Они ели пирог, испеченный хозяйкой, но Настя не замечала его вкуса. Сидеть за столом в кухне, которая из-за присутствия двух новых людей сжалась до размеров спичечного коробка, было неуютно и неудобно. Настя во время того обеда все время боялась сделать что-то не так, допустить оплошность, уронить на новое платье, в которое ее обрядила мать, кусок пирога и испортить его девственно-белый цвет ужасным жирным пятном. Она боялась поднять глаза не только на мать, но и на своего отца, потому что тот казался ей таким представительным и громогласным, как школьный директор. И каково же было ее удивление, когда отец произнес что-то за столом тихим и мягким голосом.

Нет, она, конечно, знала, что у нее есть родители, и живут они в других странах, названия которых все время менялись. Настя однажды попросила бабушку подарить ей глобус и вертела его иногда перед сном,

находя на нем те места, в которых побывали ее родители. Она знала, что отец много работает, и его должность так высока, что о ней взрослые люди говорят с придыханием. А мама следует за ним повсюду, потому что очень любит — так рассказывала бабушка. «Тебя они тоже любят», — добавляла каждый раз после заметной паузы бабуля, погружаясь в свои мысли. Настя знала, что о ней помнят: на каждый праздник она исправно получала дорогой подарок. Но все же родители оставались для нее чем-то абстрактным, что нельзя потрогать руками и почувствовать тепло, нельзя вдохнуть, как воздух, и ощутить запах, от которого бы стало спокойно-спокойно. Они были для нее скорее персонажами из сказок, которые бабушка обязательно рассказывала ей перед сном. Сказка от бабушки, придумываемая на ходу, на ночь была их обязательным ритуалом. В тех рассказах прекрасные родители путешествовали из страны в страну, сражались со злыми силами и обязательно побеждали, а потом садились и писали Насте письмо. Бабушка закрывала глаза и пересказывала «письмо» по памяти. А иногда в этих сказках вместо родителей появлялся Принц, который тоже жил далеко-далеко, за тридевять земель, плывал в лодке, пел песни о любви и ожидал встречи с Настей. «Приедет он за тобой, обязательно приедет», — приговаривала бабушка и целовала ее в лоб с особой нежностью.

И вот эти родители из сказки сидят с ней за одним столом и едят бабушкин пирог. Мама почти не прикоснулась к угощению, зато отец наворачивал уже какой кусок. А потом все вместе в комнате рассматривали подарки. Мама, не заботясь о красоте платья, стояла, наступив коленями на подол, прямо на протертой ковровой дорожке и вытаскивала из бесконечных коробок и свертков то одно платье диковинной красоты, то другое. И довольно смеялась каждый раз, когда ей казалось, что платье идеально подошло дочке. Настя тогда, видя маму смеющейся, поняла, что та совсем еще молода. Отец же сидел в кресле и вполголоса о чем-то переговаривался с бабушкой. А Настю в тот момент наконец-то отпустило ощущение скованности, и душу затопило счастье: родители вернулись из дальнего странствия, победив всех драконов, чертей и ведьм, и теперь все вместе заживут в этой двухкомнатной квартире. Уснула она, прижимая к груди дорогую немецкую куклу, о которой мечтали бы все девочки в классе.

Проснулась Настя от того, что среди ночи ей захотелось пить. Она вышла в коридор и увидела, что дверь в кухню закрыта, а в щель между нею и полом просачивается свет.

— Лариса! Ну что ты такое говоришь... Забрать Настасью! —

донесся до девочки голос бабушки. Настя подкралась к двери и замерла. Подслушивать нехорошо, но разговор шел о ней.

— Мама, она растет без меня!

— Ага, опомнилась! А я тебе об этом с самого ее рождения талдычу!

— Мама! Ну что ты опять начинаешь! Ты же знаешь, какая у нас была ситуация! Ну куда я с ней: то в Африку, то в Америку. По всему миру... Это же...

— Раньше думать надо было! Не торопиться рожать. Едва школу закончила, тут же замуж выскочила и забрюхатела. Ума у тебя не было!

— Мама! — со слезами в голосе воскликнула мать. — И это мне говоришь ты! Ты меня отговорила от аборта! Сказала, что поможешь. Я вообще рожать не хотела! В восемнадцать лет!

— Сделала бы аборт, потом бы совсем родить не смогла. Искалечила бы себя на всю жизнь. Молодая, дура.

Послышался пронзительный звук, будто резко сдвинули стул. Настя отпрянула от двери, подумав, что мать сейчас выйдет и застанет ее подслушивающей. Но нет, в кухне раздались шаги, так, будто мама ходила от стены к стене. Чиркнула спичка, и затем едкий запах сигаретного дыма просочился в коридор.

— Если бы я была дурой, не вышла бы замуж так удачно! Смотри, что у меня есть! Я весь мир повидала! Я ни в чем не знаю недостатка! Я многое обрела, чего у меня не было и ты бы никогда не смогла дать!

— Получила шмотки и престиж, но потеряла дочь, — с какой-то злостью сказала вдруг бабушка. — Ты же ее не растила! Не вставала по ночам, не возила в поликлинику. Ты сбросила ее мне как котенка, новорожденную, и усвистела в свои заграничные страны.

— Ты сама ее у меня забрала! — перешла на крик мать, и бабушка громко шикнула:

— Тише, разбудишь Настю.

— Ты же сама...

— А не оставлять же ее было этим... Жила бы у них девчонка, как сирота, затюкали бы ее. Никто бы ее там не любил! Мамаша его такая же, как ты, — ее только шмотки и танцы интересуют!

— Мама! Прекрати!

— Что, правда глаза колет? Не знаю, где я так прокололась... Все, что могла, тебе отдавала. Да, видимо, недостаточно.

— Ты растила меня в нищете! Без мужа!

— Зато в любви! Как и Настасью. А там она была бы брошена. Растили бы ее все эти няньки... А я родная! Ращу в любви! У нас ни в чем

нет недостатка.

— Я вижу! Ты ее наряжаешь, как и меня, в эти ужасные плиссированные юбки и старые кофты! Будто я вам подарков не присылаю!

— Подарками откупиться пытаешься. А сама дочку четыре года не видела. Она тебя даже не помнит! И теперь говоришь, что забрать хочешь...

Голос бабушки дрогнул. И следом за этим раздалась всхлипывания.

— Ма, прекрати, — слышался уже со смягченными интонациями голос матери. — Ма...

— Ты ее даже в школу не отводила. Ты даже не...

— Мама!

— Она же родилась и привыкла тут! У нее подружки! У нее...

— Что из нее тут вырастет? Ты видела, в каком виде она вчера вернулась из школы? Оборванная, грязная, с разбитыми коленками. И ты говоришь, что воспитываешь ее? Что, ей тут будет лучше? Я дам ей воспитание! Отдам в элитную школу в Лондоне. Она будет разговаривать на нескольких языках. Будет вхожа в высшее общество.

— И вырастет такой же бабочкой, как ты. Красивой снаружи и пустой внутри.

— С тобой бесполезно разговаривать! — в гневе выкрикнула мать. Настя едва успела отпрыгнуть от двери и юркнуть в ванную, потому что дверь резко распахнулась, и из кухни решительным шагом вышла мать. Она проследовала в ту комнату, где, оказывается, сидел, а не спал, в ожидании окончания разговора отец.

— Эдуард! Едем!

Бабушка так и не вышла попрощаться. Настя, воспользовавшись моментом, проскользнула в свою комнату и легла в кровать. Когда мама зашла к ней, девочка притворилась спящей. По щеке прохладно скользнули губы, обдало сладким запахом духов, который на этот раз уже показался противным. Настя затаила дыхание. Мама еще задержалась на секунду у ее кровати, а затем вышла.

Девочка услышала стук захлопнувшейся двери, подождала для верности немного, а затем выскользнула из кровати. Бабушка сидела у окна и, глядя на темную улицу и ничего на ней не видя, плакала.

— Ба... — Настя подошла сзади, обняла бабушку и крепко прижалась щекой к впитавшей в себя кухонные запахи байке домашнего халата. — Ба, я никуда-никуда не поеду! Никуда!

Бабушка лишь похлопала ее по руке — то ли одобряя, то ли

успокаивая, но ничего не сказала.

Андрей с Никитой уже ожидали их в столовой за тем же столиком, что и накануне.

— Все то же, что и вчера, но свежее, — прокомментировал Андрей, указывая взглядом на лотки с едой. Полина взяла чистую тарелку, но Настя вдруг, миновав ряд столов, направилась к видневшейся в противоположном конце зала двери. По пути она расчехлила камеру и сделала несколько снимков, направив объектив на стойки с едой, в пустой угол, а затем сделала обзорный снимок всего зала. Полина шепотом пояснила Андрею, для чего все это.

— Хорошо бы еще скинуть снимки в ваш компьютер и как следует рассмотреть тот, на котором видны какие-то люди, — ответил мужчина, ставя перед сыном тарелку с гречневой кашей и омлетом. Никита, мельком окинув горку рассыпчатой крупы, скривился и заявил, что желает завтракать печеньем. Андрей твердо заявил, что печенье будет только на десерт. Никита закапризничал. Отец вздохнул и, бросив на Полину извиняющийся взгляд, наклонился к сыну и принялся что-то ему вполголоса говорить. Девушка поставила тарелку на стол Андрея и отправилась к Насте.

— Ну что? — спросила она у подруги, делавшей снимки огромного разделочного стола с поверхностью из нержавеющей стали. Взгляд скользнул по помещению, отметив пару работающих промышленных холодильников и корзину с немывными фруктами, поставленную на отдельный, уже небольшой, стол.

— Да пусто! Хотя все оставлено так, будто помещение покинули минут десять назад. Холодильники работают, продукты в них, похоже, свежие. Я даже глянула даты на пакетах с молоком: сегодняшнее.

— Сегодняшнее? — переспросила Полина. — Получается, сюда кто-то еще и привозит продукты с фабрики, которая должна находиться поблизости. И этот завоз был утренним.

— Молоко могли разлить и вчера, но даты проставить сегодняшние. Не знаешь, что ли, как это может делаться? — пожала плечами Настя. — Но ты права в том, что продукты должны были привезти. Как — мы это не видели, потому что искали дорогу.

— Привезти и разгрузить продукты — это тебе не тетрадь подкинуть... Скорей всего, это и правда сделали в наше отсутствие. Есть тут что еще интересное?

Подруги прошли в соседнее помещение и увидели две огромные плиты. Огонь зажжен не был, но поверхность одной из плит оказалась

теплой.

— Как они все успевают делать? Приготовить незаметно, накрыть столы и... спрятаться? — сказала, наводя на плиты камеру, Настя.

— Если мы это узнаем, то, думаю, и из поселка сможем выйти.

— А тебе не кажется, что нас могли взять в плен? В свете той записи в тетради, прозвучавшей не то как угроза, не то как предупреждение. Обращаются с нами пока неплохо: кормят и номера убирают. Но что будет дальше — неизвестно.

— Да я уже и не знаю, что думать, Настя. Эта мысль мне тоже приходила в голову. Ладно, пошли к Андрею, покажем ему тетрадь. Кстати, надо снимки с камеры перекачать в мой компьютер и как следует рассмотреть.

Подруги вернулись за стол, за которым Никита уже как ни в чем не бывало, без капризов, что-то оживленно рассказывая отцу, наворачивал десертной ложкой гречневую кашу и запивал ее молоком. Андрей поднял вопросительный взгляд на присевших за столик девушек, и Полина кратко пересказала ему их разговор с Настей на кухне, а затем продемонстрировала тетрадь.

— Вот что я думаю: либо мы опять идем всеми теми дорогами, которые прошли вчера, и пытаемся отсюда выйти методом тыка, как Геннадий. Либо пытаемся разобраться во всем. И, исходя из того, что нам откроется, искать выход.

— Поддерживаю, — сказала Полина. — Второе мне кажется более верным.

— Значит, начнем с исследования поселка и поиска тех, кто тут обитает.

— Мы с Настей можем это сделать вдвоем, — предложила Полина, бросив взгляд на подругу, которая уже успела занять мальчика разговором. — А вы с Никитой отдохните: мальчик хоть и чемпион, но все же ребенок.

— Я вас одних не отпущу, — не согласился мужчина. — Мы находимся в незнакомом месте, в котором непонятно что происходит. Как я вас, девушек, отпущу одних?

— Вот именно потому, что мы не знаем, чего ожидать, лучше не вмешивать в поиски вашего сына, — возразила Полина строгим тоном. Настя усмехнулась и поспешила вмешаться:

— Андрей, вы можете идти вместе с Полиной, а я посижу в номере с Никитой. Мы с ним, кажется, нашли общий язык.

— О! — обрадовался мужчина. — Так и поступим.

После завтрака Настя увела Никиту в номер, а Полина с Андреем вышли на улицу.

— Чувствую себя героиней фильма «День сурка», — сказала девушка, переводя взгляд с памятника Ленину на дорогу.

— Пусть лучше будет «День сурка», чем «Другие», — отозвался мужчина.

— Думаете, мы ехали в маршрутке, попали в аварию и уже... того? — спросила Полина, за усмешкой постаравшись скрыть то, что ей стало не по себе.

— Надеюсь, что нет. У всего происходящего найдется какое-то логичное объяснение. Надеюсь, вы ваши книги тоже не оставляете без развязки. Не читал их, но, обещаю, если выберемся из этой передрыги, куплю и прочту!

— Мне не нравится ваше «если»...

— Да, прозвучало как-то безнадежно. Вы правы. *Когдамы* выберемся...

— Вот, это уже лучше! — улыбнулась Полина и махнула рукой в сторону здания администрации. — Предлагаю начать оттуда. Оно мне кажется более оживленным. Развевающийся флаг все же как-то внушает надежду.

Андрей согласился, и они поднялись на крыльцо. Полина опасалась, что здание администрации окажется закрытым, но стоило ей лишь толкнуть выкрашенную в белый цвет дверь, как та тут же поддалась.

— Погодите, дайте я пойду первым, — опередил ее Андрей. — На всякий случай.

Полина не стала возражать: осторожность превыше любопытства. К тому же идти за высоким и широкоплечим мужчиной ей было совсем не страшно.

Их встретила тишина, такая же, как и в гостинице — не звенящая пустотой, а приглушенная, как шаги по толстому ковру, и настораживающая, будто некто просто затаился, чтобы в самый неожиданный момент явить себя путникам.

Андрей тем временем уже открыл первую дверь и, предварительно оглядев помещение, оказавшееся небольшим кабинетом, вошел внутрь. Полина зашла следом. Кабинет чем-то напомнил ей учительскую в ее школе. На полу лежал толстый пестрый ковер в красных тонах. В центре стоял полированный темный стол овальной формы, под который были задвинуты стулья. На столешнице — письменный прибор, рядом — аккуратная стопка чистой бумаги и перекидной календарь. По краям —

шкафы с папками. Андрей сделал круг по кабинету, отдернул штору, потыкал зачем-то пальцем землю в горшке с кактусом и повернулся к Полине.

— Ничего интересного, — пожал он плечами. — Идем дальше?

— Погодите. Календарь...

— Что?

— Двадцатое августа, как должно быть сегодня. Но год — тысяча девятьсот восемьдесят третий.

Андрей быстрым шагом подошел к Полине и заглянул в откидной календарь. Пролистал несколько листков и присвистнул.

— Календарь тридцатилетней давности. Раритет?

— Или мы в прошлом? — смело предположила Полина.

— Предпочитаю думать, что это просто раритетная вещь.

— Это год моего рождения, — заметила девушка. — И Насти тоже.

— Я был как раз в возрасте моего сына. Ему в этом году исполняется пять лет.

Значит, сейчас ему тридцать четыре — тридцать пять, подсчитала быстро Полина и бросила на мужчину украдкой оценивающий взгляд. Она, если честно, думала, что Андрею больше лет: выглядел он старше своего возраста из-за глубоких продольных морщин на лбу и посеребренных висков. Седина не бросалась в глаза, маскировалась светло-русый цветом волос. Но усталость во взгляде, смешанную с грустью, скрыть не удавалось. Полина подумала, что это взгляд человека, взвалившего на плечи тяжелую ношу. Или пережившего нечто, что стерло из его взгляда радость и беззаботность. Даже когда он улыбался, в улыбке угадывалась горечь.

— Идем дальше? — спросил Андрей, не заметив ее короткого взгляда. Полина кивнула и направилась за ним.

Поиски не дали ничего: они обошли два этажа, зашли во все кабинеты, но здание оказалось абсолютно пустым. Обстановка здесь была такая, словно персонал просто оставил свои рабочие места на время выходных, но в понедельник опять приступит к работе. На одних столах даже лежали раскрытые тетради, похожие на гроссбухи. Полина пролистала одну из них, с расчетами, и закрыла. Андрей тем временем внимательно осматривал шкаф с книгами.

— Нашел что интересное?

— Это как посмотреть, — уклончиво ответил мужчина. — Сами по себе книги скучны и разнообразием не блещут, все с коммунистическим уклоном. Но забавно то, что в наше время кто-то продолжает собирать и

хранить книги на эту тематику.

— Похоже, тут работают поклонники советской эпохи, — сказала Полина, кивая на портрет вождя на стене. Она припомнила, что в другом кабинете видела миниатюрный бронзовый бюст Ленина, стоявший на столе.

— Хоть кино снимай тут про советскую жизнь: все декорации готовы. Ну что, похоже, нас тут не ждут. Надо пройтись по поселку.

Полина кивнула и поставила на место книгу, которую достала из шкафа. На выходе из здания она заметила:

— Андрей, а ты обратил внимание, что ни на одном из столов мы не видели даже самого старого компьютера? Все записи велись, похоже, в тетрадях.

Он кивнул и после некоторой паузы добавил:

— Надо было нам взять один из тех гроссбухов, чтобы детально изучить. Может, записи смогли бы пролить свет на то, что происходит? Чувствую себя ступившим на палубу «Марии Селесты».

— Корабль, с которого пропал весь экипаж? Жители поселка, похоже, не пропали, раз нам готовят и убирают номера. Да и оформили нас в гостиницу две женщины.

— Одна из них была очень неразговорчивой, — вспомнил Андрей. — А может, и вовсе немая. И еще она мне тогда показалась какой-то изможденной.

— Больна или просто устала. В ночную смену работать не так просто. Зато другая... — начала Полина и осеклась. От пришедшей в голову догадки она даже остановилась.

— Андрей! Ночь! Мы сюда пришли ночью! Может, в этом и кроется загадка? И дорогу возможно отыскать лишь ночью?

Мужчина развернулся к девушке и посмотрел на нее с такой радостью, будто Полина сделала открытие, способное перевернуть мир.

— А ведь и точно!

— Это всего лишь предположение, Андрей, — смутилась она. — Если не сможем выйти отсюда днем, предпримем еще одну попытку ночью.

Они свернули за здание администрации и направились к первому жилому дому — трехэтажному, одноподъездному, сложенному из серого кирпича.

— Добротное здание, — оценил Андрей постройку. — Такие, из кирпича, простоят долго, в отличие от панельных.

Полина, задрав голову, тоже рассматривала здание, но обращала внимание на другие детали.

— Не знаю, Андрей, жилой ли это дом. Посмотрите, на балконах нигде не развешано белье.

— Это еще не показатель, Полина. Вон на том балконе, смотрите, стоит велосипед. И на окнах висят занавески.

Девушка решительно дернула на себя выкрашенную в красный цвет с кое-где облупившейся краской дверь и вошла внутрь. В подъезде было относительно чисто и как-то... стерильно. Откуда возникло это ощущение «стерильности», она поняла уже позже, когда они после бесплодных звонков во все квартиры первого этажа, стали подниматься на второй: в подъезде ничем не пахло. Здесь не витали ни застоявшиеся запахи приготовляемой изо дня в день еды, ни табака, ни кошачьей мочи, ни, наоборот, моющих средств, с помощью которых вымыли лестницу. Полина поделилась своим наблюдением с Андреем. Мужчина кивнул, словно принимая ее замечание и складывая его в копилку к остальным, и позвонил в дверь.

Тщетно. Сколько они ни звонили, сколько ни стучали, им никто не открыл. Ничего не оставалось, как покинуть дом и отправиться исследовать поселок дальше.

Когда они вышли из подъезда, Андрей оглянулся и дернул Полину за руку:

— Смотрите!

Она оглянулась и не сразу поняла, что имел в виду ее спутник. И только когда тот указал на окно на втором этаже, поняла: бледно-желтая занавеска на нем слегка колыхалась, будто некто отодвинул ее и затем поспешно задернул.

— Вы успели кого-то заметить?!

— Нет, — бросил Андрей, уже вбегая обратно в подъезд. — Какая это может быть квартира?

Он, прыгая через ступени, взбежал на второй этаж и принялся настойчиво названивать во все двери.

— Эй! Откройте! Мы видели, что кто-то есть!

— Пожалуйста, откройте! — присоединилась к мужчине Полина. — Мы не сделаем ничего плохого! Мы только хотим узнать обратную дорогу отсюда!

— Бесполезно, Полина. Не выламывать же дверь... — сдался мужчина после долгих бесполезных попыток. — Занавеску могло тронуть сквозняком.

— А я почти уверена в том, что в квартире кто-то есть. И что за нами наблюдали, — проворчала девушка, спускаясь по лестнице. — Только вот

уже не знаю, хочется ли мне с этим «кем-то» встречаться. Мы не знаем, кто там притаился — враг или друг.

— Друг бы открыл дверь... Враг... Не знаю. Думаю, что если кто-то и есть, то... нейтральный. Не враг и не друг. Но тот, кто по каким-то причинам не желает выходить с нами на контакт. Ладно, Полина, попытаем счастья в другом месте.

Чем они дальше удалялись от центральной площади, тем сильнее менялся внешний вид поселка. Если в его центре еще более-менее создавалось впечатление обжитости, то чем ближе они подходили к окраине, тем больше встречались с запустением и разрушением, повергавшими их в уныние. Тротуары, если они где и были, зияли дырами и широкими трещинами, сквозь которые пробивалась трава. Во дворе следующего жилого дома, копии того, в котором они уже побывали, стояла сломанная скамейка, от которой остались лишь бетонные опоры да пара прогнивших, лишенных краски досок. А в самом доме на окнах не только не висели занавески, но и кое-где оказались выбитыми стекла.

— Думаю, даже бесполезно сюда заходить в поисках жильцов, — сказал Андрей. Но все же они обзвонили все квартиры, и опять безрезультатно.

— Прямо Чернобыль какой-то, — тихо вымолвила Полина, глядя на пришедшую в упадок детскую площадку с ржавыми качелями, покосившимся «зонтиком» в песочнице, крыша которого местами была изъедена ржавчиной до дыр. Андрей поднял забытую кем-то пластмассовую куклу с выбитым одним глазом и полуприкрытым другим, со свалывшимися в паклю грязными волосами и абсолютно голую.

— У меня в детстве когда-то была такая, — сказала Полина. — Помню даже, называлась эта кукла «пупс Даша». Современные девочки, думаю, с такими уже не играют.

Андрей положил куклу на одну из вкопанных ребром в землю автомобильных шин, и Полина вспомнила, что в детстве с подругами любили перепрыгивать с одной шины на другую.

— Может, мы и правда оказались в прошлом? В этом, как его, тысяча девятьсот восемьдесят третьем? — спросил Андрей, покидая площадку.

— Если бы мы оказались в прошлом, все не было бы в таком запустении. Может, как в Чернобыле, что-то случилось, что заставило его жителей оставить поселок в краткие сроки.

— Давайте быстро осмотрим оставшуюся часть поселка и вернемся в гостиницу. Все же мне неспокойно как-то. Оставили одних Настю и Никиту.

— Да, вы правы.

Дальнейший осмотр места лишь убедил их в том, что здесь царит запустение. Они смело заглянули в бараки в самой дальней части поселка. Риска провалиться в дыры прогнившего пола, осмотрели все комнаты — и правда, создавалось впечатление, что хозяева покинули поселок стремительно. За бараками Полина обнаружила наполовину вросший колесами в землю трактор советских времен. А на обратном им встретилась пара брошенных автомобилей: «Жигули» и «Запорожец» старых моделей.

— Чем больше тут хожу, тем больше ощущаю себя туристом в Чернобыле. Не хватает только экскурсии на ядерный реактор, — грустно пошутил Андрей.

— Когда я работала над одной книгой и мне понадобились описания заброшенных зданий, я использовала чернобыльские фотографии, — ответила Полина. — И впечатлений только от их просмотра мне уже оказалось достаточно. Мне бы не хотелось совершить подобную экскурсию. Но скажите, Андрей, как странно представлен этот поселок! Здесь — многолетнее запустение. А «фасад» принаряжен и ухожен. Даже флаг на здании администрации развевается отнюдь не советских времен, а современный. Зачем? Чтобы сбить с толку заблудившихся путников? Не дать им заподозрить в первые моменты неладное?

— Неладное мы заподозрили еще в дороге, когда на пути не встретили никого, — хмуро напомнил Андрей. — И вы правы, как раз здание администрации нас и успокоило своим цивилизованным видом. Уж не используют ли его как приманку?

— Утешает то, что пока с нами ничего плохого не сделали, наоборот, кормят.

— Не на убой ли откармливают? — усмехнулся мужчина. И, перехватив настороженный взгляд девушки, невесело рассмеялся: — Замолкаю. Похоже, своим пессимизмом я лишь расшатываю вашу веру в то, что мы выберемся из этой передраги. Полина, а ведь и правда, какой сюжет для вашего романа! Прав был Геннадий.

— Мне нравится сочинять истории, примерять их на себя, но только в воображении, — вздохнула она. — Кстати, может, Геннадий уже и выбрался, как знать. Вдруг это я заигралась в расследование и сбила всех с пути, а Геннадий уже на самом деле на полпути к станции.

— Может, и так, — кивнул Андрей. — Но если выбрался он, значит, выберемся и мы.

Увлеченная разговором, Полина не заметила выемку в асфальте и, ступив в нее, упала бы, если бы Андрей вовремя не подхватил ее под

локоть.

— Осторожно! — испуганно воскликнул мужчина. И почему-то задержал руку на ее локте. А Полине это почему-то понравилось, так что когда Андрей отпустил ее, девушка почувствовала некое огорчение.

Судя по времени на часах Андрея, вся их прогулка заняла полтора часа, но возвращались они в гостиницу с чувством, что прошло очень много времени. Полина прямо кожей чувствовала исходящее от мужчины беспокойство и невольно заражалась им: а вдруг они придут в гостиницу и не обнаружат там Насти с Никитой? Нельзя им расставаться надолго. Похоже, Андрей подумал о том же, потому что вслух произнес:

— Не будем больше разлучаться. Что бы ни происходило.

лава VII

Гостиница встретила их привычной тишиной. Полина открыла дверь своего номера и с облегчением перевела дух, увидев, что Настя сидит у окна и смотрит на улицу, а на ее кровати спит безмятежным сном Никитка.

При шуме Настя вздрогнула и повернулась к ним. И Полина, прежде чем на лице подруги показалась беспечная улыбка, успела заметить, что Настя чем-то сильно расстроена. За годы их дружбы она научилась читать настроения подруги лишь по незаметному изгибу ее рта или мимолетному движению бровей. Но спрашивать о том, что случилось, при Андрее не стала.

— Как вы? — спросила шепотом Настя, поднимаясь им навстречу с улыбкой. — Мы, как видите, в порядке. Никита играл, потом я рассказала ему сказку, и он уснул. Наверное, такая плохая из меня рассказчица.

Ее тихий смех мог бы обмануть кого угодно, но не Полину, услышавшую в нем еле сдерживаемые слезы.

— Или, наоборот, слишком хорошо рассказывали, так, что Никита увлекся и уснул, — улыбнулся Андрей. — Он, кстати говоря, редко спит днем. Видимо, сильно утомился.

— Оставьте его доспать?

— Нет, отнесу к нам в номер. Никита, если засыпает днем, спит так крепко, что не добудишься.

С этими словами мужчина осторожно подхватил сына на руки. Полина отправилась с ними помочь им открыть дверь и не заметила грустного взгляда, который бросила ей вслед Настя. И не знала, что в этот момент подруга чувствовала себя такой потерянной, как в те дни, когда ребенком впервые покинула родной дом и приехала в чужую страну.

Лондон Насте не понравился сразу. Он показался ей чопорным и не приветливым, как экономки из старых иностранных фильмов. Даже

скудная улыбка весеннего солнца, которая мелькнула к полудню и вскоре пропала, не умаляла хмурости города. Настя втягивала голову в высокий воротник куртки-пуховика, прятала ладошки в карманах и все никак не могла согреться, потому что холодно ей было не от климата, а от страха перед неизвестным, перед этим чужим местом, в котором все было неправильно, шиворот-навыворот, начиная с движения машин по другой, не той, как в Москве, стороне и заканчивая местной модой. Такого разнообразия стилей в одежде она еще нигде не видела, но это не вызывало любопытства, наоборот, пугало и настораживало: ну что можно ожидать от тетенки с фиолетовыми волосами, выбритым виском и толстым, как у бычка, кольцом в носу? Настя на секундочку представила себе, что такая тетенка пришла бы на урок в ее московскую школу, и прыснула в кулачок: тетенку тут же вызвал бы к себе на ковер директор и заставил снять кольцо и вернуть волосам приличный вид. Эта картина, а также мысли о том, останется ли в носу женщины огромная дырка, если кольцо снять, немного отвлекли. Анастасия замешкалась, и тут же раздался недовольный оклик матери:

— Ну что ты ползешь, как сонная муха?! Никуда не успеем! Не отвлекайся!

Настя встрепенулась, а мама уже цепко схватила ее за руку холодными пальцами и потащила за собой, рассекая толпу, словно ледокол, к огромному зданию — торговому центру.

Они уже находились в Лондоне три дня, и весь этот период растянулся для Насти в бесконечный вязкий сон, туманный, как и сам город. Девочке все казалось, что она вот-вот проснется, и все в ее жизни встанет на прежние места: завтрак на кухне в то время, пока бабушка молится у себя в комнате, плиссированная юбка и колготки в рубчик, знакомая дорога до школы, высокое крыльцо со сбитыми ступенями и двор, по которому она ходит на переменках во время хорошей погоды в обнимку с подружкой Анечкой. Даже задире Вовке она была бы рада. Пусть он вытащит ее из этого бесконечного кошмара своим ликующим окликом: «Рыжса-а-я!» Пусть даже толкнет или больно дернет за косу — пусть! Лишь бы она проснулась.

Но этот сон все не заканчивался и не заканчивался. Настя слонялась, будто лунатик, по огромной неприветливой квартире из комнаты в комнату, без интереса скользила взглядом по различным предметам — от вазочек до абстрактных картин, на которых непонятно было, что изображено, — разводы и кляксы. И молчала. Отвечала лишь односложными фразами в тот момент, когда ее спрашивали.

Отец, как только они приехали, сразу куда-то ушел. Сменил один костюм, с которым не расстался даже ради перелета в самолете, на другой и, сказав, что будет к ужину, уехал. И Настя осталась одна с матерью и молодой чернокожей женщиной Энджи, которой поручили разбирать чемоданы.

А на третий день во время завтрака, состоявшего из сухих хлопьев, залитых молоком (вот бы сюда пышных бабушкиных оладий с пылу-жару с холодной густой сметаной!) мать объявила, что они едут по магазинам.

— Тебя надо прилично одеть!

Настя недоуменно подумала, зачем нужно было везти в Москву все эти многочисленные свертки и коробки с платьями, юбками, блузками, если все это осталось там? Но, видимо, матери важно было не столько обладать, сколько покупать. И вот они уже полдня бродили по бесконечным бутикам. Настю заставляли то раздеваться, то опять одеваться. Ее, будто принцессу, обслуживали в каждом магазине сразу по нескольку продавцов, принося-унося одежду и обувь. Мать расплачивалась и распорядилась уносить свертки и пакеты вниз. А Насте с каждой покупкой все четче рисовалась картинка: вот они спустятся к машине и увидят, что ее салон забит по самую крышу свертками, пакетами и коробками так, что в них утонул дожидавшийся их водитель. И на следующий день во всех местных газетах появится новость, как они с мамой утопили человека в море покупок. Но глаза мамы разгорались все ярче и ярче, азарт и ненасытность расправляли щупальца и захватывали маму в жадные объятия. И Насте уже фантазировалось, что эти пакеты-коробки заполнили не только машину, но и улицу, а может, и весь Лондон, и наступила глобальная катастрофа.

— Ты что, спишь? — окликнула ее резко мать. Настя моргнула и увидела, что сидит на мягкой скамеечке с туфлей в руке и одной босой ногой.

— Пробуй, как тебе эти туфли! Впрочем... Не нравятся они мне.

И хоть Насте и начало всерьез казаться, что это шопинг-мучение никогда не закончится, мать наконец-то объявила, что они едут домой.

А вечером ей сказали, что она отправляется в школу.

— Тебе там понравится! — с убеждением сказала мать под молчаливым взглядом отца, который даже ради домашнего ужина не переоделся из костюма в более удобную одежду. — Вот увидишь, понравится!

Не понравилось. Категорически. К ней, пришедшей под конец учебного года, отнеслись с интересом, сходным с любопытством к неизвестному

насекомому, которое вдруг попало в плен жестокого мальчишки. И как жизнь того жучка из спичечной коробочки оказывалась во власти мучителя, так и ее судьба на тот период оказалась в руках ее новых одноклассников.

Это был, как и говорили родители, элитный лицей, в который попасть было сложно, только «со связями и положением». Обучение в нем проходило на чужом еще для девочки языке, но ее определили в класс к детям таких же, как и ее родители, выходцам из России со связями, деньгами и положением в обществе. Их было всего семь, помимо нее, разновозрастных детей. Самому старшему исполнилось уже двенадцать, младшему — девять (Настя это узнала позже, в первый момент ей показалось, что попала она в класс к старшеклассникам). И хоть разница в возрасте с самым младшим была незначительна, между нею и одноклассниками оказалась огромная пропасть. Настя выросла в другой среде, и для детей, с рождения привыкших к деньгам и положению родителей, она казалась вышедшей из другого мира. Странной, «не такой», «отсталой», подопытным жучком из коробочки, которому связывают лапки ниткой и заставляют летать на привязи и выполнять другие жестокие прихоти малолетнего хозяина.

Испытания и издевательства, которым ее подвергали одноклассники, не шли ни в какое сравнение с насмешками задиры Вовки. И если Настя уже знала, как справиться с Вовкой, то что делать против своры раздраженных свежей кровью «бойцовских» щенков, она не знала. Интуитивно выбрала способ игнорирования, но ее молчаливая отстраненность лишь еще больше подогрела азарт мучителей. Издевательства придумывались все изощренней и изощренней. От обидных кличек и толчков одноклассники перешли к заманиванию ее в различные ловушки. В некоторые она попадалась, другие, успев заранее вычислить, обходила стороной.

Матери Настя не жаловалась. Как не жаловалась и бабушке во время воскресных разговоров с той по телефону. Интуитивно поняла, что если будет рассказывать бабушке о том, как ей на самом деле тут живется, сделает только хуже: у бабушки, и так скучавшей по ней до отчаянных слез в трубку, появится лишь больше поводов для переживаний. «Все нормально, ба! — бодро рапортовала она, за два месяца повзрослев сразу на пару лет. — Я скоро к тебе приеду! У меня будут летние каникулы, вот увидишь!»

Настя свято верила в то, что ее отвезут на летние каникулы в Москву. И зачеркивала в календарике дни. Но летом, когда у отца случился

короткий отпуск, поехали они в круиз. А потом остались в Лондоне, потому что мать, жизни не представляющая без светской жизни, выходов и приемов, была занята подготовкой к какому-то важному для нее мероприятию.

Так прошли еще полгода: Настя проходила школу жизни в элитном лицее, мать полностью была погружена в светскую жизнь, отец — в работу. Единой семьи не получалось. Единственной отдушиной для девочки были тайные чаепития с пожилым Джованни, с которым она познакомилась в начале нового учебного года. Ее одноклассники за время каникул не только не забыли о травле, но и, похоже, посвятили летние дни разработке новых изощрений. Настя в тот день и сама не могла уже вспомнить, как, всегда настороженно относящаяся к любым знакам внимания со стороны одноклассников и одноклассниц, смогла попасть в ту ловушку — оказаться запертой в камере с инвентарем для ухода за лужайками. И все бы ничего, если бы не заманили ее туда под конец дня, когда в лицее почти не оставалось никого из персонала, и если бы эта камера не находилась в той части здания, куда заглядывает лишь садовник, и если бы это не был вечер пятницы. Насте, в крике сорвавшей голос и разбившей кулаки о дощатую дверь в попытке привлечь к себе внимание, грозило заключение на все выходные. Родители в этот вечер присутствовали на очередном приеме, отвез их туда водитель, а за Настей должна была прийти Энджи. Но Энджи еще накануне шепотом договорилась с девочкой, что та придет из школы сама, потому что «тот самый парень, о котором я тебе рассказывала» наконец-то пригласил ее на свидание. Энджи умоляла Настю не выдавать ее родителям, а взамен обещала сводить в давно обещанный девочке Макдоналдс. Энджи всегда относилась к Насте по-человечески, и девочка просто не могла не уступить ее просьбам.

Как, почему, каким образом удалось пожилому, туговатому на ухо Джованни услышать уже даже не отчаянные крики о помощи, а тихий плач, что он в тот вечер делал в опустевшем крыле здания — одному Богу известно. Наверное, сам Господь и послал его на выручку девочке.

Настя видела его и раньше: итальянец Джованни работал при лицее, но чем он занимался, она точно не знала. Просто видела иногда в окно на занятиях, как пожилой мужчина пересекает двор то с одним ящиком, то с другим. Один раз он чинил автоматические ворота.

— Мам-ма мия! — воскликнул Джованни, увидев в подсобке заплаканную девочку, и разразился эмоциональной тирадой на своем родном языке. При этом его густые брови смешно зашевелились. И Настя,

глядя на две мохнатые гусеницы, то сходящиеся на переносице, то изгибающиеся крутыми арками, вдруг успокоилась и рассмеялась.

— Смешно? — удивился Джованни уже на английском.

— Смешно, — подтвердила Настя и тронула пальчиком свою бровь.

— Пойдем, смешная такая, — сказал мужчина, протягивая ей руку. Ладонь у него оказалась жесткой и шершавой, будто необработанная доска. Настя доверчиво сжала пальцы пожилого мужчины и позволила ему вести ее за собой.

Он привел ее во флигелек при школе, в котором жил. Настя вошла и замерла на пороге, удивленная и восхищенная обстановкой. Первое, что ей бросилось в глаза, — картины, развешанные по стенам так часто, что соприкасались их рамы. И эти картины, на которых были изображены соборы, каналы, мосты, каменные улицы, казались окнами в совершенно другой мир. Будь они чуть больше, стали бы дверями.

— Нравится? — спросил Джованни.

— Да.

— Это мои воспоминания, — сказал он. — В каждой картине спрятана история. Как-нибудь я тебе их все расскажу.

Настя кивнула и, спросив позволения, пошла вдоль стен, внимательно рассматривая каждую картину, не замечая никаких других предметов обстановки. Джованни в это время включил газовую плитку и поставил на нее кофейник.

— Ты, наверное, чай пьешь, а не кофе. Маленькие кофе не пьют.

— Я не маленькая, — машинально сказала Настя, замерев перед очередной картиной, на которой был изображен водный канал и находящаяся в гондоле пара: темноволосый мужчина и девушка с ярко-рыжими волосами. Эта картина особо понравилась девочке.

— Венеция, — сказал Джованни, бросив мимолетный взгляд в сторону Насти. — Про Венецию я тебе тоже как-нибудь расскажу. Раз, говоришь, не маленькая...

— Угу.

— Как ты оказалась запертой? — спросил он, ставя на маленький, приставленный к единственному окну стол две кружки и наливая в них закипевший черный кофе. Насте он плеснул кофе едва-едва, только чтобы прикрыть дно, и до краев наполнил кружку подогретым молоком.

— Так... Пошутили. — Рассказывать даже своему спасителю о том, что случилось, не хотелось. Джованни задержал на девочке долгий взгляд, но промолчал, будто понял ее.

Они пили кофе в тишине, но была та тишина не неловкой, а такой

доверительной и уютной, словно они уже были давними друзьями, которым и молчать друг с другом приятно. Настя впервые за все то время, что жила в Лондоне, почувствовала себя будто дома и с родным человеком.

— Пойдем, отведу тебя, — сказал Джованни, когда увидел, что девочка отставила пустую кружку. Настя поднялась без особой охоты, желая задержаться в этом флигельке еще на какое-то время. Но просить хозяина дать ей еще немного погостить не решилась.

— Чьи это картины? — спросила она, кинув прощальный взгляд на красивый мост, который пересекал велосипедист.

— Мои.

— Я о том, кто их написал?

— Я и написал. Говорю же, это мои воспоминания... Пойдем!

С тех пор в любой момент, когда ей это удавалось, Настя приходила в гости к Джованни. Их странная дружба крепла с каждым днем. Хозяин ставил на плиту кофейник, доставал пачку магазинного печенья, ломал на блюдечко неровные куски шоколадной плитки и жестом приглашал девочку к столу. Настя забиралась на высокий табурет, поджимала под себя одну ногу, совала за щеку кусок шоколада и замирала в ожидании кофе.

— Как дела? — задавал обычный вопрос Джованни. Настя неопределенно пожимала плечами.

— Опять они, — понимал пожилой итальянец. И, воздев руки к потолку, раздражался долгой эмоциональной тирадой на родном языке. Он ругался, а Настя смеялась: проклятия, которые посылал в адрес обидчиков девочки Джованни, для нее на итальянском звучали ужасно смешно.

— Смеешься, — обижался мужчина. И тут же соглашался: — Это и хорошо! Смейся над ними, смейся! Они такие смешные! Глупые. Хочешь, я нарисую карикатуру?

Настя кивала. И Джованни, забыв о кофе, освобождал часть стола, широким жестом сдвигая все поставленное на него к краю, и выкладывал чистый лист бумаги и грифель.

— Кто тебя сегодня обидел?

Настя называла, и Джованни очень похоже рисовал врага, приделывал ему ослиные уши и свиной пяточок.

— Вот какой он у тебя «враг» — смешной!

— Смешной! — хохотала Настя.

— Вот и запомни его таким! Завтра обязательно вспомни, когда он тебе злое слово скажет. Смейся ему в лицо. Им нужны твои слезы, а ты смейся.

— Кофе! Джованни, кофе убегает!

— Мам-ма мия! Это все ты, — восклицал Джованни. И, вытирая лужицу от сбежавшего кофе, приговаривал: — Смейся, смейся! Это — правильно. А вообще, несчастные они дети. Такие злые, потому что без любви растут. Что они знают? Деньги, власть. А главного, любви, не знают. Несчастные злые дети.

Он оттирал плиту, разливал остатки кофе по чашкам и задавал сокровенный вопрос:

— Про что сегодня рассказывать?

Настя указывала на очередную картину, и Джованни погружался в воспоминания: о родной стране, которую покинул десять лет назад вместе с женой, полуангличанкой, о Риме, в котором родился, о Венеции, в которой познакомился с женой, о Неаполе, где работал, о Флоренции, где остались его дети и внуки. Он рассказывал, а Настя будто попадала через очередную дверь-картину в другой город, в новую историю. Она, никогда не бывавшая в Италии, знала об этой стране все в подробностях, будто сама гуляла по улицам крупных и маленьких городов. Вдыхала ее воздух, согревалась ее солнцем, заражалась ее характером, ощущала на языке вкус блюд, о которых с таким смаком рассказывал пожилой итальянец.

— Здесь, в этой Англии, думаешь, еда? Не-ет. Здесь — тьфу, а не еда! Не умеют эти англичане готовить. Это же кошмар какой! Кошмар, что они едят! — Джованни складывал пальцы в щепотки и, воздевая руки к потолку, потрясал ими. — Мам-ма мия!

И Настя улыбалась.

А иногда они просто рассматривали фотоальбомы с черно-белыми фотографиями, которых у Джованни было целых три. Пожилой итальянец, переворачивая страницы, рассказывал девочке уже не столько об Италии, о картинах и художественных техниках, сколько о том, как правильно поставить фокус, как не завалить горизонт, под какими ракурсами лучше снимать. Фотография была его другой страстью. Они брали старую камеру и выходили на школьный двор. И Джованни уже на практике передавал девочке свои знания. Это было счастье, ее маленькое секретное счастье, которое наполняло ее целиком и примиряло с неприветливым промозглым Лондоном.

В один из дней, ближе к рождественским каникулам, когда Настя в очередной раз пришла во флигелек, ее встретил неожиданно хмурый Джованни.

— Пришла, — буркнул он. — Ну, заходи, заходи.

Настя переступила порог и растерянно замерла, не увидев на стенах

привычных картин. В углу оказались свалены в кучу пустые рамы, а сами картины лежали на софе, скрученные в перевязанные нитками трубочки.

— Джованни?..

— Уезжаю я, — отрывисто сказал мужчина. — Вот. Дочь позвала. Говорит, нехорошо, папа, что ты так далеко живешь и внуков не видишь. Да и не нравится тебе эта Англия, нехороший у нее климат для твоих старых костей. И еда для твоего желудка... Что тебя там держит? Могила жены? Так неправильно привязываться к мертвым, когда есть живые. И правда, что я тут делаю? Никого у меня тут нет.

— А я? — вырвалось у Насти. — А как же я?

Джованни молча погладил девочку по голове. Он улыбался, но глаза его вдруг стали такими же красными и влажными, как у бабушки, когда та резала лук. Насте вдруг четко вспомнилась та ночь на кухне, разговор бабушки с матерью, и сердце болезненно сжалось в предчувствии новых ужасных перемен.

— А ты, девочка... А ты не плачь! Ты смейся, смейся, как всегда! Всем, кто тебя обижает, — в лицо. Враги этого не выносят. Смейся!

Он отвернулся и принялся складывать картины в большой тряпичный мешок.

— Какую тебе подарить? — спросил, не оборачиваясь.

— С гондолой. Венецию, — машинально ответила Настя, все еще переваривая новость и пытаясь принять ее. Итальянец, не разворачивая свертков, безошибочно вынул нужный и протянул его Насте.

— Правильно попросила. У тебя волосы цвета венецианского золота... На, сохрани на память о старом Джованни. Кофе будешь? Впрочем, некогда мне сегодня с тобой его пить. Сама видишь, — он обвел жестом комнату, которую девочка в этот день словно увидела впервые. Сегодня ее внимание не отвлекали картины, и она заострила внимание на обстановке. Джованни жил скромно, излишне скромно: из мебели тут был лишь узкий шкаф, софа, стол и два стула.

— Ты будешь рисовать? — спросил вдруг мужчина. И когда Настя подняла не него недоумевающий взгляд, сам себе за нее ответил:

— Нет, рисовать ты не будешь...

Он сунул уже в другой мешок, поменьше, ящичек с красками и кистями, который до этого растерянно держал в руках.

— Не годится это для тебя. Художник — это такая профессия, которая тебя не прокормит. Тебе другое надо...

С этими словами он покопался в куче вещей, сваленных рядом с картинами, и вытащил кожаный чехол.

— Ну и что, что ты — женщина. Женщине тоже будет интересно, — пробормотал итальянец, сунув девочке в руки чехол. — На, на память о старом Джованни. Сохрани и пользуйся вместе с моими советами. Надеюсь, они тебе пригодятся.

Настя прижала к себе чехол с камерой. Шок постепенно проходил, и в ее душе медленно, как пятно по ткани, стало расплзаться горе и отчаяние.

— Почему ты уезжаешь?

— Я же тебе сказал.

— Нет! Почему ты уезжаешь сейчас?! — в последнее слово она вложила все, что в тот момент испытывала — недоумение, боль, отчаяние, ощущение того, что ее предали.

— Девочка, — вздохнул пожилой мужчина. — Люди не все такие добрые, как ты. Да ты сама знаешь. Может, когда-нибудь поймешь... Впрочем, не надо. Говорю же, позвала меня дочь! И я подумал, что когда еще, как не на Рождество... Ты забирай, забирай подарок! Ну все, давай, иди. Обниматься не будем. Иди!

Он отрывисто махнул рукой, будто прогоняя гостью. И поспешно отвернулся. Настя вышла на улицу, потопталась на месте, не зная, что делать, куда идти. И вдруг, словно спохватившись, бросилась бежать. Она бежала так быстро, как никогда в жизни, потому что бьющий в лицо ветер высушивал слезы, тем самым создавая иллюзию того, что она не плачет. Она смеется.

На Рождество Настя наконец-то улетела в Москву на каникулы и больше уже не вернулась в Лондон. Бабушка без слов, только бросив на девочку взгляд, поняла, что та несчастна, и отвоевала у дочери право внучки жить и учиться в Москве.

А годы спустя, будучи уже взрослой девушкой, в одном случайном разговоре Настя узнала, что Джованни уволили тогда за «недопустимое поведение» — за показавшуюся подозрительной родителям и руководству лица его дружбу с малолетней ученицей. Кто-то из ее врагов нанес ей последний удар: оклеветал старика.

А тот фотоаппарат, который Джованни подарил ей, Настя хранила до сих пор и иногда пользовалась им — когда ей становилось грустно. Ей казалось, что через эти снимки старик дарит ей улыбку и поддержку.

Полина вернулась через минуту и прямо с порога потребовала:

— Рассказывай!

— Что тебе рассказывать? — спросила Настя после паузы, в которую Полина терпеливо ждала.

— О том, что случилось в наше отсутствие. И не говори, что ничего не произошло: я тебя знаю и умею читать твои истинные настроения.

— Да так... Ерунда какая-то, — пробормотала Настя. Но под настойчивым взглядом подруги сдалась и вытащила из кармана джинсов телефон.

— Мне Франческо прислал сообщение.

— Погоди, появилась связь? — перебила ее Полина, машинально сунув руку в карман за своим телефоном.

— Нет. Или да. Не знаю. Я получила сообщение, но не смогла перезвонить: даже гудков нет.

— То есть хочешь сказать, что наши телефоны работают на прием?

— Похоже на то.

— Ладно, не это важно. Что тебе написал Франческо?

— Что он очень сожалеет, но не видит у наших отношений будущего. И как честный человек, который не желает мне морочить голову, прекращает наше общение. Вот так коротко и ясно. Вернее, ничего не ясно. Дозвониться до него я не могу.

— Не расстраивайся, — ответила первое, что пришло в голову, Полина. Что ни скажешь в этом случае — прозвучит банально. Поэтому она, ограничившись лишь этой фразой, просто протянула руки и обняла подругу, крепко прижимая ее к себе. Так они и стояли вдвоем долго-долго.

— Все хорошее когда-либо заканчивается, — удрученно пробормотала Настя Полине в плечо. — Не знаю, почему, но думала я сейчас не о Франческо, а о старике Джованни. Тогда я тоже чувствовала себя брошенной без объяснений. Как сейчас.

— Франческо, похоже, испугался сложностей. Поддерживать отношения на расстоянии не так просто, — задумчиво проговорила Полина.

Может быть, итальянец просто не готов сделать решительный шаг. За любовью нужно ухаживать, как за хрупким цветком: поливать его, холить. Но не все готовы быть прекрасными садовниками.

— Мне хотелось сказки. Мне казалось, что на той картине, что висит в моей квартире, нарисованы мы с Франческо. Ладно, проехали, — сказала Настя, отстраняясь от подруги. — Как-нибудь переживу. Расскажи, что вам удалось с Андреем выяснить.

Полина рассказала обо всем, что они видели и что случилось. Настя слушала ее, не перебивая, и только после того, как подруга закончила, воскликнула:

— Ей-богу, Полинка, будто в твой роман попали!

— Ну, если так, то мои героини не сидят сложа лапки и не горюют, — весело сказала Полина. — Они ищут, придумывают, анализируют. Давай сбросим снимки с твоей камеры в мой компьютер и как следует их рассмотрим.

— Запросто!

Полина включила ноутбук, и Настя подсоединила к нему через провод свою камеру. Когда все было готово, девушки сели рядышком за стол. Но как они ни всматривались в снимки, выискивая на заднем фоне фигуры или лица, так ничего и не углядели.

— Фотографии как фотографии, — разочарованно вздохнула Настя, настроившись на то, что снимки дадут им подсказки.

— А где та, которая нас напугала?

— Не знаю. Должна быть тут. Но почему-то нет, — Настя пролистала вновь все кадры на компьютере, затем просмотрела их на камере. — Похоже, будто я ее удалила. Но это не так.

— Чертовщина продолжается, — пробормотала Полина.

— Мне все это не нравится...

— Сделала открытие! Пошли уж к Андрею, мы договорились встретиться в столовой. Посмотрим, чем наши невидимки нас на этот раз порадовали.

Они спустились в столовую, в которой еще никого не было, и увидели там опять накрытые столы. Уже не удивляясь этому (пожалуй, сюрпризом стало бы отсутствие обеда), присели за один из столов, на котором стояла фаянсовая белая супница и две тарелки с макаронами и котлетами. Полина открыла крышку супницы и взялась за лежащий рядом маленький половник.

— Смотри, *они* считают, что мы остались в прежнем составе, — шепнула ей Настя. Два стола были накрыты, как и раньше: на одном находились приборы для двух человек, на другом — на одного.

— Или думают, что так и останемся, — сказала, помрачнев, Полина. — Хочу сказать, что считают, будто Геннадий вернется.

— Кто его знает... Может, он уже в поезде едет!

Когда они уже доедали суп, в столовую спустились Андрей с Никитой. Мужчина кивнул в знак приветствия и, игнорируя накрытый для него с сыном стол, присел к девушкам.

— Я суп не буду! — громко объявил Никита и в знак протеста сложил на груди руки. Андрей, видимо, был таким уставшим, что не стал спорить с сыном и уговаривать его. Просто подвинул ему тарелку с макаронами, разделил вилкой котлету на кусочки и пожелал приятного аппетита.

— Вкус детства, — сказал мужчина после того, как, доев первое, принялся за второе. — Когда я был пионером и ездил в лагерь, нас там так кормили. И уверяю вас, вкус этих котлет и макарон, которыми нас потчуют сегодня, практически не отличается от тех, что я ел в детстве. И суп тоже похож на *тот*.

Ответа он получить не успел, потому что дверь вдруг резко распахнулась, и на пороге предстал Геннадий. При виде его Полина тихонько пихнула Настю в бок локтем, словно желая сказать: «Ну, что я говорила!». Андрей отложил вилку, глядя на вновь прибывшего. Удивило и встревожило даже не столько появление молодого человека, сколько его внешний вид. Джинсы Геннадия оказались выпачканными в грязи и мокрыми, словно молодой человек долго полз на коленях по сырой земле. Прилипшая к груди влажная рубашка оказалась не чище, один рукав ее был разорван, словно мужчина зацепился им о сук. Волосы успели по дороге высохнуть и теперь топорщились неряшливым гнездом.

Мужчина обвел всех взглядом, в котором ярость смешалась с непониманием, и разразился потоком нецензурной брани.

— Геннадий, вы можете при ребенке не выражаться? — строго перебил его Андрей. Молодой мужчина осекся, но затем, обронив еще одно бранное слово, развернулся и ушел, захлопнув за собой дверь.

— Темпераментный мальч, — с неодобрением качнул головой Андрей и подвинул стакан с компотом сыну. — Можно даже не гадать, что послужило причиной его гнева. Одно только его появление уже нам все объясняет.

— Скажу, что меня не слишком это удивило, — сказала Полина.

— Все же я надеялся, что он найдет выход, а значит — мы тоже. Я хотел вам после обеда предложить вновь отправиться в путь, не дожидаясь ночи. Но, вижу, затея бесполезна.

— Пойду поговорю с Геннадием, — поднялась со своего места Настя. Полина проводила подругу удивленным взглядом, но промолчала.

Обед продолжили в полной тишине, погруженные в мрачные сомнения, найдут ли они выход из этой ловушки.

— Мне недавно рассказали одну историю, не местную, о том, как пропадают люди в своеобразных «бермудских треугольниках» в деревенских масштабах, — нарушила молчание Полина. — Думаю, не угодили ли мы ненароком в одно из таких мест.

— Я читал когда-то давно о подобных случаях. И может так статься, что выйдем мы отсюда и окажемся в будущем лет на десять вперед, — вздохнул мужчина. — По некоторым версиям, такие места являются

своеобразными порталами.

Никита попросился выйти из-за стола, и Андрей разрешил ему поиграть за соседним столом. Мальчик тут же принялся возить по столу машинкой, гудением изображая работу мотора, и, увлеченный игрой, совсем не обращал внимания на взрослых.

— Рано или поздно нас хватятся. Вспомнят, что мы поехали на маршрутке. Водитель припомнит, что направил нас в поселок переночевать в гостинице...

— Стоп, Андрей! — перебила мужчину Полина. — Вот это мне и кажется странным, что водитель нас направил сюда. Какой ему резон отправлять нас в ловушку? Значит, это место должно было быть безобидным. Водитель говорил, что как-то ночевал тут в гостинице. Либо, что вполне могло случиться, мы сбились в темноте с пути. Кстати, вывески с названием поселка мы так и не увидели.

— Увижу его еще раз, все выскажу!

Полина улыбнулась и оглянулась на вошедшую в двери Настю.

— Геннадий более-менее успокоился, — ответила девушка, подходя к столу. — Его вывело из себя то, что все пути странным образом приводят обратно в поселок, словно закольцованные с ним. Геннадий даже переплыл небольшую реку, которой обрывалась одна из дорог, и все равно пришел сюда. Я сказала ему, что надо дожждаться ночи. Кажется, он немного приободрился, но захотел прогуляться.

— Еще не нагулялся? — сострил Андрей. — Ладно, ладно, молчу.

Обед закончился, но они не расходились, сойдясь в молчаливом единогласном мнении, что лучше держаться вместе. И каждый тайно лелеял надежду, что некто, кто накрывает столы и готовит еду, случайно выдаст себя, решив, что постояльцы ушли, и выйдет в столовую. То Андрей, то кто-нибудь из девушек невольно переводили взгляд на закрытые двери, но те оставались неподвижными, и никакого шума, говорящего о присутствии стороннего человека, не раздавалось.

— Ну что ж, — начал мужчина, когда в таком ожидании прошел почти час. — Я думаю, что...

И тут наконец-то двери распахнулись. Все резко обернулись, но, увидев Геннадия, расслабились. А молодой человек обвел компанию испуганным и каким-то затравленным взглядом и тихо выдохнул:

— Вы должны это видеть...

— Что случилось? — первой всполошилась Настя. Резко встав, она сдвинула стул с громким звуком и направилась к парню. — Геннадий, что про...

— Идемте со мной! Идемте, идемте...

Андрей позвал Никиту, который, вообразив, что машина — это самолет, бегал по столовой, держа игрушку с открытыми, на манер крыльев, дверцами над головой.

— Я думаю, что ребенку это лучше не видеть, — заметил Геннадий.

— Ты нас пугаешь, — произнесла Полина. Молодой человек посмотрел на нее долгим взглядом, в котором читалось странное сочувствие, и горько усмехнулся:

— Я вас не пугаю. Это... Ну идем же!

— Вы говорите, что ребенку это лучше не видеть. Может, кто-то останется с Никитой здесь, пока я...

— Да идемте все! — неожиданно изменил свое мнение Геннадий. — Думаю, он не поймет, в чем дело. Его психику *этом* травмирует, чего не могу сказать о нашей.

Заинтригованные и немного напуганные, «пленники» последовали за Геннадием, который быстрым шагом пересек холл гостиницы, а затем свернул за здание администрации, вышел на дорогу, которая, как все уже знали, обрывалась рекой. Но, пройдя полпути, он свернул с пути в лесок, который тянулся вдоль тропы. Посадка оказалась неширокой, и вскоре перед взорами сопровождавших Геннадия предстало пространство, расчерченное на небольшие квадраты проржавевшими оградками. Полина обвела взглядом торчавшие то там, то здесь обелиски и металлические кресты, согнутые непогодами, и за всех вслух произнесла:

— Местное кладбище.

— Кладбище, да с сюрпризом! — объявил громко Геннадий, и сарказм в его голосе прозвучал так откровенно, что все удивленно на него оглянулись. Молодой человек находился в необычайно возбужденном состоянии, даже приплясывал на месте, будто от нетерпения, и потирал ладони, словно богомол — лапки. Полина поморщилась от сухого звука, который издавали его ладони, когда Геннадий в очередной раз потер их, но промолчала. Такая смена настроения парня несколько пугала ее: то ли он по своей натуре был очень нервным человеком, который легко впадает то в истерику, то в ненормальное возбуждение, сменяющееся затем депрессивным состоянием, то ли то, что он собирался показать, и в самом деле было ужасным.

— Ну, идемте, идемте! Чего встали? — пригласил Геннадий со смешком и замахал руками, будто мельница. Когда он повернулся спиной, Настя легонько толкнула в бок подругу и шепотом спросила:

— Слушай, не помутился ли он рассудком? Как-то он... странный.

— С нашими приключениями и правда рехнуться можно, — буркнула Полина. Пробираться пришлось между оградками по узкой тропе гуськом друг за другом. Взгляд невольно притягивали эти покосившиеся памятники с выбитыми на них надписями, с которых дожди уже давно вымыли позолоту, а кое-где сгладили буквы почти до нечитаемого состояния. Некоторые памятники пересекали глубокие трещины, будто в них попадали молнии, и Полина невольно содрогнулась от мысли, что по ночам эти плиты распадаются по трещинам на неровные части, открывают могилы, из которых восстают мертвецы.

— Кладбище очень уж заброшенное, — прошептала Настя, тоже, как и подруга, оглядывая давно сровнявшиеся с землей холмики, расколотые каменные бортики продолговатых «цветочниц», проглядывающие из густой травы, которой поросли могилы.

— Как и сам поселок, — пожалала плечами Полина. — Если дома для живых довели до такого запустения, что уж говорить о пристанище для мертвых.

— Знаешь, я здесь почему-то ощущаю больше жизни, чем в городе, — призналась Настя. — Будто настоящий город — этот, а не тот, в котором мы остановились. И мне страшно от этого ощущения.

— Еще бы!

— Вот, смотрите! — так громко, что перешептывающиеся девушки невольно вздрогнули, объявил Геннадий и указал рукой на свежие холмики, над которыми печально высились деревянные кресты. — Как это понимать?!

Подруги переглянулись и, взявшись за руки, словно стараясь дать друг другу поддержку и одновременно ощутить ее, зашли за свежепокрашенную оградку и подошли к холмикам. Прочитав надписи на табличках, привинченных к крестам, Полина в первый момент подумала, что это какая-то дурацкая шутка, и даже усмехнулась. Ну как так может быть, что вот она стоит, сжимает руку подруги, чувствует, как крепко внезапно сдавили ее ладонь пальцы Насти, чувствует кожей легкое прикосновение летнего ветерка и одновременно видит перед собой могилу — свою собственную, с выгравированным на ней именем, отчеством и фамилией, с указанной верно датой рождения и... датой смерти? Восемнадцатое августа — этого числа они попали в этот злополучный поселок.

— Ты видишь? — прошептала Настя. — Видишь то, что вижу я?

Полина без слов кивнула.

— Ну как же может такое быть? Вот мы, тут все... Восемнадцатое августа. Мы в этот вечер сели в маршрутку, которая затем сломалась. Ты

думаешь, что не было никакой поломки, а была страшная авария?..

— Фильм «Другие-2», млин! — процедил сквозь зубы ставший рядом с девушками Геннадий. — Добро пожаловать в рай! Или, скорее всего, ад. Можно сколько угодно пытаться отсюда выйти, но выхода нет! Нет, млин, потому что мы все — мерт-вы-е. Мертвые! Лежим вот под этими холмиками, етить! И даже птички над нами не поют.

— Вот это и странно... что не поют, — обронила Полина.

— А ты, моя дорогая писательница, бросай уж строить версии! Роман с того света не напишешь! Какая разница — поют или не поют?!

Полина проигнорировала его выпад и оглянулась на Андрея, который стоял за их спинами и крепко держал за ручку Никитку. Слава богу, мальчика могилы не заинтересовали, а если бы и заинтересовали, он бы и не понял, чьи они. Но лицо мужчины, бледное до мучного цвета, потемневшие до цвета пасмурного неба глаза и застывший на могиле взгляд — не на его собственной, а на кресте с указанием данных сына, без слов говорили, что находка его потрясла. И не столько шокировал вид собственной могилы, сколько — сына.

— Андрей, — подошла к нему Полина. Мужчина ее не услышал, присел к Никитке, подхватил его на руки и порывисто к себе прижал. А затем развернулся и с сыном на руках пошел в сторону леса.

— Андрей! — окликнула его вновь Полина и беспомощно оглянулась на подругу. Но та уже бросилась к Геннадию, который, присев на корточки, в каком-то остервенении голыми руками разрывал один из холмов, над которым высился крест с его именем.

— Геннадий, Гена, прекратите! — закричала Настя, обхватывая парня сзади за плечи. — Что вы делаете?!

Полина с секунду подумала, как поступить: догнать Андрея или кинуться на помощь Насте? И выбрала первое, правильно решив, что без помощи другого мужчины не обойтись. Впрочем, вспомнив выражение лица Андрея, она усомнилась и в его адекватности.

А еще говорят, что слабый пол — женщины...

Полина бегом нагнала мужчину, который в молчании вел за руку задававшего разные вопросы мальчика.

— Андрей! Там нужна ваша помощь! Там Геннадий... Похоже, он задумал разрыть свою... — она осеклась, не решившись произнести при ребенке слово «могила». Но Андрей понял и недоуменно спросил:

— Зачем?

— Не знаю. Похоже, он уже не отдает отчета своим действиям. С ним осталась моя подруга, но она одна не справится. Там нужен мужчина,

понимаете? Пожалуйста, возьмите себя в руки и приведите в чувство Геннадия. Давайте я пока побуду с Никиткой.

— Отведите его в отель, — попросил Андрей.

— Хорошо. Пойдем, Никита? Я расскажу тебе новую сказку. Или, хочешь, сочиним вместе другую? В картинках. У меня в комнате есть тетрадь и ручка.

Мальчик безропотно вложил свою ладошку в ее. И Полина, сжимая руку ребенка, подумала, какая она все же теплая... Живая.

Глава VIII

Полина с Никитой изрисовали уже половину тетради картинками, когда в дверь наконец-то постучали, и вошли Андрей с Настей. Девушка вопросительно подняла брови, и мужчина неожиданно улыбнулся.

— Вам сейчас Настя все расскажет. Геннадий вроде успокоился, отправился к себе отдыхать после стресса и перед вечерней дорогой. Советую отдохнуть и вам.

Он забрал сына и ушел. Полина отодвинула раскрытую тетрадь и выжидающе посмотрела на подругу.

— Похоже, чья-то ужасная шутка, — ответила Настя. — Геннадий, как безумный, бросился разрывать свою «могилу». Мы пытались вдвоем с Андреем оттащить его и урезонить, но у него будто сил прибавилось: прямо голыми руками раскидал землю. Впрочем, холмик был свежий, рыхлый, раскопать его не представляло особого труда. А дальше Геннадий наткнулся на твердую почву. И тут уже мы с Андреем бросились ему помогать. Мы разрыли все холмики и убедились в том, что могилы — ненастоящие. Кто-то имитировал захоронения: насыпал свежей земли, вбил кресты с нашими именами и данными, которые мы сами оставили при заселении.

— Хочешь сказать, что под холмиками оказалась твердая земля, которую давно не трогали?

Настя кивнула.

— Отвратительная шутка, — скривилась Полина. — А какой шок мы пережили! Геннадий вон вообще чуть с катушек не съехал.

— Обрато мы его вели под руки, потому что парня шатало из стороны в сторону, как пьяного. Похоже, от потрясения у него упало давление.

— Он еще и не обедал к тому же... — вспомнила Полина. — Бедный. Надо его навестить.

— Лучше позже. Пусть отдохнет. А еще нам открылась другая интересная вещь. Мы с Андреем еще там, перед дорогой, усадили Геннадия отдохнуть в тенечке, а сами прошли по кладбищу. Оно заброшенное, полуразрушенное временем и природными явлениями, надписи на надгробиях читаются плохо. Мы искали даты последних захоронений. И знаешь, в каком году они были?

Настя сделала торжественную паузу, которую нарушила догадкой

Полина:

— В восемьдесят третьем?

— Именно.

Полина встала с места и заходила по комнате. Настя не нарушала молчания, давая время подруге все обдумать и высказать свое мнение. В ожидании она пролистала тетрадь, с любопытством рассматривая каждый рисунок.

— Надо найти записи о том годе, — сказала Полина, останавливаясь у окна и складывая на груди руки. — Мы с Андреем искали жителей, а надо было — все упоминания о событиях того года.

— Ты так говоришь, словно сомневаешься в том, что мы сможем уйти отсюда ночью, — недовольно проговорила Настя. Полина отошла от окна и обняла ее.

— Конечно, выйдем, — мягко произнесла она, глядя Настю по рыжим волосам. — Это у меня писательский интерес — найти материалы! Кстати, время до вечера еще есть, я могу заняться поисками записей.

— Вот неугомонная! — усмехнулась, отстраняясь, Настя. — Лучше отдохни. Вдруг нам придется всю ночь идти? И вспомни, что мы решили держаться все вместе! Андрей был против наших прогулок по поселку.

— Но мы уже исследовали его и не обнаружили ничего опасного.

— Ага, при этом кто-то наблюдал за вами из-за шторки, — хмыкнула Настя. — А в лесу на заброшенном кладбище мы обнаружили наши могилы. Ничего опасного. Невинные шутки, способные до инфаркта довести.

— Настя, если бы нас хотели убить, нас бы просто отравили едой.

— Слушай, это пусть твои героини, теряя голову от любопытства и совершенно забывая об опасности, бросаются в сомнительные авантюры: исследуют в одиночестве заброшенные фабрики, разгуливают по ночам на кладбищах, купаются в «проклятых» озерах. А ты не вздумай! Это лишь в романах героиню в нужный момент спасает прекрасный принц, а в нашей ситуации кто отправится за тобой? Вон один «принц» чуть с ума от страха не сошел, лишь увидев крест со своим именем. А на Андрее ответственность за ребенка. Нет в этом романе принца для тебя. Так что думай, нужны тебе приключения или нет.

Полина слабо улыбнулась и, заметив, что Настя рассматривает заштрихованную размашистыми линиями страницу, пояснила:

— Никита сказал, что это — Мака.

— Мака? — приподняла брови Настя, не отрывая взгляда от рисунка, скрытого штриховкой.

— Да. Мы придумывали на ходу сказку и делали к ней иллюстрации. Я нарисовала волка и сказала, что зайчонок его боится, но обязательно победит. А Никита ответил, что волк его не напугает, только Мака. Я спросила, кто это и почему он его... или ее, боится. Тогда Никита нарисовал рожу с огромными глазами и длинным ртом и сказал, что это — Мака, у которого по ночам светятся глаза.

— Жуть какая. У детей свои страхи...

— Точно, — вздохнула Полина и, закрыв тетрадь, опять сменила тему:

— Ты уверена, что с Геннадием все будет в порядке? Сходить бы, проверить.

— Не знаю, стоит ли его тревожить.

— Я пройду, постучу тихонько. Если не ответит, уйду, — сказала Полина, направляясь к двери.

— Только туда и обратно! — строго сказала Настя. Но подруга уже вышла.

Настя подождала немного и выглянула в коридор. Так и есть! Полина прошла мимо их номера и уже подошла к лестнице, ведущей вниз.

— Вижу-вижу! — крикнула Настя. — Нехорошо обманывать!

— Я не обманула. Геннадий спит, я не стала его тревожить, — ответила, оглянувшись на ее оклик, Полина.

— Скажи еще, что задумалась и прошла мимо нашего номера. Я тебя знаю: пошла ведь материал собирать.

— Насть, я только туда и обратно! Возьму пару гроссбухов и вернусь. Жалко время терять, когда можно поискать ответы на наши вопросы. Вдруг что полезное найду!

— Что с тобой поделаться, — проворчала Настя, торопливо хватая со стола ключи. — Одну я тебя не отпущу! Помогу дотащить эти твои гроссбухи или что ты там собираешься взять.

А как быть иначе: одну подругу она не отпустит. Никого родней Полины у нее нет.

Родители в воспитании Насти соблюдали нейтралитет: присылали к праздникам обязательные подарки, но навестили дочь за все годы до ее выпуска из школы раза три. И только когда встал вопрос, в какой ей поступать университет, вмешались. Оказывается, родителями заранее был выбран для дочери достойный, по их мнению, вуз, диплом которого плюс отцовские связи и положение обеспечили бы Насте блестящее будущее на поприще международных связей. Только у самой девушки никто не спросил, согласна ли она с таким выбором. А она уже давно решила для себя, чем собирается заниматься: старый Джованни указал ей путь. Но,

видя, что родителей не переубедить, Настя спорить не стала, поступила в тот вуз, в который ей приготовили дорогу, а когда страсти улеглись, тихонько забрала документы и перевелась в тот университет, в который желала поступить. В среде творческой молодежи она чувствовала себя куда уютней, чем в среде «золотой молодежи». Хватит, один раз за нее уже решили.

Скандал, конечно, разразился грандиозный: родители даже прилетели, чтобы наставить на путь истинный неразумную дочь и восстановить ее в престижном вузе. Война вышла кровопролитной и проложила невероятную пропасть между родителями и ставшими на одну сторону Насте с бабушкой. Но, однако, победа — тяжелая, выцарапанная — осталась за девушкой. Не то чтобы ей позволили учиться в выбранном месте, от нее попросту отреклись как от дочери. «Они отказались от меня еще до рождения, — горько сказала Настя потом бабушке. — Так что, ба, мы ничего не потеряли».

На втором курсе она впервые влюбилась. Чувство было взаимным, и Настя, опьяненная им, пропустила начало и стремительное развитие болезни бабушки. А старушка, угадав в начале скорый конец, скрывала от влюбленной внучки свою боль и плохое самочувствие. И только когда бабушку отвезли на «Скорой» в больницу, Настя очнулась. Счастливый сон развеялся, и наступил затяжной кошмар, от которого нельзя было очнуться. Погруженная в его затягивающую трясику, девушка забыла и об учебе, и о молодом человеке. Пожилой врач, внешне похожий на Джованни, откровенно сказал Насте, что шансов на выздоровление у бабушки очень мало. «Она уже не молодой человек. И стадия такая, что не оставляет надежд».

В ту ночь после разговора с врачом Настя впервые за долгое время позвонила родителям. «Я положу ее в швейцарскую клинику! — ответила мать. — Ее там вылечат, а тут и не...» — «Она не поедет», — возразила Настя. «Ну как это не поедет! Еще как и поедет! Здесь — уход и лечение, а там, у вас...» — «Здесь тоже уход и лечение!» — выкрикнула, закипая, Настя. «Ну кто там за ней ухаживает? Сиделок нет, медсестер...» — «Я за ней ухаживаю!»

Они поспорили — жестко, с оскорблениями и упреками с обеих сторон. «Что ты от меня хочешь?!» — в сердцах выкрикнула мать под конец разговора. «Чтобы ты приехала, — ответила Настя. — Только это. Она твоя мать». — «Мы сейчас не можем! Именно сейчас не можем! Если бы родители были тебе хоть немного дороги, ты бы знала, что сейчас у твоего отца неприятности. Ему нельзя улетать! А бросить его в

такой момент я тоже не могу!» — «А мать? Бросить свою мать в такой момент?! Ладно меня, но ее?..» В трубке раздалась гудки. Настя надеялась, что мама одумается, прилетит. Но на счете лишь появился очередной перевод — крупный, способный оплатить бабушке лечение в хорошей клинике на год вперед. Настя не сняла с него ни копейки: жили небогато, но сбережения имелись, их и хватило на все необходимое. Но, несмотря на уход и терапию, через месяц бабушки не стало.

Настя возвращалась из больницы в тот страшный день, погруженная не в мысли, а кромешную тьму. Ушел единственный человек, который искренне ее любил, ушел с бабушкой свет, ушло тепло. Что дальше? Холод одиночества. Давление стен враз ставшей неуютной, как пустой подвал, квартиры. Яд воспоминаний, которым она отравляется, как опиумом, во вред себе. Погруженная в отчаяние, Настя не сразу среагировала на оклик за спиной.

— Ры-ыжая! — раздалось повторно. Только тогда девушка очнулась и оглянулась на торопившегося к ней через двор Вовку. На мгновение показалось, что сейчас он налетит, как в детстве, сзади, дернет за косу, вырвет сумку, вытрясет содержимое в лужу. На мгновение — и сердце болезненно сжалось: многое, очень многое Настя бы отдала за один момент из ушедшего навсегда детства. Оказывается, дни, казавшиеся несчастными, когда-нибудь могут показаться счастливыми. Вовка обижал ее, но дома ожидала бабушка. А сейчас — никто. Впереди лишь — тяжелые хлопоты, к которым Настя не знает, как подступиться.

— Ты чего одна в потемках ходишь? — спросил Вовка, за грубовато-небрежным тоном то ли маскируя беспокойство, то ли просто любопытство и скуку. Настя промолчала.

— Эй... Ты в порядке? — Вовка взгляделся в ее лицо, освещенное тусклым светом из окон квартир.

— Бабушки сегодня не стало, — выдавила она. Вовка отшатнулся и как-то по-бабьи охнул.

— Ох ты ж, черт возьми... — пробормотал он. — Как же так? А я еще вчера подумал, что давно не вижу ее. И мать о ней спрашивала.

— Болела она.

Слышала Настя себя будто со стороны. Она словно раздвоилась: вот одна ее часть стоит и разговаривает с Вовкой, отвечает на его вопросы хоть и тихо, но спокойно, без слез, истерик. А другая... Другая ее часть то ли взлетает в небо вслед за бабушкиной душой, то ли падает в бездну.

— А ну пойдём! — решительно сказал Вовка и взял девушку за руку.

— Куда?

— К тебе! Не оставлю же я тебя одну! Или хочешь к нам? Мамка тебе постелет в моей комнате, а я переночую у родителей в спальне или на кухне на полу.

— Нет, я останусь дома.

— Тогда я с тобой, — сказал Вовка таким тоном, что Настя и не подумала возразить.

Как так получилось, что в ту ночь, в самую страшную ночь ее жизни, когда от отчаяния, безысходности и непоправимости хотелось ходить по стенам и выть на луну, самую сильную поддержку оказали ей не родные люди, а тот, кого она с детства считала врагом? Вовка просидел с нею до утра, отлучившись лишь один раз: сбегал в круглосуточный магазин за бутылкой коньяка.

— Водки бы принес, да ты — девушка, — прокомментировал он, выставляя на стол темную пузатую бутылку и выкладывая нехитрую снедь в виде сырных и колбасных нарезок.

— Я не хочу есть, — бесцветным голосом отказалась от угощения Настя.

— Можешь не есть, — согласился Вовчик. — Но коньяк принять обязана. Как лекарство.

Она и приняла. Тепло разлилось по телу приятной волной, растапливая сковавшую душу ледяную корку. И Настя наконец-то расплакалась. Она рыдала на плече Вовчика, совершенно не стесняясь, а он лишь гладил ее по волосам и тихонько что-то шептал в утешение. Две рюмки коньяка, и она успокоилась, уснула прямо в одежде на диване. Вовка заботливо укутал девушку пледом и сам просидел рядом на стуле, охраняя ее сон, до утра. А когда Настя проснулась, сходил за матерью, и та привела с собой еще двух соседок. Все необходимые хлопоты, связанные с устройством поминок, взяли на себя эти женщины, хорошо знавшие Настину бабушку и ценившие ее доброту. А Вовчик сопровождал Настю в ее других печальных делах: получать все бумаги, договариваться о похоронах.

Она стала привыкать к нему — ее врагу, оказавшемуся в тяжелый момент самым близким другом. Стала привыкать настолько, что уже готова была пустить его в сердце. Да только Вовчик сам поставил точку в их так и не начавшихся отношениях. Однажды вечером он пришел к ней — без обычной шоколадки, которую приносил всегда к чаю, и не похожий на себя. К визитам к девушке парень всегда тщательно готовился: надевал свежую рубашку, причесывал на пробор светлые волосы, душился терпким одеколоном с хвойной отдушкой так сильно, что после его визита квартира еще три дня пахла новогодней елкой. Но в этот раз он

нагрел без предупреждения и в неряшливом виде: распахнутая куртка демонстрировала выбившуюся из брюк мятую рубашку, волосы растрепал ветер, лицо — красное, словно после пробежки. А в глазах — смесь решимости и отчаяния. И пахло на этот раз от Вовки не хвойным одеколоном, а коньяком.

— Собирался делать тебе на днях предложение, — начал он с порога оторопевшей Насте. — Знаешь, что я к тебе с детства... Да не об этом пришел сказать.

Он махнул рукой и, сделав вдох, на выдохе выпалил:

— Я женюсь, Настя. На Галке из второго подъезда. У нее уже живот виден, меня ее предки приперли — женись, или пойдешь под статью за соращение малолетней. А какая она малолетняя? Выглядит на все двадцать пять! Я даже не знал, что ей восемнадцати еще нет.

Настя, растерявшись от новостей, так и держала гостя на пороге, забыв пригласить пройти. Впрочем, Вовка тоже торопился выпалить свои новости и скорее уйти — не только из квартиры девушки, но и из ее жизни. Галю Настя знала: девушка и правда была физически развита не по годам, яркая, аппетитная и свежая. Неудивительно, что Вовка соблазнился ее прелестями.

— Мы немного с ней крутили еще до того, как я к тебе стал ходить. Потом расстались. Я думал на тебе жениться, — простодушно поведал о своих планах Вовка. Настя в неловкости переступила с ноги на ногу, но промолчала. Что бы она ему ответила, если бы Вовка и в самом деле сделал ей предложение? Согласилась или нет?

— Если ты только скажешь, что пойдешь за меня, я откажусь от Галки! Не люблю я ее! Только из-за ребенка... Вот... Скажи, скажи, а? — вдруг воскликнул он, беря Настю за руки. Но она невольно сделала шаг назад и убрала свои ладони из его. Непроизвольный жест, но давший ответ и ей, и ему. Вовка растерянно улыбнулся и кивнул.

— Ну... ясно. Ты это... береги себя! И будь счастлива.

Не успела Настя еще что-либо сказать, как парень уже сбежал по лестнице вниз, прыгая сразу через две ступеньки. Она услышала стук захлопнувшейся подъездной двери и ощутила вдруг такое невыносимое одиночество, что едва подавила шальное острое желание броситься вслед за Вовкой и позвать его.

В тот вечер она долго, до самой ночи, бродила в неосторожном одиночестве по району. Зашла в круглосуточный супермаркет и потратила там значительную сумму денег, покупая ненужные ей продукты и вещи — только чтобы не чувствовать себя одной и еще не

зная, что именно в этот вечер, в который, казалось, все треснуло, она влюбится. Влюбится в зеленые глаза, в которых отчаяния и одиночества будет куда больше, чем в ее собственных. Влюбится в того, кто придет, чтобы остаться.

Когда Настя расплачивалась на кассе за свои ненужные покупки, из подсобки вышла продавец и спросила:

— Девушка, а вам случайно котенок не нужен?

— Котенок? Нет... — машинально ответила девушка и в этот момент увидела его — в коробке, которую ей протягивала женщина. Маленького, одинокого, взъерошенного, черного как вакса. И с такой надеждой в огромных зеленых глазах, что Настя, не раздумывая, протянула руки за коробкой.

— Принесите, пожалуйста, все, что ему нужно, — лоток, еду, матрас... Я оплачу.

— Так вы его берете? — обрадовались вместе кассирша и продавец. Вместо ответа Настя вытащила котенка из коробки и сунула его себе за пазуху. Так в ее жизни появился Берлиоз.

* * *

Вроде и не хотел спать, а как-то так вышло, что прилег всего ненадолго, прикрыл глаза и незаметно погрузился в глубокий сон. Даже не погрузился, а упал в него неосторожно, как в пропасть, и провел в его черноте, кажется, вечность. Разбудило Андрея смутное чувство тревоги, которое накрыло его отрезвляющим холодом. И, уже балансируя на грани зыбкой дремы и реальности, Андрей увидел Эльвиру — такой, какая она была еще до родов. Жена сидела с ним рядом на кровати и гладила его по лицу пальцами. От ее запястья исходил сладковатый запах духов, и, вдохнув его, Андрей чуть не сорвался в другую пропасть — ностальгии по моментам, которые нельзя вернуть. Коварная штука — запахи. Предательски заманивают в ловушки, в которые мы рады сами попадать. Дарят воспоминания, заключенные, словно джинны, в стеклянные флаконы. Стоит лишь нажать слегка на пульверизатор, и с легким пшиком вырываются наружу эти коварные запахи-ассоциации, которые туманят разум, вертят в хороводе воспоминаний, вызывают осеннюю горечь в душе, наворачиваются на глаза обжигающими слезами.

Эльвира провела в последний раз ладонью по его щеке и встала. Андрей рванул за нею, чтобы схватить за запястье. Ему подумалось, что

если он ее задержит, сможет пробудить от того кошмара, в котором она сейчас находилась. Но жена исчезла, словно призрак, едва он приподнялся на кровати.

— Эля, — крикнул Андрей, находясь еще во власти наваждения. И окончательно проснулся.

Он находился в комнате один. Сына, который уснул в кровати рядом с ним, не было.

— Никита? — позвал Андрей, решив, что сын вышел в туалет. Но в ответ не раздалось ни звука. Мужчина встал и распахнул дверь ванной. Пусто.

— Никита? — растерянно оглядел номер мужчина. Тревога коснулась легкой изморозью его души, но еще не сковала ее холодом. Вполне возможно, что сын проснулся раньше, ему стало скучно, и он ушел в соседний номер. Андрей торопливо зашнуровал кроссовки и выскочил в коридор.

— Полина! — затарабанил он в дверь девушек. — Полина, Никита у вас?

Спустя мгновение дверь распахнулась, и на пороге появилась одна из хозяек — с уставшим взглядом и растрепанной платиновой косой, перекинутой через плечо.

— Полина, Никита у вас? — вновь спросил мужчина, не извинившись за вторжение и уже понимая, что сына в комнате нет.

— Нет.

Андрей стиснул зубы и стукнул кулаком в дверной косяк.

— Ладно. Простите за то, что потревожил.

— Андрей! — понеслось ему вслед, когда он уже направился по коридору к номеру Геннадия. Сомнительно, что мальчик находится там, но проверить стоит.

— Андрей, Никита пропал? — бросилась за ним Полина. Следом за нею вышла и Настя, держа в руках какую-то толстую тетрадь. Он кивнул и вновь громко позвал:

— Никита!

Его зов разнесся по коридору, эхом отозвался от стен, но остался без ответа. Андрей уже стучал в дверь Геннадия. Тот открыл: бледный, с взлохмаченными волосами, в той же грязной одежде.

— Что, уже уходим? — спросил парень и облокотился о дверной косяк так, словно у него не было сил.

— Нет. Скажи, Никита не у тебя?

— А что ему у меня делать? — удивился Геннадий.

— Понятно...

Андрей развернулся и увидел, что за его спиной тихо, как две мышки, стоят испуганные девушки. Настя прижимала к себе талмуд, вцепившись в него, словно в спасательный круг. Полина сложила ладони, будто в молитве.

— Андрей, мы найдем его! Он не мог далеко уйти. Может, опять вышел из комнаты и заблудился? — затараторила Полина, протягивая к нему руки, будто желая обнять, но так и не решившись. Андрей задержал на девушке взгляд, вспомнив, что в первую встречу она показалась ему холодной, будто снежная королева. А оказывается... Оказывается, этот налет холодности такой непрочный, словно некачественная эмаль, которую легко можно стереть.

— Наверняка он где-то в гостинице, — поддержала подругу Настя.

Они разделились: Андрей решил спуститься и исследовать все помещения на первом этаже, девушки взяли на себя второй. Только Геннадий не выказал энтузиазма, развернулся, чтобы скрыться в своей комнате. Уже подходя к лестнице, Андрей услышал, как Полина сердитым голосом что-то ему высказала. Но что ей ответил молодой человек, уже не расслышал.

Андрей бегом спустился на нижний этаж, сорвал с гвоздей все имеющиеся ключи и вновь, прыгая через ступени, поднялся к девушкам.

— Вот, возьмите, — высыпал он ключи в подставленные Полиной ладони. — Откройте все номера.

Девушка кивнула и отдала часть ключей Насте. Андрей, громко зова сына, опять сбегал вниз по той лестнице, по которой уже привык спускаться. Ему припомнилось, что в первое утро здесь они заблудились, так, может, Никитка тоже спустился по одной лестнице, а поднялся по другой? Это не гостиница, а Хогвартс какой-то. Но переплетение коридоров, лестниц и закоулков вызывали ассоциации с волшебным замком с его постоянно двигающимися лестницами и меняющими направление коридорами.

Ему не понадобилось много времени, чтобы исследовать столовую и кухню. Андрей даже заглянул во все ящики и шкафы, словно сын мог там спрятаться. Затем он обследовал подсобные помещения, отодвигая то инвентарь уборщицы, то старые бюсты великих деятелей советской эпохи, то пустые ящики. Поднялся по всем имеющимся лестницам и заглянул во все открытые двери. После чего вновь взбежал по привычной ему лестнице и громко позвал Полину. Пришла к нему Настя и сказала, что они исследовали все номера, но Никиту не нашли.

— Еще раз его поищите! Не думаю, что он ушел из гостиницы. Но я на всякий случай сбегал на улицу, — сказал Андрей.

Следующий неприятный сюрприз поджидал его в виде запертой входной двери, ключей от которой у него не было. С одной стороны, это давало надежду, что сын не смог покинуть пределов гостиницы, но, с другой, кто его знает? В этом месте творится много непонятных вещей. Андрей забежал в столовую, вытащил из кухонного ящика пачку полотенец, обернул ими руку и, вернувшись в холл, выбил стекло в одном из окон.

Ему удалось выбраться, не поранившись. Но, выйдя из гостиницы, он остановился, атакованный сомнениями. И куда теперь? Дорог много. Они их все прошли. И хоть большинство путей вело обратно в поселок, Андрею стало не по себе от мысли, что его маленький сын ночью отправился по одной из этих дорог — один, вдоль полей и леса, мимо кладбища. А одна из троп вообще заканчивалась рекой. Страх и тревога обрушились на него водопадом, утопив в отчаянии надежду. Его качнуло, и он вынужден был опереться рукой о памятник Ленину и постоять так, тяжело дыша и опустив голову, какое-то время. Надо успокоиться, от паники пользы никакой, только вред. Про дороги думать пока не будет, обежит поселок, зовя сына. И найдет его.

Когда Андрей поднял голову, увидел в свете одинокого фонаря женскую фигуру. На женщине было светлое платье, которое тяжелыми складками спускалось до самых пят, плечи и руки ее покрывал большой, расписанный яркими цветами платок, волосы собраны в низкий небрежный пучок, из которого выбивались темные завитки локонов, обрамлявшие белое, как мел, лицо. Молодая женщина смотрела на Андрея с укором и даже слегка качнула головой, то ли осуждая его, то ли приглашая следовать за ней.

Второе за последний час сильное потрясение лишило его возможности дышать. Он словно забыл, как это делается. А может, это воздух просто стал густым, как желе, и его невозможно стало вдыхать? Он узнал эту женщину. Узнал и платок на ней, и прическу, и ее лицо, которое сегодня было излишне бледным. Но что могла делать тут его жена? Как она сюда попала? Приехала за ними с Никитой? Но это невозможно!

Андрей вновь бросил взгляд на то место, где увидел Эльвиру, но ее там уж не было. Померещилась? Ушла? Мужчина кинулся за нею в тень, и в этот момент его остановил резкий оклик, в котором послышалось столько страха и отчаяния, что он немедленно, без вопросов, бросился назад в гостиницу.

— Андрей, скорее сюда! — кричала Полина, по пояс высунувшись в окно.

Как он взлетел по лестнице, даже не осознал, в коридоре возле лестницы его уже ожидала встревоженная Настя. И когда Андрей притормозил перед ней, вдруг глянула на него снизу вверх взглядом, в котором слезами дрожали страх и сочувствие. Андрей без слов отодвинул девушку в сторону и бросился вперед. Настя последовала бегом за ним. А из конца коридора им уже махала руками Полина.

— Сюда, сюда, — крикнула девушка и скрылась в комнате. Андрей влетел следом и увидел, что Полина уже подбежала к раскрытому окну и глянула вниз. Внутри все оборвалось, он почувствовал, что не может сделать ни шагу. Никогда ни один путь еще не казался ему таким тяжелым и длинным, как эти несколько метров от двери до подоконника.

— Мы вошли в эту комнату и увидели открытое окно, — глухим незнакомым голосом произнесла за его спиной Настя. Андрей перевесился через подоконник, чтобы разглядеть то, что находилось под окнами. Его взгляд сразу же выцепил небольшую фигуру, лежащую на газоне. Руки и ноги ее были вывернуты под неестественными углами, голова повернута в сторону. Андрей издал нечеловеческий крик, который сам не услышал, и бросился из комнаты к лестнице. По пути он столкнулся с вышедшим из своей комнаты Геннадием, которого отпихнул с такой силой, что парень отлетел в сторону и упал. Но Андрей и это не заметил.

— Андрей, там газон! Он не должен разбиться! — кричал ему кто-то сзади. Кто — Настя или Полина, — он уже не разобрал. «Здесь даже врачей нет», — мелькнула единственная целая мысль среди разбившихся на осколки других.

Андрей вылез в дыру в окне и, не оглянувшись на девушек, не зная, следуют ли они за ним, смогли ли, не поранившись, выбраться наружу, бросился туда, к газону...

— Никитка... — прошептал он, вставая на колени над лежащим. — Никитка...

Слезы застилали глаза. Протянув, будто слепой, руку, он коснулся мальчика и закричал, ощутив под пальцами мертвенный холод.

— Андрей, — кто-то обнял его за плечи. — Андрей...

Он завыл и, высвободившись из объятий, протянул руки, чтобы взять дорогое, любимое, драгоценное, прижать к себе и никогда-никогда не выпускать.

— Андрей, это не Никитка! Не он! — закричал кто-то рядом. — Это кукла!

Он рывком поднял фигуру. С неподвижного чужого лица на него глянули нарисованные глаза. Андрей коснулся рукой пластмассового чуба, выкрашенного в коричневый цвет, и, закричав, отшвырнул от себя фигуру, оказавшуюся детским манекеном.

— А-а! А-а! — орал он, вкладывая в этот крик и всю свою ярость, и облегчение, и пережитый ужас.

— А-а! — колотил он в бешенстве кулаками по земле. — Куда вы, сволочи, девали моего ребенка?! А-а! Отдайте его! Отдайте!

Полина с Настей топтались рядом, не решаясь ни приблизиться к нему, ни оставить в одиночестве.

— Эй! — закричали им сверху. — Эй! Идите скорей сюда!

Андрей не услышал: этот крик из окна не смог заглушить его собственный, коснуться слуха, проникнуть в сознание. Ему что-то кричали, но он продолжал колотить кулаками о землю, словно безумный. Тот, кто еще пару мгновений назад пережил подобный ужас, от которого впору сойти с ума, понял бы его.

— Андрей, Андрей, — кто-то просунул ему под мышки руки и попытался поднять. Бесполезная попытка: его, мужчину весом девяносто килограммов, вряд ли сможет поставить на ноги такая изящная девушка, как Полина. Хрупкая с виду, но с несгибаемым стержнем внутри — почему-то так ему подумалось, и эта была первая адекватная мысль после пережитого.

— Вставайте, Андрей! Пойдемте скорей! Геннадий кричит, что нашелся Никитка! Он в комнате у Геннадия! Боится, что вы будете сильно ругаться.

— Где?! — вскочил Андрей так быстро, что случайно толкнул Полину. Если бы он вовремя не подхватил девушку, она бы упала. — Простите, я не хотел...

— Ничего, ничего. Пообещайте только, что не будете ругать Никиту. Главное, он нашелся — живой и невредимый!

Сын и правда сидел на кровати живой и невредимый и, потупив взгляд, пробормотал извинения за то, что напугал папочку. Видимо, Геннадий уже успел рассказать мальчику, как он всполошил всех.

— Где ты был?! — кинулся к сыну Андрей. За его спиной раздалось восклицание Полины, которая желала напомнить ему об обещании не ругать Никиту.

— Я немножко играл, а потом немножко потерялся, — еле слышно пробубнил мальчик, опустив взгляд на свои обутые в сандалии ноги. Андрей протянул к нему руки, прижал к себе так крепко, как, наверное,

никогда в жизни не обнимал его. Не нужно никаких объяснений. Сын вот, с ним, в его объятиях. Геннадий сказал, что вышел в коридор и увидел там растерянного мальчика, который спросил, где папа.

— Ты не сердишься? — прошептал Никитка, смиренно терпя его медвежьих объятия. Андрей не смог ответить, лишь покачал головой. Краем глаза он заметил, что Полина вдруг закрыла лицо ладонями и присела прямо на пол, с ней рядом опустилась подружка и успокаивающе тронула за плечо.

Со стержнем, но не лишенная обычных женских эмоций.

Никита тем временем, решив, что хватит с него телячьих, вернее, медвежьих «нежностей», высвободился из объятий отца и вдруг сказал:

— Меня напугал Мака, а эта девочка сказала, чтоб я не боялся.

— Никита, Мака не может напугать тебя, потому что его тут нет! — машинально сказал Андрей. Никита спрыгнул с кровати и упрямо топнул ногой:

— Нет, есть! Ты спал, а он пришел! Такой большой! Вот такой!

Он привстал на цыпочки и вытянул над собой одну руку, показывая рост Маки.

— Живой! Я боялся. Потому что было темно. А у него глаза светятся! А потом пришла та девочка и сказала...

— Какая девочка? — нахмурился Андрей.

— Она сказала, что ее зовут Таня.

— Нет никаких тут девочек, Никита! — резкость в голосе Андрея оказалась такой неожиданной, что Полина отняла руки от заплаканного лица и уставилась на него.

— Есть! — топнул ногой мальчик. — Есть!

— Скажи, ты так говоришь, чтобы меня рассердить? Знаешь ведь, что фантазировать нехорошо.

Полина ровным счетом не понимала, отчего вдруг изменился тон Андрея и почему диалог принял такой характер. И уж совершенно не была согласна с тем, что фантазировать — нехорошо. Все дети фантазируют, придумывают себе вымышленных друзей. И если фантазировать плохо, то, значит, автоматически под это обвинение попадают все люди искусства?

— Никита, а как выглядела эта девочка? — вмешалась она. Мальчик повернулся к ней, его глаза вспыхнули радостным светом, и он доверчиво ответил:

— У нее длинное платье! И волосы белые.

— Светлые?

— Нет. Белые.

Андрей метнул на Полину сердитый взгляд, отчего-то не одобряя этот диалог, но промолчал.

— Хорошо, белые. А какая она была? Как ты? Настоящая девочка?

Полине не раз попадалась информация, что маленькие дети могут видеть то, что не видят взрослые. Так, может быть, откровения мальчика — шанс узнать, что здесь происходит?

— Она — девочка, — авторитетно заявил, немного подумав, ребенок. Может, просто не понял вопроса Полины, может, просто не знал, как ответить. А может, его новая подруга действительно была просто ребенком.

— Она сказала, что ей скучно, и позвала играть. Мне тоже было скучно.

— Никита, я же тебя просил не выходить из номера!

— Я ненадолго, папочка, — посмотрел невинными глазами на рассерженного, забывшего о своем обещании отца Никита. — Таня сказала, что живет рядом.

— Где?! — в один голос воскликнули Полина, Андрей и даже Геннадий, который во время этого разговора сидел на кровати, прислонившись одним боком к ее деревянной спинке. Похоже, он и сейчас чувствовал себя неважно.

— Тут! В этом доме. В одной комнате. Мы спустились по лестнице, и Таня показала мне свои игрушки. А еще сказала, что Маке нравится меня пугать, но я не должен бояться. Я сказал, что постараюсь.

— Никита, ты можешь показать, где находится эта комната? — попросила в волнении Полина и перевела взгляд на отца мальчика. — Андрей, позвольте?

— Вообще-то я собирался забрать Никиту. Уже очень поздно, давно за полночь. А мы собирались отправиться в дорогу, если помните. Не мешало бы собраться и...

— Это не займет много времени! — умоляющим голосом попросила Полина. И после того как Андрей, поколебавшись, кивнул, протянула мальчику ладонь.

— Идем, Никита!

Прежде чем отправиться за подругой и мальчиком, Настя подошла к Геннадию и спросила, хорошо ли тот себя чувствует.

— Небольшая слабость, — вымученно улыбнулся парень. — Пожалуй, я немного отдохну. Вы мне скажите, когда будете выходить. Мне нечего собирать. Только переоденусь, пожалуй. Черт, придется опять в костюм. Другой одежды нет.

— Я отдам тебе свои джинсы и свитер. У меня есть запасные, —

великодушно предложил Андрей. За то, что этот человек, получается, нашел его ребенка, он готов был ему отдать не только свою одежду, но и более ценные вещи. — Я, правда, несколько крупней, но это ничего. Лучше уж пусть одежда будет большего размера, чем маленькой.

— Спасибо, — улыбнулся Геннадий. — Буду очень благодарен.

— Это я тебе благодарен, — сказал Андрей и первым покинул комнату.

Он думал, что сын не найдет дорогу, и даже не знал, чего желал больше — того, чтобы Никита доказал, что неведомая девочка существует, или, наоборот, чтобы все оказалось вымыслом сына. Пожалуй, последнего он не столько желал, сколько, напротив, боялся. А Никита уверенно вел за руку Полину по коридору, затем подвел к самой дальней лестнице в противоположном конце коридора, поманил всех за собой и, спустившись на пролет, открыл дверь, за которой, как уже знал Андрей, находился инвентарь уборщицы. Но не успел мужчина высказать свое скептическое замечание, как сын раздвинул синие технические халаты, висевшие на вешалке, и явил их удивленным взглядам еще одну дверь.

— Я здесь был. Дважды, — сказала пораженный Андрей. — В первый раз в наше первое утро, когда мы с Никитой заблудились. И во второй — сегодня, когда искал его. Но не заметил второй двери.

— Ее не так просто обнаружить, — обронила задумчиво Полина.

За дверью оказалось крошечное, абсолютно квадратное и пустое — без всякой мебели — помещение. Голые стены были оклеены пожелтевшими и кое-где отставшими обоями с цветочным рисунком, на потолке висела голая лампочка. Единственными вещами, находившимися здесь, оказались разбросанные по протертому линолеуму игрушки.

— Я здесь играл с Таней. Но ее сейчас нет.

Андрей оглядел игрушки, отметив, что в основном они состояли из кукол — не современных Барби, а пластмассовых пупсов, которые можно было видеть на полках советских магазинов. Были тут и мягкие игрушки, изрядно истрепанные, с утраченными глазами-пуговицами. Одного из таких уродцев — безглазого медведя из протертого плюша — Андрей поднял и, повертев в руках, положил на место. Что думать, он не знал. Сын мог придумать себе эту Таню, а мог действительно играть с какой-то девочкой. Может, в этой гостинице полным-полно таких скрытых комнат, в которых живет-скрывается персонал?

— Она была! — сказал мальчик, словно боялся, что взрослые ему не поверят. Полина тут же заверила его, что верит, и бросила на Андрея предупреждающий взгляд.

— Идемте, — скомандовал мужчина. — Мы увидели достаточно.

Наличие этой тайной комнаты натолкнуло его на мысль поискать другие двери, замаскированные так искусно.

Когда они поднимались по лестнице, Никита вдруг громко объявил:

— Таня сказала, что будет что-то плохое. Очень плохое. Кто-то один скоро уйдет. А потом — все.

— Но это же совсем неплохо, Никитка, — уйти отсюда! — заметила ласково Настя. — Вот мы сейчас опять пойдем...

— Нет! Это плохо! Таня сказала, что это очень плохо! Плохо — уйти отсюда!

— Никит, помолчи, пожалуйста.

— Ну, пап!

— Вы нас извините, — сказал Андрей, обращаясь к девушкам. — Встретимся через четверть часа.

И им ничего не оставалось, как уйти в свою комнату.

Глава IX

На этот раз было решено не брать с собой багажа, пожертвовать личными вещами ради удобства. Каждый взял только то, что ему было особо ценно: Геннадий и Полина — ноутбуки, Настя — камеру, Андрей прихватил пару детских игрушек и вещей. От волнения и возлагаемых на эту ночь надежд они молчали, не переговаривались даже взглядами. Так же, не проронив ни слова, в молчаливом согласии, путешественники выбрались из здания через разбитое окно. Андрей вылез первым, Полина передала ему ребенка, а Геннадий уже помог выбраться девушкам, которых с той стороны принимал Андрей. В этот момент они, объединенные общей надеждой, были сплочены, как никогда до этого.

Уже в какой раз несчастные заложники подошли к главной дороге. И общий вздох — не радости, а разочарования, похожий на стон, раздался в тишине. Ничего не изменилось. Дорога была той же — земляной, неосвещенной, ведущей в поле. И ни намека на ту асфальтированную освещенную аллею, по которой они пришли сюда. От потрясения никто из них, обманутых в ожиданиях, не торопился сделать первый шаг.

— Ну что, вновь по замкнутому кругу? — хмуро спросил Андрей, нарушив затянувшееся молчание.

— А смысл? — ответила риторическим вопросом Полина, расстроенная даже не столько тем, что чуда не случилось, сколько тем, что ее предположение оказалось ошибочным. Ведь это она предложила попытать счастья ночью!

— Что-то не сработало, — сказала Настя, чтобы поддержать приунывшую компанию, а больше всех — подругу. — То ли мы не в тот час вышли, что вполне может быть. То ли разгадка состоит в другом.

— А по мне, так нам стоит попробовать! — провозгласил Геннадий. — Вы как хотите, но я пошел.

— Погоди, мы с тобой, — без всякого энтузиазма отозвалась Полина. Терять им нечего, кроме и так уже померкнувшей надежды.

— Ну, пошли, — вздохнул Андрей, беря сына на руки.

Через почти два часа кружения по окрестным дорогам они окончательно убедились в том, что теория Полины не сработала. Уставшие и опустошенные, заложники вернулись в гостиницу.

— Ничего не остается, как дожидаться опять утра, — удивительно спокойно заметил Андрей.

— Простите, — тихо вымолвила Полина, чувствуя себя виноватой в том, что общие надежды не оправдались.

— Когда же это, черт возьми, прекратится! — вспыхнул вдруг Геннадий. — Черт бы побрал это место!

— Похоже, черт как раз его и побрал, — грустно усмехнулась Настя. Молодой человек метнул в нее острый, будто нож, взгляд, и девушка от греха подальше предпочла замолчать.

Настей овладевала апатия, Геннадий искрил электричеством и с трудом сдерживался, чтобы не разразиться бранью и не крушить обстановку гостиницы, Полина впала в хандру, и лишь Андрей постарался отнестись ко всему философски. Настя с уважением и некой толикой восхищения посмотрела на мужчину, несущего на руках ребенка: и как у него хватает сейчас терпения спокойно утешать раскапризничавшегося и уставшего сына?

— Не расстраивайся, — сказала Настя уже в номере удрученной подруге. — Ну, не подтвердилась твоя версия. Другой выход найдем!

— Как же мне здесь осточертело, — тихо прошептала Полина. — Кто бы знал.

Она бросила взгляд на неаккуратную стопку грессбухов на столе. Их искания тоже ничем не закончились, хоть они и пролистали вдвоем все тетради. Какие-то списки фамилий, бухгалтерские записи и расчеты — и ничего заслуживающего внимания. Все ее теории оказались несостоятельными. Одно дело — думать над ходами в сюжете и подгонять все так, как удобно тебе, и совершенно другое — искать выход из ловушки для себя и друзей, но только больше запутываться в сетях.

Ее мрачные размышления вдруг прервала короткая трель. Настя вздрогнула и торопливо вытащила из кармана телефон.

— Что это? — встрепелась тоже Полина. — Появилась связь?!

— Кажется, да! — обрадованно воскликнула подруга, глядя на монитор телефона. — Мне сообщение прислала Даниэла — сестра Франческо!

И тут же ее радость потускнела.

— Странно, почему мне пишет она... У меня с нею нет никаких контактов. Как же это странно, — бормотала девушка, открывая сообщение. Полина замерла на месте. По лицу подруги, которое каменело по мере того, как Настя читала сообщение, она поняла, что случилось что-то плохое.

— Он болен, — сказала Настя после того, как дочитала сообщение. — Потому и прислал мне то сообщение, в котором говорил, что не видит

будущего в наших отношениях. Он болен, и все дело в этом. У него просто нет будущего. Не у нас, а у него. Даниэла просит меня срочно прилететь, потому что... потому что...

Отшвырнув вдруг телефон, Настя закрыла лицо руками и опустилась прямо на пол. Громкое всхлипывание, перешедшее в тихий стон, заставило оцепеневшую от такого известия Полину вскочить с места и броситься к горюющей подруге. Она обхватила Настю за плечи и прижала к себе. Они просидели так, обнявшись, очень долго, до тех пор, пока рыдавшая Настя немного не успокоилась.

— У него то же, что и у моей бабушки... Понимаешь?

Полина без слов кивнула. Для Насти нет ничего страшней потери любимого человека. Тем более от той же болезни.

— Звони Даниэле! — скомандовала она, дотянувшись до брошенного телефона и протянула его подруге. — Наверняка она не спит, раз написала тебе ночью.

— Да, да, конечно... Я должна была это сделать сразу... Но вот... Да, да... Уже звоню! — Настя дрожащими пальцами набрала номер и поднесла трубку к уху.

— Ну что? Не отвечает? — спросила Полина, заметив, что Настя, прождав, отняла телефон от уха и с хмурым видом вновь набрала номер.

— Связи нет. Даже гудков.

— Подойди к окну! Может, там ловит лучше?

Настя послушно подошла к окну и даже, открыв его, высунулась по пояс на улицу.

— Нет. Нет связи, — объявила она несчастным голосом, в котором зазвенели нотки новой надвигающейся истерики. — Надо было мне сразу звонить, а не рыдать...

— Погоди, погоди... Настя...

— Мне нужно во что бы то ни стало отсюда выйти! Прямо сейчас!

— Сейчас это невозможно... Дождемся утра.

— И что?! Утром все будет так же. Проклятие! Что это за проклятое место!

И она вновь зарыдала.

Этой ночью они так больше и не уснули.

* * *

Андрей уложил Никиту в кровать и, убедившись, что сын уснул, на

цыпочках подошел к своей сумке и пошарил в боковом кармане. Неужели выкинул? Вполне мог, ведь он пообещал себе бросить курить и продержался уже две недели, что гостил у матери. Но с их приключениями не то что опять закуришь, запьешь. Он вытащил изрядно смятую пачку и тихонько юркнул в ванную. Открывать окно в номере он не рискнул, чтобы не разбудить скрипом, а затем — дымом Никитку.

Когда он уже докуривал сигарету, отправляя дым, как тайком курящий дома школьник, в низко сделанное вытяжное отверстие в стене, тишину прервал истошный детский крик. Андрей бросил окурок в унитаз и вылетел из ванной.

— Никита! Никитка?!

— Па-апа! — звал его, захлебываясь слезами, сын. — Па-ап!

Свет в комнате погас, видимо, перегорела лампочка в настольной лампе, которую Андрей оставил включенной. В первое мгновение он решил, что Никитка проснулся в темноте и, не найдя рядом отца, испугался. И только увидев святающиеся в темноте два зеленоватых огонька со стороны кровати, понял, что так напугало его сына, и похолодел. Не может быть! Он же лично уничтожил его. Давно. Нет, это что-то другое. Он вытащил сына из кровати и прижал к себе.

— Па-апа! — захлебывался в истерике мальчик, пока Андрей, громко бормоча успокаивающие слова, судорожно пытался включить настольную лампу. Кнопка клацала под его пальцем, но свет не вспыхивал. Скользнув ладонью по тумбочке, Андрей нащупал вилку провода. Не лампочка перегорела, кто-то просто выдернул из розетки провод.

— Тише, тише...

Маленькое тело трясло от испуга и истерики. Так плакать Никитка мог только в одном случае.

— Папа, я говорил! Папа!

— Тш, тш, успокойся, — бормотал Андрей, прижимая к себе сына одной рукой и другой пытаясь нащупать уже на стене выключатель. А тот все никак не попадался. И зеленые огоньки по-прежнему светились со стороны кровати, пугая не только ребенка, но и его самого. Кто, кто знает об этом? Кому пришло в голову совершить такую жестокую шутку с его ребенком? Да и с ним самим еще несколькими часами раньше? И где этот чертов выключатель?!

— Папа, это Мака, — шептал, крепко обвивая его шею руками, ребенок. И прятал заплаканное лицо у него на груди.

— Успокойся, это не он. Ты же знаешь, что его больше нет.

И в это мгновение в тишине раздался жуткий хохот Маки.

На завтрак Полина отправилась одна и поздно. Был соблазн остаться в номере и просто проспать после бессонной ночи все утро, но она заставила себя умыться, одеться и спуститься в столовую. Ей нужно поесть и взять еды для Насти. День предстоит долгий, им нужно сделать все возможное, чтобы наконец-то отсюда выйти. Оставаться еще на ночь просто нельзя. Чувствовала она себя разбитой, бессильной. Ее даже пару раз сильно качнуло, так, что пришлось ухватиться рукой за стену. Неудивительно: они за минувшие сутки пережили слишком много всего.

В столовой Полина обнаружила за накрытым столом лишь Андрея с Никитой. Мальчик уже доедал кашу, Андрей пил кофе. Вид у Андрея был понурый, в какой-то момент он поморщился и потер пальцами виски, так, словно у него болела голова.

— Доброе утро, — сказала Полина, подходя к столу. — Можно присесть?

— Можете даже не спрашивать, — откликнулся без улыбки мужчина. — Вы сегодня одна?

— Настя спит. У нас ночь выдалась бессонная.

— Неудивительно. Вчера вы, похоже, взяли на себя всю вину за эту неудачную «прогулку». Забудьте, Полина. Что-нибудь придумаем и выйдем из этого чертова поселка.

— Ночь бессонная вышла по другой причине. Настя получила сообщение на телефон, что...

— Погодите! — перебил ее Андрей, вытаскивая свой мобильный. — Вы говорите, что появилась связь?!

— Дослушайте, Андрей. Связь если и есть, то какая-то односторонняя. Настя уже дважды получила сообщения, но сама ответить не может. Связь будто работает на вход, но на исходящие звонки и сообщения пропадает.

— Интересно... А кто-то еще получал такие сообщения, кроме вашей подруги?

— Я — нет. Про Геннадия не знаю. Кстати, он не спускался к завтраку?

— Нет, — покачал головой Андрей и наклонился к сыну, который уже допил какао и теперь спрашивал, может ли встать из-за стола, чтобы поиграть. Мужчина разрешил с условием, что Никита будет играть у него на глазах.

— Бедный ребенок, — сказала, с грустью глядя на то, как мальчик

принялся катать по соседнему столу машинку, Полина. — Ладно мы, взрослые... А он наравне с нами выдерживает все эти «приключения». И, главное, не капризничает, не плачет.

— Он у меня чемпион, — в какой уже раз повторил Андрей эту фразу и тяжело вздохнул. — Сегодня он какой-то апатичный, не такой живой, как всегда. Не приболел бы. Надеюсь, это потому, что не выспался... Так что вы говорили про сообщение, которое получила Настя?

Полина кратко, не вдаваясь в подробности, рассказала о случившемся. Андрей выслушал ее с хмурой галочкой между бровей и, когда девушка закончила, вымолвил:

— Сочувствую... Любыми способами, но мы должны найти отсюда выход! Не откладывая. Сегодня.

— Об этом думаю и я. И кажется мне, что выход найдется, если мы поймем, что это за место.

— Вы у нас специалист по всяким мистическим загадкам, — усмехнулся, но по-доброму, так, чтобы не обидеть ее, Андрей.

— Выдуманым, Андрей, выдуманым... — с горечью произнесла Полина. — Сама придумываю, сама разгадываю. Вчера одна из моих версий потерпела крах.

— Хватит вам об этом, Полина, не казните себя. Ничего страшного не случилось, только еще одна долгая прогулка. Мы лишний раз убедились, что этот способ не действует. Вы завтракать собираетесь? А то я увлек вас разговорами, вы и про завтрак забыли.

Полина поднялась и взяла чистую тарелку, положила в нее немного оладий со сметаной и вернулась обратно за стол. Но их едва начатый разговор прервал вошедший в столовую Геннадий. Одет был парень в одежду, которую ему дал накануне Андрей. Хмуро поздоровавшись с сотоварищами, он взял хлеба и колбасы и налил себе чаю. Завтракали молча: ни Геннадий, находившийся в пасмурном настроении, не желал общаться, ни Полина с Андреем не возобновляли прерванный разговор. Никита подошел к столику и спросил, когда они пойдут домой.

— Скоро, сын, скоро...

— Это смотря что домом уже называть! — ядовито заметил Геннадий и резко отодвинул от себя тарелку. — Если сегодня же не выйдем...

Он не договорил, угроза так и повисла в воздухе, встревожив Полину. Никита, бросив на Геннадия настороженный взгляд, отошел к другому столу и принялся вилок ковыряться в «моторе» машинки, «чиня» ее.

— Мы ищем разгадку. Но это не так просто, как понимаешь.

— Без ста грамм не разберешься, — брякнул Геннадий и поднялся,

чтобы принести себе еще еды. Полина проводила парня встревоженным взглядом и, пока тот придирчиво выбирал кусочек омлета, шепотом спросила у Андрея:

— Мне показалось, что от него пахло алкоголем? Он что, выпил?..

— Мог, — кивнул Андрей. — В мини-баре есть миниатюрные бутылки с водкой. А с нашими приключениями...

— Я не о том! — торопливо перебила все тем же шепотом девушка. — Он же сказал, что у него непереносимость алкоголя! Даже валерьянку в каплях принимать не может. Не помните?

Андрей удивленно поднял брови, но ответить не успел, так как за стол вернулся с полной тарелкой молодой человек.

— Геннадий, тебе плохо не станет? — прямо в лоб, не найдя других слов, задала вопрос Полина. Парень удивленно посмотрел на нее, затем перевел взгляд на свою тарелку и заулыбался:

— Не станет, моя дорогая. Я не так уж много ем, как тебе показалось.

— Я не о том, — досадливо поморщилась Полина, поняв, что ее вопрос прозвучал двусмысленно и бестактно. — У тебя вроде бы алкогольная непереносимость? Врачей тут нет, сам понимаешь.

Улыбка сползла с лица парня, и по изменившемуся выражению стало понятно, что вопрос его загнал в угол. Но он тут же взял себя в руки и, проглотив почти не жуя омлет, весело воскликнул:

— А я уже покойник, писательница! Даже могилку собственную видел, забыла? Так что водочка меня не убьет. Ну давайте, бывайте. Пойду посплю. Похоже, торопиться тут особо некуда. А вы подумайте, подумайте, как нам выйти. Если выйдем, я вам денег дам. Не верите? По штуке на каждого! Две штуки баксов подарю вам, если придумаете, как из этой фигни выпутаться, млин. Слово даю. Ну, бывайте!

И он ушел, по пути задев один из столов.

— Во дает! — воскликнула Полина. — Зачем только, спрашивается, он нас обманул?

Андрей не ответил, наблюдая за Никитой. Вид играющего сына на него подействовал успокаивающе, тревожная галочка меж бровей разгладилась, губы тронула легкая улыбка, голубые глаза наполнились нежностью. Но уже следующий вопрос Полины стер с его лица выражение тихого умиротворения.

— Андрей, мне хотелось спросить... Вы знаете, кто такой Мака?

— Мака? — воскликнул он, и Никита испуганно на него оглянулся. Андрей перехватил взгляд сына и понизил голос:

— Почему вы об этом спросили?

— Никита вчера сказал мне, что ничего не боится, кроме Маки. И попытался нарисовать какую-то рожицу. Мне сейчас об этом вспомнилось, и я подумала, не еще ли одна это попытка вступить с нами в контакт через вашего сына?

— Нет! Нет, это... — Андрей запнулся, вновь оглянулся на сына и затем повернулся к Полине. Взгляд его показался девушке решительным, будто мужчина отважился открыть какой-то личный секрет.

— Мака — это игрушка. Клоун Макар, имя которого Никита произносит как Мака. Это долгая история... И очень личная.

— Простите, — смутилась девушка, и ее щеки заалели нежным румянцем. — Я только думаю над разгадкой этой истории и...

— Не нужно извиняться, — тихо произнес Андрей. Протянув через стол руку, он накрыл ладонью пальцы Полины. Она отчего-то смутилась еще больше, но не сделала попытки убрать свою руку из-под его. Андрей сам, помедлив, снял ладонь.

— Клоуна подарила Никитке его мать. Моя жена. И кошмарней игрушки я не видел. Голову бы открутил тому, кто придумал этот ужас. Впервые, само выражение лица этого клоуна не как у детской куклы, а как у клоуна из фильма ужасов. Понимаете? Жуткая ухмылка и огромные вытаращенные глаза. Но хуже всего то, что эти глаза еще и светятся. Добавлен в них какой-то специальный пигмент, который накапливает дневной свет и заставляет радужку в темноте светиться.

— Жуть какая, — поежилась Полина и оглянулась на Никитку, борясь с сильным желанием подойти и обнять его. Но... Андрей ее не поймет.

— Жуть, согласен. Но хуже всего то, что эта так называемая игрушка еще и хохочет. У ребенка от такого «подарка» начался невроз. Он долго потом по ночам просыпался с криками, хоть я и уничтожил клоуна сразу. Это случилось два года назад, но, видите, Никита до сих пор помнит. Это его самый сильный страх еще и потому, что он решил, что Мака забрал его маму.

— Господи, Андрей... Простите, я не думала... — забормотала Полина.

— Моя жена жива, — прервал Андрей с грустной улыбкой. — Но она больна. Эту игрушку Эльвира подарила сыну не потому, что хотела напугать. А потому, что уже в то время находилась в другой реальности. Клоун ей просто показался смешным. И она искренне смеялась в тон клоуну, в то время, когда наш сын верещал от ужаса. Но она считала, что малыш кричит от удовольствия...

— *У нас будет ребенок, — Эльвира будничным тоном преподнесла*

совершенно небудничную новость, так, словно сообщила о незначительных изменениях в планах на ближайшие выходные. Андрей от неожиданности поперхнулся чаем и закашлялся. Жена спокойно смотрела на то, как муж пытается справиться с приступом кашля, а когда он наконец-то откашлялся, с той же невозмутимостью протянула ему стакан воды. Андрей сделал глоток и вытер выступившие на глазах слезы рукавом. Уже почти пять лет живут они вместе, но за это время ему так и не удалось понять до конца, что за человек его жена, какое из всех ее настроений — истинное. Временами ему казалось, что живет она, будто играет в театре — меняет маски и характеры согласно ролям, не открывая даже себе свое лицо. Впрочем, в этом предположении он ушел недалеко от истины: его жена и была актрисой, оставившей после замужества работу в маленьком театре сомнительной репутации, где он ее когда-то и увидел.

...Яркая черноволосая девушка с фарфорово-белой кожей и серо-зелеными глазами понравилась ему сразу. Он дождался ее после спектакля и подошел познакомиться. И откуда смелость взялась? Но в тот вечер изначально все складывалось не так: заказчик в последний момент позвонил и перенес встречу, а Андрей оказался в незнакомом ему районе с уймой свободного времени. Машина стояла в ремонте, до метро нужно было добираться на автобусе, Андрей прождал на остановке с четверть часа и отправился пешком. По пути морозящий дождь превратился в настоящий ливень, и Андрей скрылся в подворотне, надеясь в подьезде переждать непогоду. Толкнул первую попавшуюся дверь и... оказался в крошечном театре, о котором мало кто знал. Молодой человек, худой до костей, с выбеленным лицом грустного Пьеро и черными губами, одетый как Арлекин, предложил ему купить билет на спектакль, который начинался через пять минут. Андрей купил — не столько из интереса, сколько поддавшись необъяснимому шарму, исходящему от этого Пьеро-Арлекина. Он прошел в маленький зал, в котором половина была заставлена обычными разномастными стульями, собранными будто из множества разных квартир, а вторая представляла собой «сцену». Помимо Андрея, в помещении находилось еще с десяток зрителей. «Да, не пользуется театр успехом», — усмехнулся про себя он и решил уйти раньше, чем закончится спектакль. Тем более что Пьеро-Арлекин, временно выполнявший роль кассира, тоже оказался занят в постановке: на выходе никто не задал бы ему неудобного вопроса, почему он покидает спектакль так рано. Но он тут же и забыл о своем решении, едва встретился случайным взглядом с Ней. Андрей просидел всю постановку, в

которой ровным счетом ничего не понял: пьесу явно писал укурившийся до летающих фиолетовых слонов непризнанный гений. Андрей дождался девушку после спектакля, сказал несколько хвалебных слов о ее игре, а затем предложил проводить. Она улыбнулась, но отказалась. В тот вечер ее провожал до метро тот худосочный Пьеро-Арлекин, который без грима оказался страшнее ядерной войны, но являлся директором того театрала.

Андрею пришлось отсидеть не меньше дюжины таких спектаклей, прежде чем Эльвира приняла его приглашение поужинать. И еще пять — ради того, чтобы она оставила ему свой телефон. А потом... Потом у них все закрутилось так стремительно, что он и сам не успел опомниться, как уже вел под венец свою зеленоглазую красавицу.

Эльвира сразу после замужества бросила театр и погрузилась в домашние хлопоты. Хозяйкой она оказалась никудышной, но старалась, увлеченная своей новой ролью жены не менее страстно, чем недавно была увлечена театральными ролями. Андрей был только рад видеть ее дома, сам он зарабатывал написанием компьютерных программ столько, что им обоим хватало на совершенно безбедную жизнь. Только вот ребенка все не было...

— ...Ты уверена? — спросил он. О сыне Андрей мечтал давно, но Эльвира не беременела. Они даже прошли все круги врачебного ада, но исследования показали, что оба здоровы. Здоровы... А зачать ребенка не получалось. И вот, когда оба решили временно оставить эту затею, и Эльвира заговорила о возвращении в профессию (ей предложили небольшую роль в одном сериале), это случилось.

— Еще бы не быть уверенной, — возмущенно фыркнула жена. — Вот тебе подтверждение!

Она выложила на стол тест с двумя полосками. Андрей почувствовал, что от радости и счастья на глаза наворачиваются слезы. А жена вдруг схватила со стола тест и швырнула его в мусорное ведро.

— Ты словно не рада.

— Рада! — с плохо скрываемым сарказмом заявила она, упирая руки в боки. — Рада тому, что не бесплодна, как подозревали врачи. Но, черт возьми, не могло это случиться раньше или позже, а не тогда, когда мне роль предложили!

— Что та роль! — возмущенно взмахнул руками Андрей. — Будет у тебя их еще много.

— Ага, как же. В очереди режиссеры стоят, чтоб меня пригласить!

Андрей тактично умолчал о том, что в не востребованности супруги как актрисы виновата по большей части она сама: ушла из профессии,

оборвала старые контакты, забрала свои данные из актерского агентства. И, похоже, ничуть не огорчалась тому, что профессиональный мир быстро о ней забыл. А оно вон как оказывается — взыграли амбиции. Или не амбиции сейчас ею управляют, а страх ответственности, резких перемен в жизни, нового ритма? Похоже на это: Эльвира привыкла, что солнце вращается вокруг нее.

Разговор в тот день у них вышел долгий, нервный, со слезами, обвинениями, обещаниями. И все же ему удалось уговорить жену оставить долгожданного ребенка, хоть опасение, что она втайне от него сделает аборт, не оставляло его потом еще долго.

Беременность Эльвира переносила легко, но была в тот период капризна как никогда. Списывая все на гормоны и особые настроения беременных, Андрей проявлял ангельское терпение, окружал жену заботой, выполнял любой ее каприз. Даже заказов стал брать намного меньше, чтобы проводить больше времени с Эльвирой и сопровождать ее на съемки, от которых она не отказалась.

Ребенок родился в срок и здоровым. К ним, чтобы помочь с новорожденным и по хозяйству, стала часто заходить мать Эльвиры Марта Васильевна. С тещей у Андрея отношения изначально складывались теплые: когда дочь представила ей своего жениха, Марта Васильевна одобрила ее выбор. Когда Никите исполнилось четыре месяца, Эльвира получила еще одну роль в телесериале. Андрей отпустил ее, а Марта Васильевна, узнав, что дочь будет занята карьерой, а не ребенком, отнеслась к этому неодобрительно, но тем не менее вызвалась вести домашнее хозяйство.

И все шло хорошо. Казалось, счастье с рождением сына прочно вошло в их дом и осталось навсегда. Эльвира, игравшая подругу главной героини сериала, тоже чувствовала себя востребованной. И даже то, что основное ее время занимали теперь съемки, а не ребенок, не пугало Андрея. Основную часть своей работы он делал дома, хоть и приходилось писать программы больше по ночам, когда спал сын. Но он и не жаловался, ведь так мечтал о наследнике!

Беда подкралась незаметно. Те мелкие странности, которые начали происходить с Эльвирой, изначально не насторожили, не вызвали тревогу. Ну, подумаешь, стала она несколько рассеянной, относит грязное белье не в специальную корзину, а в мусорное ведро и вместо масла на сковороду льет уксус... Она — молодая мать, у которой такой напряженный рабочий график. Но когда Эльвира стала забывать свое имя, к месту и не к месту заходиться хохотом, Андрей забил тревогу и вызвал для разговора тещу.

Выслушав зятя, Марта Васильевна вдруг расплакалась и призналась, что от тяжелого психического недуга страдала еще ее бабушка, и похожие «странности» наблюдались у давно умершей сестры Марты Васильевны. Андрей постарался заверить напуганную тещу, что, возможно, это не признаки проснувшегося наследственного заболевания, а просто усталость Эльвиры, но сам решил проконсультироваться у специалиста. «Вполне возможно, что ей понадобится наблюдение», — сказал тот врач и дал Андрею номер своего знакомого, психиатра.

А болезнь Эльвиры, несмотря на то, что она уже не снималась, прогрессировала. Молодая женщина выходила из дома, оставляя ребенка одного, и не закрывала дверь. А потом не знала, как вернуться. Включала газ и забывала зажечь огонь. Андрей дважды вовремя замечал утечку. Кричала, выскочив голой на балкон, непристойности прохожим и закатывалась хохотом. А после одной из своих внезапных отлучек приволокла домой того жуткого клоуна и напугала им ребенка до истерики.

Ее водили по врачам, показывали самым лучшим специалистам, укладывали в клинику, — бесполезно. Девушка, в которую когда-то он влюбился, теперь превратилась в худую неопрятную незнакомку с безумным взглядом. В больнице Эльвира сейчас проводила куда больше времени, чем дома.

— Она и сейчас там... А у меня, Полина, от страха, что болезнь может унаследовать Никита, у самого крыша едет.

— Поэтому вы вчера так резко отреагировали на его рассказ про девочку? Приняли за фантазию?

— Да, — смутился мужчина.

— Я вам очень сочувствую, Андрей, — на этот раз уже она протянула руку и накрыла своей ладонью его.

— Только не жалейте. Ненавижу это чувство. Видите, мы все же счастливы — Никита и я. У него есть я, у меня — он. Плюс его невероятно балуют наши бабушки. Мы счастливы, Полина, — произнес он таким тоном, словно оправдывался за выказанную слабость.

Никита, словно поняв, что речь идет о нем, подошел опять к столику и, скользнув по Полине взглядом больших голубых, как у отца, глаз, попросился в туалет.

— Полина, нам надо подняться в номер, — сказал, извиняясь, Андрей. — Вы с нами?

— Нет, идите. Я возьму еды для Насти и поднимусь.

— Приходите к нам. Нужно решить, что делать дальше.

После того, как она осталась одна, Полина выбрала тарелку побольше и принялась наполнять ее тем, что бы пришлось Насте по вкусу. Положив немного омлета, оладий и, в пиалу, сметаны, она с обеими занятыми руками развернулась, чтобы идти. И в этот момент заметила мелькнувшую за окном фигуру женщины. Полина подскочила к окну и увидела, как женщина, одетая в синее платье и черные туфли без каблука, неторопливо, будто не шла она, а плыла, направлялась к зданию администрации. Полина торопливо поставила тарелки на подоконник и выбежала из столовой. На улицу она выскочила как раз в тот момент, когда женщина в синем платье, пройдя мимо крыльца здания администрации, свернула за угол. Почти не таясь, девушка бросилась за нею. Окликнуть или выследить, куда она направляется?

А женщина, медленно и как-то неуверенно перебирая ногами, уже шла по дорожке, ведущей к тому жилому зданию, в котором Полина побывала вместе с Андреем. Похоже, пустой на первый взгляд дом на самом деле хранит тайны. Девушка сбавила шаг и, осторожничая, продолжила преследование. Хоть она могла видеть женщину только со спины, узнала ее: и походка, и бесцветные тонкие волосы, и некрасиво худые ноги принадлежали той горничной, с которой они «познакомились» в первую ночь. Полина вспомнила ее имя: Вера, но предпочла не окликать.

А Вера тем временем зашла в подъезд. Полина скользнула за ней следом, но на этом ее уверенность и закончилась: что делать дальше? Звонить во все двери? Это с Андреем Полина чувствовала себя уверенной и бесстрашной, а сейчас ее сердце, учащенный стук которого, казалось, раздавался на весь подъезд, готово от страха из груди выскочить. Разумней вернуться в гостиницу и рассказать обо всем Андрею. Полина так и решила поступить, но в этот момент увидела приоткрытой одну из дверей. В щель лился приглушенный электрический свет, а до слуха доносилось тихое стрекотание. Мысленно сжав в кулак свои страхи и колебания, Полина толкнула дверь и вошла внутрь.

Глава X

Нет, нет, этого не может быть! Этого не может быть. Геннадий в какой раз перечитал все сообщения, оказавшиеся на его телефоне, и в отчаянии выругался. Какого черта, какого! Разнести бы все тут к елям собачьим, этот гребаный поселок с его осточертевшим аттракционом «найди выход» и связью, которая не работала все это время и вдруг заработала, сволочь такая! Шесть сообщений, шесть, датированных разными днями, одно тревожней другого. Три — от его напарника по бизнесу и лучшего друга Виктора.

«Позвони! Похоже, мы вляпались».

«Генка, твою мать, перезвони! Нас подставили, все летит к чертям!»

«Где тебя носит?! Теряем все!»

Прочитав в первый раз эти бьющие по нервам тревогой послания, Геннадий тут же начал набирать номер Виктора, но обнаружил, что связи опять нет. Она появилась на то время, что он спустился в столовую, и опять пропала. Если бы он знал, если бы знал! Да катились бы к черту этот завтрак, ехидна писательница дешевых книжонок и этот бугай со своим надоевшим отпрыском! Если бы он знал, что связь появится в это время! Если бы он хотя бы не оставил телефон в номере!

«Генка, поздняя. Похерили все. Чтоб ты сдох!»

Два остальных сообщения оказались из банков, извещающих о том, что его счета пусты.

Ему и в самом деле захотелось сдохнуть. В это предприятие они с Витькой вложили почти все, что у них было, решив рискнуть и сыграть ва-банк. Перед этим они досконально изучили со всех сторон и будущего партнера, и его бизнес, и товар, и нигде, ни с какого краю не пахло подставой! Потому и рискнули такими деньжищами. А теперь что? Обратно в нищету? Да ни за что! Лучше уж смерть.

— ...Генка, мать твою! Иди сюда, сволочь!

Мальчик подальше забился в узкое пространство между платяным шкафом и стеной. Как ему хотелось стать невидимкой, как в сказке! Вот надеть бы такую специальную шапку и исчезнуть из поля зрения пьяного отчима, а затем подкрасться к нему сзади и пнуть куда следует. Не в тощий зад с висящими на нем протертыми «трениками», а под коленки, так, чтобы подкосились тонкие паучьи ноги, и распластался бы ненавистный на полу. И тогда бы уж он, Генка, не растерялся, вскочил бы

на него сверху и отлупил бы его по всем местам, мстя за собственные побои, за мамку...

— Где ты, гаденыш?

Выкрики, перемешанные с нецензурной бранью, громовыми раскатами разносились по их крошечной квартире, просачивались во все щели, резонировали. И тошнотой поднималась волна страха, смешанного с отвращением и ненавистью. Дети, те, кому не повезло испытать это взрослое чувство, ненавидят так же искренне и сильно, как любят. Гена зажмурился и закрыл ладошкой рот, боясь, что всхлипом или вздохом выдаст себя. Отчим его найдет, обязательно найдет: в их однокомнатном жилище, из обстановки которого почти все было если не пропито, то разломано, спрятаться особо некуда. Про укрытие за шкафом отчим знает, но вытащить из этой щели мальчика ему будет не так просто.

— Куда, щенок... А, вот ты где!

Вначале мальчика оглушило ревом радостного восклицания, подкрепленного витиеватым ругательством, затем обдало невыносимой вонью немытого тела и застарелого перегара. Ребенок еще крепче зажмурился и втянул голову в плечи. И мгновение спустя раздутые, как разваренные сосиски, пальцы вцепились ему в ухо и с силой, так, что Гена не удержался от вскрика, дернули...

...Осколки воспоминаний о разбитом, как зеркало, детстве впивались не в душу, а в сердце, оставляя кровоточащие порезы. И боль стала такой ослепляюще-яркой, как в тот день, когда отчим тащил его за ухо из-за шкафа. Взрослый Геннадий даже тихонько всхлипнул, как мальчишка, и непроизвольно накрыл ладонью ухо. Как хорошо, что его сейчас никто не видит. Кошмарные воспоминания никогда не мучают его в людных местах. Они отступают, затаиваются, прячутся в темных уголках памяти за повседневными мыслями, чтобы потом, когда он останется наедине с собой, навалиться со всех сторон, выдернуть тем же рывком, каким вытащил его из-за шкафа за ухо пьяный отчим, из взрослой жизни в детство. Геннадий рухнул на кровать и закрыл руками голову, будто это могло спасти его от воспоминаний и прорезавшейся вновь ненависти. Но куда сильней ненависти был страх. Страх голода, неблагополучной жизни, нищеты, побоев, унижений от тех, кто сильней его.

...Двадцать копеек, зажатые в кулаке, — это двадцать шагов в счастье. Двадцать желаний, двадцать грез, одна слаще другой. Может быть, для того, кто обронил эту монетку, потеря не показалась столь великой. А для него — шестилетнего вечно голодного ребенка — настоящее счастье, пиратский сундук с сокровищами, билетом в

короткую сытую радость. На двадцать копеек можно купить два стаканчика фруктового мороженого или один большой пломбир. Можно пачку печенья или немного конфет. А можно зайти в кафе и заказать вазочку с желатиновыми кубиками — такими цветными и яркими, как праздник. И пусть мамка говорит, что это невкусно, неважно. Он никогда не пробовал той желатиновой горки с несколькими смородиновыми ягодами сверху. Гена заходил в это кафе иногда, чтобы постоять у витрины и поглазеть на пирожные безе, корзиночки и вот эти вазочки с нарезанным кубиками желе. Если работала смешливая и пухлая, как сдобная булка, Света, то он мог стоять у витрины столько, сколько ему хочется, никто его не прогонял. Но если же оказывалась смена тощей и длинной, как циркуль, тетки, имени которой мальчик не знал, то счастье оказывалось коротким: уже через минуту его жестко прогоняли.

— Чего стоишь? Так и ест глазами, так и ест! Ну-ка, иди отсюда! — каждый раз разряжалась одними и теми же словами, даже порядок которых не менялся, «циркуль». И Гена, кинув обязательный прощальный взгляд на витрину, и особенно на вазочку с разноцветными кубиками, уходил.

Но сегодня все будет по-другому. Мальчик крепче сжал монету в кулаке и облизнулся, как котенок. Сегодня он может прийти в это кафе и выложить на прилавок свое сокровище... Он может. И от этого затапливающего понимания, что сегодня он — богаче короля, и этих неожиданных на него свалившихся возможностей Гена боялся потратить монету, уже понимая, что настоящее счастье заключается даже не в конечном результате, радость от которого коротка, как вспышка, а в тягучем сладком предвкушении. Он бы, может, забыв о голоде, продлил это счастье предвкушения как можно дольше, но возвращаться домой с сокровищем было нельзя: отчим его обязательно обшмонает, найдет монету, отберет и еще отлупит. Гена, переживая момент распирающей легкой радости, толкнул дверь кафе, зашел в пахнущее ванилью и шоколадом нутро, зажмурился, вдохнул запахи этой чужой для него жизни, подошел к прилавку.

— Опять? — недовольным голосом спросила «циркуль» за прилавком. Как жаль, что сегодня именно ее смена, а не Светы. Впрочем, не страшно. С зажатым сокровищем в кулаке ничего не страшно!

— Мне... — горло Гены вдруг будто сжал кто-то цепкой, как у разозленного отчима, рукой, так, что слова застыли в нем вместе с дыханием. Не в силах больше произнести ни слова под хмурым взглядом неприятной тетки, мальчик молча кивнул на витрину, надеясь, что

служащая сама догадается о его желании. Она ведь не могла не заметить, что он каждый раз с таким возделением рассматривает вазочку с разноцветными желатиновыми кубиками!

— Чего тебе? — сухо поинтересовалась тетка.

— Кубики. Цветные. Вон те, — тихо вымолвил он наконец-то.

— Мальчик, это называется желатиновое ассорти!

— Латинское сотри, — глотая и путая буквы, повторил Гена еле слышно и выложил на прилавок монету.

— Еще четыре копейки.

В предвкушении исполнения давней мечты Гена не сразу понял, что имеет в виду «циркуль» и почему она не делает ни шагу в направлении витрины. Он моргнул и робко улыбнулся, но тетка лишь сурово сдвинула брови и повторила:

— Еще четыре копейки, мальчик! Ассорти стоит двадцать четыре копейки. Ты мне даешь двадцать. Считать умеешь? Еще четыре!

Он машинально кивнул и растерянно улыбнулся, а из глаз уже покатались крупным горохом слезы. Как близко было счастье и как легко, оказывается, его отнять. Хмурый взгляд и злой тонкогубый рот с золотыми зубами в нем, не выговаривающий, шипящий, как проклятие, злосчастную фразу «четыре копейки, четыре копейки, четыре копейки». Как долго потом ему снилась эта сцена! Ему так и не удалось до конца вырвать из себя того шестилетнего мальчика, растерянно стоявшего у прилавка. Какую бы покупку он ни совершал: покупал ли дорогую технику, или ожидал у кассы своей очереди с полной продуктов тележкой, всегда мелькала обдающая холодом мысль, что на карточке окажется недостаточно средств. И, казалось бы, ничего страшного в этой ситуации быть не должно: можно отложить покупку до следующего дня или выложить из тележки какие-то продукты — теоретически, потому что он знал, что на карточке у него много денег. Но нет-нет да и просыпался в нем тот заплаканный шестилетний мальчик.

А отчим тогда все же отнял у него те двадцать копеек и избил его так сильно, как никогда. Кажется, тогда впервые в его голову закралась другая мечта — уже не просто избить ненавистного, а убить.

Геннадий рывком вскочил с кровати и сделал несколько нервных кругов по комнате. Ему даже показалось, что в номере запахло отчимом: смесь вони перегара и немытого тела просочилась в щели, наполнила комнату, стиснула его в удушающих объятиях. Молодого человека затошнило. Он бросился в ванную, отвернул до упора кран и долго плескал себе в лицо ледяной водой. Когда Геннадий, тяжело дыша, поднял голову,

зеркало отразило вытаращенные глаза, безумный взгляд и приоткрытый рот. И его собственное лицо показалось ему таким страшным, что он поспешно отвел взгляд.

— Черт знает что! — выругался с отчаянием. Давно ему не было так плохо — не только морально, но и физически. Этот приступ воспоминаний оказался как никогда сильным. Если он задержится в этом поселке, рискует или сойти с ума, или умереть. Это в мегаполисе, в потоке суетливой жизни, не останавливающейся ни на секунду, в толпе, в рутине привычных дел он всегда чувствует себя прекрасно. А здесь...

— Оборваныш!

Гена не отреагировал, хоть оклик относился к нему. У кого-то из взрослых, кажется, школьной технички, однажды вырвалось это ужасное слово, его подхватили жестокие дети, и кличка срослась с ним, будто вторая кожа. Вначале он страдал, потом нападал в ответ с кулаками и обычно выходил из драк поверженным — и сил не хватало, и наваливались на него обычно целой гурьбой. Но тогда в этих драках Гена усвоил урок, который пригождался ему потом не раз в жизни: с тем, кто сильнее тебя, бороться надо не силой, а умом и хитростью. И когда он понял эту истину, перестал реагировать на обидное прозвище. Не то чтобы ему стало все равно, что там кричат ему вслед. Просто он стал отвечать другими способами. Случайно или нарочно потом у обидчиков случались всякие неприятности: портфель изнутри и все его содержимое оказывалось перепачканным канцелярским клеем, или тетради — изрисованные оскорбительными рисунками, или на стуле оказывалась вода. В тех мелких проделках Гена оттачивал свое мастерство мщения, собирал по каплям ненависть, сливая ее в один сосуд, чтобы в ключевой день ему хватило духу осуществить то, к чему он шел годами. Однажды он отомстит ненавистному и за побои, и за разорванное ухо, и за слезы того шестилетнего мальчика у прилавка с зажатой в кулаке монетой, и за эту обидную кличку. Отчим — вот корень зла. Признаться, иногда Геннадий даже опасался того, что отчим сдохнет раньше, и месть так и останется неудовлетворенной.

В жизни все вышло куда проще, чем в его мечтах. Из всех рисуемых воображением сцен убийства отчима Геннадий выбрал самый незаметный и практичный способ: отравление техническим спиртом. Никто даже не заподозрил в нем убийцу: смерть алкаша, уже давно потреблявшего все, что горит, выглядела натурально. Мать погоревала — то ли для виду, то ли по привычке, а после похорон вздохнула с облегчением. А Геннадий, исполнив главную мечту жизни, какое-то время ходил в странной

прострации. Но не потому, что жалел о содеянном и раскаивался, просто жизнь после осуществления мечты показалась ему опорожненной, а чем заполнить образовавшуюся пустоту, он не знал. Пустота ночью трансформировалась в сны-кошмары, в которых он видел не покойного отчима, а стеклянную бутылку с этикеткой, в которой плескалась смертоносная жидкость. Эта бутылка преследовала его из сна в сон, и он ее запомнил, казалось, до мельчайших, невидимых обычным глазом царапинок. И, может, так бы он и позволил пустоте и ночным кошмарам разрушать его, если бы не счастливый случай, поставивший его жизнь на правильные рельсы.

— Эй, пацан! Не поможешь? — окликнули его как-то во дворе. Гена оглянулся и увидел Петра — владельца местного автосервиса и по совместительству главного механика. Собственно говоря, автосервис представлял собой кирпичный просторный гараж, в котором мастер на все руки Петр чинил машины по бросовой цене.

— Придержи-ка! — попросил его Петр, когда мальчик приблизился. Геннадий послушно придержал обеими руками какую-то железяку, которую механик прилаживал под капот.

— Помогать хочешь? — спросил его потом Петр, когда Геннадий уже вытирал испачканные руки о засаленную тряпку. Он пожал плечами: хочет — не хочет, все равно без цели слоняется по двору.

— Ну чего тебе бездельничать, — угадал его мысли механик. — Приходи каждый раз после школы, будешь помогать. А я тебе платить стану. Ну, не много так, на мороженое и на новые джинсы хватать будет. Да и профессии обучу. Ну?

Геннадий кивнул. И на следующий день пришел к гаражу.

— Молодец! — похвалил его в тот день Петр, когда он без запинки перечислил с первого раза названные мастером инструменты, детали и их назначение.

— Ты толковый. Похоже, я в тебе не ошибся.

На первые заработанные деньги Геннадий купил матери пуховый платок, а себе — новые джинсы. Не дорогие, не фирменные, но целые: в его новой жизни больше не будет ни рваной одежды, ни клочки Оборваныш.

А потом как-то он совершил первую сделку, загнав старую, но вполне еще годную деталь, на рынке по заманчивой цене... Оказывается, и деньги лучше зарабатывать не только физической силой, но и умом и хитростью.

Умом и хитростью... Он шел, выкарабкивался, выбивался из старой жизни в новую, оставлял ту, ненавистную, оборванную, унижительную, как

старую шкуру. В его новой жизни не будет нищеты и убогости. В его новой жизни будет денег столько, сколько ему и не снилось.

У него получалось, все получалось — с умом и хитростью. Вот только избавиться от воспоминаний-кошмаров и снов, в которых он видел себя то плачущим у прилавка мальчиком, то наливающим себе воды в стакан из бутылки, в которой оказывался смертоносный яд, никак не получалось...

Геннадий вышел из ванной и присел рядом с мини-баром. Здесь оставалась последняя «чекушка» с водкой. Алкоголь не избавит его от страшной катастрофы, но слегка притупит шок и отчаяние. Геннадий взял в руки бутылочку, сорвал зубами крышку и тут услышал за спиной сиплый голос, который бы ни с каким не перепутал:

— Эй, а мне плеснешь?

Пригвожденный ужасом, он не сразу смог обернуться. Досчитал до трех, пытаясь убедить себя в том, что ему померещилось. Но, в противовес собственным уговорам, за спиной раздалось покашливание и сиплый вдох:

— Генка, мать твою! Плеснешь или нет?

Он обернулся и, побледнев, едва не лишился чувств. На его кровати, поджимая босые волосатые пальцы, в вытянутых трениках и замызганной майке-алкоголичке, сидел его отчим и ухмылялся щербатым ртом.

— Здорово, пасынок! Выпьем за встречу? Да и проводим тебя на дорожку.

— На... какую дорожку? — едва вымолвил Геннадий.

— А в ад! — весело подмигнул отчим и захохотал.

* * *

В этой небольшой квадратной комнате не оказалось даже стула. Голая лампочка освещала тусклым светом бетонный пол и кирпичную кладку. На противоположной от входа стене был натянут белый экран, на котором мельтешили серые полосы. Полина неуверенно переступила порог и перевела взгляд на единственную вещь здесь — кинопроектор, старый, с помощью которого когда-то в кинозалах показывали фильмы. В этот момент мельтешение исчезло, и на экране появился первый кадр. Камера вначале скользнула по кафельным стенам, затем — по потолку с круглыми «хирургическими» лампами, затем ненадолго остановилась на наполовину скрытом медицинской маской лице мужчины в шапочке. И после этого уже показала сбоку лежащую на узком столе женщину, лица которой Полина не могла разглядеть. Женщина стонала, ее пальцы судорожно вцепились в

края стола, а затем она вдруг, приподнявшись, истошно закричала. В первый момент Полине захотелось отвернуться и выйти из комнаты, но, словно подчиняясь магии, она осталась. Будто околдованная, стояла и смотрела на экран — на эти чужие муки, которые вскоре обернутся для кого-то счастьем. И, наблюдая за чужими родами, испытывала другую боль — куда сильнее той физической, от которой страдала женщина на записи. И вот раздался крик новорожденного. Видео оборвалось после того, как врач развернул к камере младенца, на экране вновь замельтешили серые полосы. Полина очнулась от странного наваждения и провела ладонью по взмокшему лбу. Чувствовала она себя такой опустошенной, обессиленной, что едва смогла преодолеть короткое расстояние, отделяющее ее от двери. Неприятным открытием стало то, что дверь успела захлопнуться, а с этой стороны не оказалось ручки. Наполняясь паникой, Полина попыталась открыть дверь, но только сломала ноготь.

— Выпустите меня отсюда! — закричала девушка, колотя кулаками в оцинкованное дерево. — Выпустите!

Никто не торопился ей на помощь, а со стороны экрана раздался новый звук, похожий на приглушенный вой. Полина машинально обернулась и увидела, что с противоположной стены прямо на нее, ухмыляясь гнилыми зубами, движется полуразложившийся мертвец. От страха и омерзения она не смогла даже пискнуть, замерла, пригвожденная, на месте, глядя, как это чудовище тянет к ней с экрана костлявые руки с длинными когтями, таращится глазницами, скалит челюсти. А за одним чудищем выстроилась уже целая армия таких, и все, воя и сипя, двинулись на нее. Полина зажмурила глаза, но воображение тут же нарисовало ей другую картинку: как эти мертвецы сходят с экрана и двигаются к ней навстречу уже по комнате. Она пискнула от ужаса и открыла глаза. А картинка уже сменилась, и девушка, похожая на Полину, испуганно озираясь, в набирающей громкость тревожной музыке исследовала комнату со старыми вещами. Вот она все ближе и ближе приближается к шкафу, протягивает к нему руку, чтобы открыть деревянную дверь, боится... И в этот момент чья-то рука, покрытая язвами, ложится девушке на плечо. Крик ужаса вырвался у героини одновременно с криком Полины. Она вновь развернулась к двери и, ломая ногти, попыталась отворить ее. Бесполезно. Она в ловушке.

Полина бросилась к кинопроектору, чтобы остановить показ ужасов. Но в это мгновение погас свет. Девушка в панике вытянула вперед руки и наконец-то наткнулась на аппарат. Сейчас, сейчас все прекратится! Она выключит его или просто вытащит из него эту страшную ленту... Она

шарила руками по работающему аппарату, стараясь не глядеть на экран и не слушать крики, подбодряя себя мыслью, что сейчас вытащит пленку. Наконец-то она ухватила ее и потащила на себя, но кадры на экране продолжали мелькать без помех, как ни в чем не бывало: картины, одна ужаснее другой, продолжали сменять на стене друг друга. Полина села на пол, крепко зажмурилась и зажала ладонями уши. Так проще, так легче, она просто пересидит это с закрытыми глазами. Как в детстве в кинотеатре, когда какой-то эпизод фильма пугал ее. Это когда-нибудь закончится, так не может быть, чтобы не...

И вдруг кто-то, как в показанном ей перед этим отрывке из фильма ужасов, тяжело положил ладонь на ее плечо. Полина закричала и потеряла сознание.

* * *

В номер постучали, и в этой барабанной дробь плохие известия слышались так четко, что Андрей в два прыжка достиг двери и распахнул ее. На пороге стояла Настя. Лицо девушки показалось ему бледнее, чем обычно, даже веснушки на носу посерели.

— Андрей, срочно иди за мной! — сказала Настя взвинченным, неестественно для нее высоким голосом. — Никиту только оставь, ему нельзя!

— Что случилось?

— Геннадий. Кажется... — она не договорила, словно спазм перехватил ей горло.

— Никита, побудь тут пять минут! Я сейчас вернусь! И никуда не выходи, слышишь? Никуда!

Они быстрыми шагами прошли по коридору до открытой двери в номер Геннадия. И за этот короткий путь Настя успела рассказать, что проснулась, решила спуститься в столовую, но, увидев распахнутую дверь в номер Геннадия, подчиняясь какому-то предчувствию, заглянула к молодому человеку.

— И увидела его таким...

Настя в номер не вошла, осталась испуганно стоять на пороге, переложив на Андрея обязанность подтвердить страшное открытие.

Геннадий лежал на кровати, но так, словно завалился на бок, а не прилег. Голова его была запрокинута, рот приоткрыт, а глаза распахнуты. Одна рука свисала с кровати, не касаясь пальцами пола, и под нею валялась

порожняя бутылочка из-под водки. Андрей бросился к молодому человеку и попытался нащупать его пульс. Рука оказалась еще теплой, но пульс не прощупывался, как не слышно было и сердцебиения.

— Эй, парень, не пугай меня так! — воскликнул Андрей, не в силах принять случившееся. Геннадий жив, ему просто стало плохо! Ему можно помочь... Только вот как? Мужчина, как мог, пытался привести молодого человека в чувство, но Геннадий не подавал признаков жизни. До слуха Андрея донеслись всхлипывания Насти — предвестники надвигающейся истерики.

— Настя, успокойтесь! Посидите с моим сыном, пока я тут занят. Не хочу, чтобы Никита оставался надолго один. Идите ко мне в номер! — голос его прозвучал несколько резко, но нужно было как-то встряхнуть девушку. Она всхлипнула и подчинилась.

Оставшись наедине с не подающим признаков жизни Геннадием, Андрей сделал несчастному, как мог, непрямой массаж сердца, отчаянно желая завести этот проклятый мотор, который так внезапно прекратил свою работу. Что произошло? Что?! Андрей перевел взгляд на бутылку и застонал: похоже, у парня на самом деле была непереносимость алкоголя, а они с Полиной решили, что он соврал. Или Геннадий обманул их раньше, но по фатальному стечению обстоятельств в бутылке водка оказалась некачественной или отравленной.

И что теперь делать?! Только трупов им не хватало. Неожиданно вспомнились слова сына про то, что скоро один из них уйдет. Так вот что имелось в виду! Андрей обхватил голову руками и заходил кругами по комнате, стараясь не смотреть на тело несчастного. А следующие — они. Все вместе или так же поодиночке?..

Последняя мысль его привела в чувство. Он сорвался с места и бросился к себе в номер, где его дожидались Настя с сыном.

Девушка при его появлении не промолвила ни слова, но подняла на него вопросительный взгляд. Андрей качнул головой, и Настя, все поняв, закусил губу. Ее глаза наполнились слезами. Никитка непонимающе посмотрел девушку, собираясь задать вопросы. И Андрей поспешил сменить тему:

— Полина...

— Я не знаю, где она.

— Разве она еще не вернулась?!

После того, как они с Никитой поднялись к себе, прошло уже достаточно времени! Полина не собиралась задерживаться, только хотела взять немного еды для подруги. Говорить все это Андрей не стал. Лишь

попросил Настю побыть еще с ребенком, занять его чем-нибудь, а сам бросился на поиски.

Он спустился в столовую, но там никого не нашел, только тарелку с едой, оставленную на подоконнике, и из этого сделал вывод, что Полина заметила что-то такое на улице, что не только привлекло ее внимание, но и заставило отправиться следом. Ох, бедовая девчонка... Вроде и понимает, что находятся они в далеко не безопасном месте, так зачем же сама отправилась?

При мыслях о «небезопасном месте» перед глазами вновь возникло безжизненное тело Геннадия, и Андрей стиснул челюсти. Игры закончились. Их теперь не просто пугают, их... убивают. Сердце металось в груди сошедшим с ума маятником — туда-сюда, туда-сюда. Он бежал быстро, но ему самому казалось, что передвигается медленно. Так медленно, что обязательно опоздает. Что он за это время успел передумать — одному Богу известно. Где искать Полину? Она могла пойти по исхоженным ими дорогам, или попасть в какую-то передрыгу в поселке. А в том, что Полина попала в передрыгу, он уже не сомневался: интуиция, обычно редко проявляющая себя и в которую он, по сути, не верил, сейчас даже не нашептывала о беде, кричала. Если бы она еще указала ему, где искать Полину!

Андрей пробежал по обоим этажам здания администрации, заглядывая во все кабинеты и громко выкликая девушку по имени. Ее тут не было. Он это чувствовал — видимо, тем самым шестым чувством, в которое не верил. Но, как в игре «холодно-горячо», он не кожей, а душой ощущал озноб. Выбежав на улицу, он свернул за здание и бегом направился к первому жилому блоку. Забежал в подъезд и почувствовал, что находится на правильном пути, словно в воздухе оказался разлит тонкий аромат духов. Нет, запаха тут не может быть, но что-то все же ему указало путь.

Страх. «Запах» страха, который он уловил не ноздрями, а проснувшись в этой экстремальной ситуации звериным чутьем. Она здесь. Только вот где? Андрей не звонил, а бился в двери, налегал на них плечом, пытаясь вышибить. Если понадобится, он вынесет все двери — страх придал ему сил. Но, к счастью, не понадобилось даже подниматься на следующий этаж: третья дверь поддалась под его плечом, и он влетел в квадратное помещение.

Полина лежала на полу. В первый момент сердце словно остановилось: мертвая?.. Но девушка пошевелилась и тихонько застонала.

— Полина! — кинулся он к ней и помог сесть.

— Ты как? Что с тобой? Что произошло? Почему ты здесь? — засыпал

он ее кучей вопросов, от испуга переходя на «ты». Его тревожило то, что Полина такая бледная, напуганная, молчаливая. И, похоже, ее знобило, потому что она зябко поежилась и потерла ладонями плечи. Без лишних слов Андрей обнял девушку и привлек к себе, согревая своим телом. А она неожиданно не стала вырываться, прильнула к нему доверчиво и с благодарностью.

— Что произошло? — спросил он вновь после паузы, оглядывая мельком помещение. Холодное и пустое, если не считать экрана на стене и кинопроектора. Кино она тут, что ли, смотрела? Да вряд ли, кинопроектор — старая рухлядь...

Полина тихонько высвободилась из его объятий и села ровней. Похоже, немного пришла в себя, вон уже и щеки зарумянились.

— Я увидела в окно горничную...

Он выслушал ее молча, не перебивая — про эту женщину, которая ее сюда завела. И про нарезку из страшных фильмов, которые ей тут крутили. И только после того, как девушка замолчала, осторожно заметил:

— Полина, этот кинопроектор точно не мог показывать видео.

— Почему?

— Сама посмотри, — он подвел ее к аппарату. Пленки в кинопроекторе не было.

— Но как так может? — растерянно пробормотала Полина и провела пальцем по пыльной пустой бобине.

— Не знаю. Я верю, что тебя сильно напугали. Но не понимаю, как это осуществили.

Девушка погрузилась в задумчивость, оглядела аппарат, а затем сказала, что хочет уйти отсюда.

— Да, конечно! — спохватился Андрей и поспешно подхватил Полину под локоть, потому что ее вдруг качнуло.

— Ты в порядке?

— Да. Небольшая слабость. Но это, думаю, потому что я так сильно напугалась.

— Вот уж не думал, что твоя фобия — это «ужастики», — усмехнулся он.

Они вышли на улицу и направились к гостинице, где оставались Никита и Настя. И только сейчас, после того, как он уже нашел Полину, ему подумалось о сыне — все ли там в порядке? Андрей невольно прибавил шаг. Полину он, встревоженный ее слабостью, вел под локоть, хоть она и попыталась убедить его в том, что с ней все в порядке.

— Андрей... — сказала девушка, выходя из недолгой задумчивости. —

Думаю, что ключевое слово — страх. Нас держат в страхе, причем играют на самых для нас сильных страхах. Твои страхи связаны с сыном. Настин страх — потерять любимого человека от страшной болезни, от которой умерла ее бабушка. Никитку напугали клоуном. Я не могу смотреть фильмы ужасов. И еще боюсь того, что никогда не смогу стать матерью.

Она посмотрела на Андрея с вызовом: как он воспримет ее слова, не станет ли сочувствовать и рассказывать, что при современном уровне медицины не стоит делать такие категоричные заявления, что они с женой прошли через похожую ситуацию... Он понял ее и просто кивнул. Полина едва заметно с облегчением выдохнула.

— У Геннадия... — продолжила она и задумалась над тем, какой главный страх мог быть у парня. Андрей мысленно чертыхнулся про себя, вспомнив, что Полина еще не знает о случившемся. Стоит ли ей говорить сейчас? Но, рассудив, что она так или иначе узнает, и что это ей даже надо знать — уровень нависшей угрозы, — решился.

— Полина, Геннадий погиб.

— Что?! — встрепенулась она и остановилась. Испуганно распахнутые глаза, потемневшие, на фоне бледной кожи и светлых волос, показали ему двумя пропастями.

— Как это случилось?

Андрей кратко рассказал и добавил:

— Похоже, у него и правда была алкогольная непереносимость. Или, что подозреваю я, водка оказалась отравленной.

— Его убили?!

— Не знаю, Полина. Может, просто несчастный случай, может — отравили.

— Бред какой-то. Не могу поверить.

— Но тем не менее это так.

— Я хочу его увидеть!

Андрей замялся, а затем мягко, но твердо сказал:

— Не стоит. Ему уже не поможешь. Наша задача сейчас — выйти отсюда как можно скорей. Чтобы не оказаться на его месте.

Полина смотрела на него, словно не соглашаясь. Андрей вновь взял ее под локоть и повел к крыльцу.

— Пойдем, Полина. Там Никитка с Настей остались одни. И нам есть чем заняться. Я думаю, ты тоже думай. Без паники. Представь, что мы просто персонажи в твоей книге, которые попали в западню.

— И что мне завтра нужно сдавать рукопись, а развязка еще не придумана, — нервно усмехнулась она. — Хорошо. Какие у тебя мысли по

этому поводу?

— Страх — верный способ контроля, исторически сложившийся.

— А еще это — сильная эмоция, с которой выбрасывается много энергии. И в данном случае мы отличные ее производители. Даже не фабрика, а целая электростанция. И вполне возможно, рядом с нами находятся «потребители». Своеобразные энергетические вампиры.

— Или монстры из Корпорации, — сказал Андрей и, перехватив недоуменный взгляд Полины, пояснил:

— Мультик такой есть, известный. «Корпорация монстров». Никита у меня его очень любит. Не смотрела?

— Что-то припоминается. Да, примерно это я и имела в виду.

Они подошли к его номеру, и Полина, оглянувшись на комнату Геннадия, тихо спросила:

— Он там?

— Да. Не надо туда заходить. Мы уже ничего не можем сделать. Его похоронами заниматься, как это цинично ни звучит, нет времени.

— Мне кажется, его могли убить для того, чтобы еще больше держать нас в страхе.

Андрей кивнул, соглашаясь с нею, и распахнул дверь.

Настя и Никита сидели рядышком на кровати, и мальчик что-то рассказывал девушке. Настя слушала его рассеянно, невпопад кивая головой. И когда Полина увидела подругу — бледную, растрепанную, заплаканную, напуганную, бросилась к ней и крепко обняла.

— Все будет хорошо, все будет хорошо... — шептала она ей. — Мы выберемся отсюда. Обещаю! Ну-ка, улыбнись, ты же всегда была в нашем дуэте позитивным полюсом!

— Я так была напугана твоей пропажей... Где ты была?

— Кино смотрела, — усмехнулась Полина. — Потом расскажу.

— Ты, наверное, не знаешь...

— Знаю, — перебила Полина, поняв, что подруга собирается сообщить новость о Геннадии. — Не будем сейчас говорить об этом. Нет других новостей? Из... Италии?

— Нет, — сникла Настя, и глаза ее вновь наполнились слезами.

— Ну-ну, не надо. Увидишь, все будет хорошо. Я почти уверена в том, что тебя просто напугали. Похоже, не стоит доверять тому, что здесь происходит. Когда кинопроектор без пленки показывает тебе фильм, это заставляет усомниться в том, что ты на самом деле видел кадры на экране, а не просто *поверил* в то, что их видишь.

— Галлюцинации? — поднял бровь Андрей.

— Что-то вроде того.

— Погодите, погодите, — Андрей заходил по комнате, не замечая окликов сына, который изо всех сил старался привлечь к себе его внимание. — Ну, допускаю, что-то могло быть чистым видением. Галлюцинацией, если хотите. Но что-то — нет! Те же могилы. Они, хоть и оказались бутафорскими, существовали. А вот на самом ли деле Полина видела кадры на экране или в своем воображении — это уже другой вопрос. Как и получила ли сообщения Настя или *поверила* в то, что их получила? А эта история с клоуном... Мы с Никитой видели в темноте светящиеся глаза и слышали хохот, но когда я включил свет, куклы не оказалось. Все это заставляет меня думать, как и Полину, что все это оказалось галлюцинациями под воздействием какого-то фактора.

— Погоди... — вскочила на ноги Настя, из всех его рассуждений услышав только то, что ее больше всего волновало. — Если это так, значит, и мой Франческо не болен вовсе?

— Скорей всего, так, Настя, — кивнул Андрей.

— Погодите, я сейчас принесу телефон, и мы посмотрим, были ли на самом деле эти сообщения, — засуетилась Настя.

Когда она убежала, Андрей прекратил кружение по комнате и присел рядом с сыном. Обняв мальчика, прильнувшего к нему, посмотрел на замершую у окна в задумчивости Полину:

— Думаю, что нам подсыпают что-то в еду. Отсюда и такая «забота»!

— Может быть, Андрей. А может, и нет. Меня смущают эти могилы. Они — выбиваются.

Но объяснить, что имела в виду под словом «выбиваются», не успела, так как в номер вернулась Настя и с порога объявила, что ее телефон пропал.

— Может, я обронила его в комнате Геннадия, но заходить туда не отваживаюсь.

— Я сам схожу, — сказал мужчина и вышел. В его отсутствие Полина кратко рассказала подруге о своих приключениях и о разговоре с Андреем. Никита спросил, когда они поедут домой, потому что соскучился по бабушке, и Полина, посадив мальчика к себе на колени, завела с ним отвлекающий разговор. Вернувшийся в комнату Андрей так и застал эту картину: сына, прильнувшего к Полине, рассказывающего ей о том, как ему нравится ездить на поездах, и невольно улыбнулся.

— Не нашел телефона, — с сожалением развел он руками. Настя огорчилась, но заверила, что телефон — это малая потеря.

— Пока я искал телефон, решил, что поиски нам надо начать с

исследования здания администрации. Там сохранились всякие бумаги. Вдруг найдем проливающие свет на эту темную историю записи? А если выстрел окажется холостой, продолжим поиски в других местах.

— Мы уже пролистали с Настей кучу grossбухов, — призналась Полина, ссаживая с колен Никитку. — Но ничего интересного не обнаружили.

— Поищем еще, — не сдался мужчина. — Идем?

Уставший Никита опять закапризничал. Андрей просто без церемоний подхватил его на руки и понес. Крик протестующего ребенка разносился по всем коридорам, отец шептал ему что-то на ухо, желая успокоить. Что он ему сулил, какими обещаниями услаждал — идущие сзади девушки не слышали, но когда они выходили из гостиницы, Никита уже успокоился.

— Я предлагаю разделить и распределить между собой зоны: так будет быстрее, — предложила Полина, когда они вошли в холл.

— Плохая идея! — категорично возразил Андрей. — Нам нельзя разъединяться.

— Андрей, если мы будем всей компанией ходить по кабинетам и копать втроем в одном ящике, мы так до утра все не обойдем. А у нас времени, похоже, в обрез.

— Времени мало, но разделяться нам нельзя! — отрезал мужчина. — Большой глупости — разделить, когда нам грозит неизвестная опасность, я и придумать не могу! Уж прости меня. Типичная ошибка героев из средненьких «ужастиков». Заметно, Полина, что ты их не смотришь!

— Значит, предлагаешь задержаться тут еще на пару денечков? — завелась девушка и даже уперла руки в боки. Никита бросил на нее сердитый взгляд и обнял руками Андрея за шею, выказывая тем, что он на стороне отца.

— Не преувеличивай!

— Эй! Нашли время спорить, — вмешалась Настя и подмигнула насупившемуся ребенку. — Вы меня простите, но я решу ваш спор просто. Как будет, так и будет.

С этими словами она вытащила из кармана монетку, подбросила ее и поймала.

— Орел — разделяемся, решка — идем все вместе.

Она сняла верхнюю ладонь и продемонстрировала всем монетку, упавшую «орлом». Полина бросила торжествующий взгляд на Андрея.

— Глупость, глупость, — буркнул он, но, однако, спорить больше не стал. Лишь оговорил условия, где и через какое время они встречаются. Насте, не имеющей при себе часов, отдал свои. Полина

продемонстрировала Андрею включенный мобильный телефон.

— Встречаемся каждые пятнадцать минут. Чтобы убедиться, что с нами все в порядке.

И они разошлись по зданию.

За четверть часа им удалось исследовать первый этаж, но никаких интересных находок не обнаружилось. Поднялись на второй этаж, на котором кабинетов было куда больше, так как большую часть первого этажа занимал холл и актовый зал, и договорились опять встретиться через пятнадцать минут.

Никита от усталости опять начал капризничать, и Андрею ничего не оставалось, как усадить его в очередном кабинете за стол и дать свой телефон с закачанной детской игрой. Пока Никита строил из фишек виртуального Лего домик и машину, быстро исследовал ящики стола, пролистал два гроссбуха, в которых оказались фамилии и проставленные напротив них даты. А затем подошел к полке с книгами. Вот тут и попалась ему первая интересная вещь: оказывается, книги стояли не в один ряд, а в два. И во втором ряду Андрей нашел несколько книг с техническими описаниями и чертежами. Увлечшись изучением страниц, он чуть не забыл о том, что должен выйти на встречу с девушками.

— Никита, дай папе, пожалуйста, телефон! — попросил Андрей, пробегая взглядом очередной чертеж. Не услышав ответа, поднял взгляд и обнаружил пустой стол, на котором лежал мобильный телефон.

— Никита?

Тревога обрушилась на него снежной лавиной, закрутила-завертела, набилась в душу ледяной крошкой. Отшвырнув книгу, Андрей выскочил в коридор и закричал:

— Никита! Ты где?

Пробегая мимо очередной двери, он услышал за нею какой-то звук — то ли всхлип, то ли стон. И, решив, что это Никита, рванул дверь на себя. Кабинет оказался маленьким и с еще одной дверью, находящейся напротив входной. Андрей рассудил, что этот «предбанник» был когда-то приемной секретаря, а дальше находится кабинет начальника. Он распахнул вторую дверь, но вместо ожидаемого кабинета оказался в коридоре, утопающем в полумраке из-за того, что в нем не было окон. Андрей заметил рядом выключатель и нажал его. Из нескольких лампочек, висящих друг за другом на потолке на коротких шнурах, работала только одна.

— Никита? — вновь позвал мужчина, отправляясь по коридору. — Ник?

Он зашел довольно далеко, когда вдруг что-то больно и остро ткнуло

его в грудь.

* * *

Настя уже двинулась к выходу из очередного кабинета, в котором ничто не показалось ей любопытным, как вдруг за ее спиной раздался звонок. Девушка медленно оглянулась, подумав, что ослышалась. Звонил стоявший на столе телефон. Оцепенев от страха, она замерла, полуразвернувшись к столу, не в силах сделать ни шагу. Телефон позвонил и смолк. Но, как только Настя взялась за дверную ручку, зазвонил снова.

Неуверенно, но тем не менее будто подчиняясь неведомой силе, Настя подошла к столу и сняла трубку черного аппарата, машинально отметив про себя, что подобный стоял когда-то на телефонной тумбочке в квартире ее бабушки. Лет двадцать пять назад.

— Алло? — спросила она глухим голосом.

— Насти-иа? — спросил нараспев женский голос. И в ухо ей полилась быстрая итальянская речь, из которой она лишь смогла понять, что звонит Даниэла — сестра Франческо, и с плохими, «очень плохими», как подчеркнула звонящая, известиями. «Он умер», — услышала Настя глухие рыдания на том конце провода, оборвавшиеся короткими гудками.

Девушка аккуратно положила трубку на рычаг и, чувствуя, как по телу разливается ватная слабость, ухватилась за край стола.

* * *

Уже прошло пятнадцать минут, когда Полина обнаружила в одной из папок план этажа. Но интересным ей показалось то, что выделен на общем плане оказался «перекресток», очень похожий на тот, который Полина недавно изобразила в своей тетради, рисуя план дорог. Кружок в центре и ведущие от него четыре пути, три из которых, верхние, находились рядом. Четыре коридора, сходящихся в центре в круглую комнату.

— Ничего себе, — пробормотала Полина, имея в виду свое «предвидение», вернее, то совпадение, что четыре дороги из поселка так же сходились под похожими углами к круглой площади, «сердцем» которой являлось здание администрации. Похоже, они на верном пути: в этом месте и скрывается что-то важное. Внезапно ее осенила догадка, зачем нужны были могилы и чем они не укладывались в общий ряд «страшилок».

Несомненно, призваны они были напугать путешественников, и уже не в поселке, а за его пределами. А что, если там заканчивается воздействие некоего фактора, провоцирующего видения? В таком случае теория Андрея о том, что им подмешивали в еду что-то галлюциногенное, терпела фиаско.

Полина вспомнила вид поселка: облагороженный центр и совершенно запущенные окраины. И чем дальше находилось все от центра, тем сильнее все представляло запущенным. А что, если то, что за пределами площади, — и есть истинный вид поселка, а облагороженность — только видимость? Это только подтверждает ее версию о том, что нечто, воздействующее на них, находится здесь, и радиус его влияния ограничен.

Полина бросила взгляд на часы: опаздывает уже на семь минут. Девушка сложила карту и выглянула в коридор. Но мысль, что она находится рядом с тем кабинетом, из которого идет один из указанных в карте «верхних» коридоров, остановила ее. Как поступить?

Возле лестницы — места их встречи — еще никого не было. И Полина решилась.

— Я задержусь! Со мной все в порядке, но хочу проверить одну вещь, — громко крикнула она в надежде, что ее услышат, и вошла в соседний кабинет, из которого, согласно карте, должен был вести тайный коридор.

Обследовав кабинет, девушка разочарованно вздохнула: похоже, она ошиблась. Нет здесь другого выхода. И только когда уже собралась уходить, по наитию заглянула в узкий шкаф. Вот она, дверь!

— Ну что, добро пожаловать в Нарнию! — тихо пробормотала Полина и нажала клавишу выключателя рядом с тайной дверью.

Она долго шла по коридору, пропахшему пылью и еще хранящему химический запах, сходный с вонью паленой проводки. Впереди показалась еще одна дверь, и Полина мысленно возликовала: цель близка! Коридор в конце оказался перфорирован узкими оконцами с решетками, и за ними находился другой коридор — еще один из указанных в карте. Она на верном пути! Но внезапно в одно из этих окон Полина увидела Андрея. Он сидел на полу, вытянув одну ногу и согнув в колене другую. Казалось, он спал, но уже тот факт, что он уснул здесь, вызывал тревогу. И только приглядевшись, Полина поняла, в чем дело: из груди мужчины торчал нож, а по серой футболке расплывалось темное пятно.

— Андрей?! — в ужасе закричала Полина. Но мужчина не откликнулся.

* * *

Он не хотел далеко уходить. Только вышел за дверь на секундочку, потому что стало скучно, а папа все копался и копался в книгах, листая их, читая и совсем не обращая на него внимания. Никита не понимал, зачем они тут так долго, когда ему так хочется домой. Он бы, может, плакал, но папа говорит, что он — чемпион. А чемпионы не плачут, даже когда падают.

Ему скучно. И, может, кто-то согласится с ним поговорить, пока его папа тут что-то ищет? Вдруг так же, как он, скучает Полина? Она ему нравится: никто не рассказывал ему таких интересных сказок. Настя ему тоже нравится, но у нее очень грустные глаза.

В коридоре Полины не оказалось, и Никита решил вернуться. Только вот двери вдруг оказались одинаковыми: из какой он вышел — не помнил. Мальчик толкнул ближайшую и вошел. Папы тут не было, но здесь также стояли на полках книги, и был выдвинут ящик стола. Похоже, папа просто вошел в другую дверь, находящуюся между шкафами. Никита открыл ее и заглянул внутрь.

— Папа?

Здесь было темно и немного страшно. Никита постоял, прислушиваясь, не откликнется ли папа. И когда уже повернул назад, услышал хохот Маки, доносящийся из темноты.

* * *

«Не верь всему, что видишь», — возникла вдруг в памяти фраза, сказанная ею же Андрею. Но как не поверить, когда неподалеку от тебя находится человек, который за эти дни стал вдруг так дорог, что тишина в ответ на ее оклики пугала куда больше всех призраков, зомби и нечисти, вместе взятых. Полина готова была даже просидеть целый день одна в темном кинотеатре и посмотреть подряд несколько самых страшных в истории фильмов ужасов, только бы Андрей отозвался на ее крик.

Она бросилась по коридору к видневшейся двери: возможно, как раз эти коридоры пересекаются между собой в одной круглой комнате. Тогда она может попасть к Андрею и помочь ему. Но дверь, до которой она добежала, оказалась запертой. Полина застонала от бессилия и стукнула кулаками в металлическую обшивку.

— Андрей!

Она схватилась руками за прутья решетки и что было сил потрянула их. Напрасно. Не сможет она выломать такие толстые прутья. Остается бежать к той двери, в которую она сюда вошла, и найти вход в коридор Андрея. Полина уже бросилась бежать, как опять вспомнила эту фразу: не верь тому, что видишь.

Она остановилась, перевела дух, хоть крик рвал горло, и вернулась к решеткам. А когда повторно заглянула за одну из них, увидела, что Андрея уже нет на прежнем месте. Мелькнула его спина и пропала из поля зрения. Мужчина бежал куда-то так быстро, как не мог бы бежать тяжело раненный человек.

— Вот и правда, не верь глазам своим, — выдохнула Полина и пошла вперед.

Металлическая дверь вдруг поддалась под ее ударом и открылась. И девушка вошла в круглую комнату.

* * *

Настя на подгибающихся ногах подошла к двери. Дверь оказалась такой тяжелой, будто тянула она на себя гранитную могильную плиту. От слабости ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание. Но надо выйти, надо выйти ко всем...

Стоп! А как Даниэла узнала номер этого телефона? И сестра ли Франческо звонила? Полина говорила, что многое происходящее здесь — ненастоящее. Она рванула дверь и закричала от ужаса, потому что в дверях стоял Геннадий с растянутым в жуткой ухмылке ртом.

— Здесь нет выхода, детка, — сказал он, смотря девушке прямо в глаза. И от его немигающего взгляда, пробирающего морозом до самой души, она сделала шаг назад.

— Ищи выход за той вон картой, — сказал Геннадий, загораживая ей проход.

— Да пошел ты к черту! — вдруг закричала Настя, выплеснув в этом крике ярость от пережитого. Геннадий захохотал и закрыл перед ее носом дверь. Настя дернула ручку, но дверь не поддалась, словно непостижимым образом оказалась заперта.

А на противоположной стене и правда висела огромная карта. Настя сорвала ее и увидела прямо за ней другую дверь. Отодвинула тумбочку, служившую для маскировки двери внизу, и вошла в длинный коридор.

* * *

— Не бойся! — сказал ему кто-то ласково. И странно, этот шепот заглушил хохот Маки.

— Здесь темно. Я тебя не вижу, — ответил Никита, не испугавшись, а, наоборот, внезапно успокоившись от знакомого голоса.

— Я включу свет. Вот так лучше?

— Да.

Он сразу узнал эту девочку с белыми волосами, с которой уже играл раньше. Она была необычная, но страха у него не вызывала. Она была добрая — Никита это чувствовал.

— Пойдем играть? — радостно предложила Таня. — Мне здесь очень скучно!

— Нет, — важно ответил Никита. — Мне нужно найти папу.

— А-а, папу... — грустно вздохнула она. — Хорошо, пойдем.

Она взяла его за руку своими прохладными пальцами и потянула за собой.

— Папа — там!

* * *

В беге по полумрачному коридору Андрей не увидел вылезший из зарешеченного окна широкий прут, торчавший поперек дороги, и ударился о него грудью. Физическая боль заставила его остановиться, перевести дух. Стоп! Спокойно. Паника лишает способности думать, а здесь действовать нужно не на эмоциях и не на инстинктах. Инстинкты, увы, в этом месте оборачиваются против тебя и наносят удар с той стороны, с которой не ожидаешь. Никиту он найдет. Наверняка мальчик зашел в какой-нибудь кабинет и ожидает его там. Не стал бы ребенок идти по темному коридору вперед, повернул бы назад — к свету и взрослым. Значит, и ему тоже надо повернуть назад.

И только Андрей так подумал, как увидел в одном зарешеченном окне, как по параллельному коридору идет его сын за руку с девочкой. У незнакомки были неестественно белые волосы, и шла она так, словно находилась под действием снотворного — заторможенно, чуть пошатываясь.

— Никита! — закричал Андрей. Но сын его будто не услышал,

продолжая следовать за своей спутницей.

— Вот дрянь! Уводит моего ребенка! — выругался он в сердцах и бросился по своему коридору в преследование, стараясь не выпустить из вида Никиту и девочку. В какой-то момент они все же пропали из видимости, но перед Андреем оказалась металлическая дверь. Он открыл ее и вошел в круглую комнату.

— Привет, — сказала ему Полина, глядя на него так, будто восстал он со смертного ложа. Она будто сдержала порыв кинуться ему на шею.

— Привет, — кивнул он и положил руку ей на плечо. — Никиту не видела?

— Папа! — раздался крик, и в одну из четырех дверей, находившихся в комнате, вбежал его сын.

Только после того, как смог обнять Никиту, Андрей окинул взглядом помещение. Четыре двери разбивали окружность стен на четыре сектора, каждый из которых был занят гудящей, словно трансформаторные будки, аппаратурой. Провода, рычажки, датчики, стрелки, рубильники, лампочки — все это было собрано на громадных агрегатах, явно не современных, с проржавевшими углами, но, судя по всему, работающими. В центре комнаты стоял другой агрегат, напоминающий ящик с гигантским патефоном с четырьмя огромными раструбами, развернутыми в разные стороны. Этот агрегат был проводами подключен к стоявшим у стен.

— Что это? — испуганным шепотом спросила Полина.

— Думаю, это и есть источник наших кошмаров. Все так просто, Полина. Из мистики с привидениями добро пожаловать в научную фантастику.

— Ты считаешь, что вот эта... штуковина излучает нечто такое, что чуть не свело нас с ума от страха?

— Более чем уверен.

— И, думаешь, это такая мощная штука, что ее излучения хватало даже за пределами здания?

— Не знаю, Полина. Но, думаю, этот агрегат и есть причина всего происходящего.

— А как же могилы?

— Что могилы? — не понял Андрей.

— Они нам не померещились. Их специально создали, чтобы нас напугать.

— Полина, это сейчас не так важно. Нам нужно отключить эту штуку. Может, мы под ее действием не видим нужной дороги, она нам внушила ходить по кругу.

— Кто-то же ее включил, — пробормотала себе под нос Полина, но, однако, спорить больше не стала, потому что открылась еще одна дверь, и в комнату вошла взволнованная Настя.

— Вот вы где! Ой, что это?

— Наш билет на выход, — усмехнулся Андрей. Подойдя к «патефону», он выдернул шнур, соединяющий его с одним из агрегатов.

И вдруг за их спинами раздался легкий щелчок, словно закрылись замки. Девушки встревоженно оглянулись. Андрей бросился к одному из входов и толкнул дверь. Так и есть — заперта. Закрытыми оказались все двери.

— Ловушка, черт побери, — выругался он и больше ничего не успел сказать, так как помещение наполнилось едким запахом жженой проводки, один из аппаратов у стены заискрил, а за ним — следующий. Вот полыхнул огнем третий. Девушки испуганно взвизгнули и прижались друг к другу. Никита, наоборот, онемев от страха, обнял отца руками за бедро.

— Никитка, отпусти меня, пожалуйста, — попросил мягко Андрей, с тревогой оглядываясь на четвертый агрегат, который не искрил, не дымил, но издавал такое страшное гудение и при этом дрожал, будто собирался взорваться. Этого еще не хватало!

Когда ребенок с неохотой его отпустил, он бросился к этому четвертому аппарату и попытался опустить рубильник. Но от его действий агрегат затрясло лишь сильнее.

— Андрей! Ничего не трогай! — испуганно крикнула ему Полина. Он ее послушал. Но только для того, чтобы внимательней присмотреться к скачущим стрелкам, рычажкам и переключателям. Он — программист, а не инженер и техник. Но все же он мужчина, который просто обязан разобраться со всей этой устаревшей, а потому казавшейся ему чем-то инопланетным техникой. И не ради того, чтобы оправдать свое звание мужчины в глазах девушек, а чтобы спасти их и сына. Аппарат перестал дрожать, но выплюнул сноп искр, ожегших Андрею руки.

— Зараза! — выругался он, но тем не менее вновь предпринял попытку отключить аппарат. А комнату уже заволакивало едким дымом, от которого першило в горле, и на глазах выступали слезы. Девушки спасались тем, что уткнулись друг в друга, поместив между собой Никитку, чтобы оградить его от дыма и искр.

Первую победу Андрею удалось вырвать ценой несильного, но ощутимого удара тока. Он охнул, а агрегат сотрясла дрожь, и следом за этим погасли его лампочки.

Если каждый из трех аппаратов будет его бить током, к финалу он

рискует отдать концы.

Оказывается, у каждого агрегата — свой механизм выключения. Вот незадача... Пока Андрей подобрал к каждому «ключ», комнату уже полностью заволкло дымом. Настя уже не кашляла, а потеряла сознание. Полина, сидя на полу, держала в объятиях Никитку, прижав его личико к себе.

— Андрей... — хрипло позвала она и закашлялась. Он не откликнулся, сунул руку прямо в огонь и отключил последний агрегат. Гудение стихло, и в наступившей полной тишине раздался щелчок.

— Быстро! На воздух!

Сам он подхватил бесчувственную Настю на руки, Полина взяла Никитку.

Им дали выйти. Никто их не остановил, что подтвердило предположение Андрея: причины всех их страхов — в этом уже отключенном аппарате. Они без помех выбрались на улицу и отошли на безопасное расстояние от здания. И только после этого опустились устало на дорогу. Полина натужно кашляла, Никита расплакался. А Настя, наоборот, на воздухе пришла в себя.

— Выбрались, — сказал Андрей и первым осмелился глянуть в сторону площади.

— Смотрите!

Сумерки сероватой дымкой сглаживали очертания находившегося перед ними двухэтажного здания. Выбитые стекла и черные провалы оконных глазниц, в которых гулял ветер, красноречивей всего говорили о том, что это здание уже давно стоит заброшенным. Слева от него виднелось другое, не краше, с сорванной наполовину вывеской «Гостиница «Советская». И только вождь, отлитый из бронзы, сохранился лучше некуда.

— Дела... — протянул Андрей, первым нарушив изумленное молчание. Они втроем переглянулись, в их взглядах читался один вопрос: а было ли на самом деле все с ними случившееся? Андрей в недоумении перевел взгляд на брошенные на дороге сумки, создававшие иллюзию, что пришли они, путешественники, в этот поселок только сейчас.

— Ну что, в дорогу? — спросил он растерявшихся девушек. — На трассу, ловить маршрутку. Можно, конечно, заселиться вон в той гостинице, но что-то она мне не внушает доверия.

Они подхватили свои вещи и отправились в темноту уводящей их от страшного места аллеи. Какое-то время шли молча, но думали все над одним и тем же — что из случившегося с ними было правдой, а что — нет?

Аллеика, обогнув коробку бывшего когда-то жилым зданием, провела их мимо остова трактора, оборвалась и превратилась в размокшую под дождями дорогу. Они тут уже проходили. Но ощущение, что случилось это не четверть часа, а как минимум несколько дней назад, не покидало Андрея. И судя по тому, как девушки растерянно и боязливо бросали взгляды на покосившиеся заборы, огораживающие брошенные хозяйства, испытывали они то же чувство.

Им с трудом верилось в избавление, потому шли в напряжении, ожидая новых подвохов. Но дорога вывела их к трассе. И только когда сбросили тяжелые вещи на землю возле дорожного покрытия, вздохнули все с облегчением.

— Ничего себе приключения выдались, — сказал Андрей нарочито веселым голосом, чтобы разбить, наконец, это угнетающее молчание. — Ну что, надеюсь, нам повезет поймать попутку.

Прождали же они довольно долго, так что беспокойство вновь овладело не только жмущимися друг к другу девушками, но и им. Даже Никитка сидел на отцовском рюкзаке молчаливый и нахохлившийся, как воробышек в холода. Андрей бросил на него тревожный взгляд. Сын словно почувствовал его беспокойство и громко сказал:

— Я хорошо, папа!

— Ну и молодец! Ты — чемпион.

— Андрей, машина! — воскликнула Полина, указывая, однако, рукой не в ту сторону, откуда они ждали транспорта, а в противоположную. Андрей, заметив фары приближающегося автомобиля, не стал терять времени, перебежал дорогу и поднял руку.

Машина остановилась, Андрей быстро переговорил с водителем и обрадованно махнул девушкам:

— Едем!

Он вернулся за сыном и рюкзаком. Доехать обратно до поселка, откуда они начали путь — выход. Может, повезет, и на конечной остановке они застанут последнюю маршрутку. А не повезет, так вернуться на ночь домой: он — к своей матери, девушки — к родителям Полины. Куда безопасней и приятней провести ночь под родной крышей и выехать утром, чем голосовать ночью на трассе.

Водитель привез их к автобусной остановке, приметной деталью которой являлся старый дуб. Летними днями его раскидистая крона отбрасывала тень на небольшой заасфальтированный пятачок, создавая единственное укрытие от солнца, ночью он казался стоявшим на страже великаном. Вбитая в землю рядом с единственным фонарем табличка

указывала, что здесь останавливается раз в полтора часа рейсовый автобус и каждые сорок минут — маршрутки. Это была та самая остановка, с которой они несколько дней назад и начали свой загадочный и страшный путь.

Ждать пришлось недолго. Едва они составили сумки на землю, как к остановке подъехала, дребезжа плохо пригнанной дверью, маршрутка. Андрей распахнул перед девушками дверь и пригласил их жестом.

Это был совершенно другой микроавтобус: оббивка на сиденьях оказалась другого цвета, и водитель — незнакомый, хоть Андрею на какое-то мгновение подумалось, что сейчас он увидит водилу в сдвинутой на затылок промасленной кепке, который и направил их в страшный поселок. Судя по настороженным взглядам, которые бросили на мужика девушки, подумали они о том же.

Ждали они долго: водитель успел выкурить на улице две сигареты, дым от которых проникал через открытую дверь в салон.

— Эй, мужик! Долго стоять будем? На поезд опаздываем, — не выдержал Андрей. И перехватил благодарный взгляд Полины, от которого ему стало тепло.

— Да вот еще соберу немного пассажиров...

— Так их тут до утра можно прождать!

Водитель не ответил, цыкнул зубом и полез на свое место. Заурчал мотор, и Андрей захлопнул дверь в салон.

— Надеюсь, на этот раз без приключений, — тихо прошептал он девушкам — притихшим и прижавшимся друг к другу, будто в ожидании опасности. Боятся. Оно и понятно. Не доверяют ночи, уже однажды заманившей их в ловушку. Он тоже не доверяет, но бодрится, чтобы приободрить спутниц.

— Передавайте деньги за проезд! — крикнул водитель. И у Андрея от этой привычной фразы всех водителей маршруток отлегло от сердца. Полученные деньги водитель внимательно пересчитал, опасно почти не удерживая руль и глядя не столько на дорогу, сколько на банкноты и мелочь, и бережно убрал. Андрей ободряюще улыбнулся бледной от напряжения Насте: «Все в порядке!» Девушка, однако, на его улыбку не ответила, напряженно прислушиваясь к работе мотора: заглохнет или нет. Но маршрутка, дребезжа дверью, подсакивая на ухабах и проваливаясь колесами в выбоины, везла их знакомой дорогой по направлению к станции.

— Слышишь, друг, — обратился Андрей к водителю, когда маршрутка въехала на освещенную фонарями дорогу, ведущую к станции. — А в

какую смену работает водитель машины с номером «сто двадцать три»? Я пару дней назад забыл у него в салоне пакет. Там у меня пара нужных мне дисков лежала, не теряю надежды вернуть их.

Причина, маскирующая его истинный интерес, придумалась легко и естественно. «Найти бы того, другого, встряхнуть за шкуру: на кой отправил нас в этот поселок?» Конечно, не будет искать — незачем, вопрос просто сорвался с языка. Вон и девушки переглянулись удивленно.

— А ты не ошибся, приятель? — спросил после заминки водитель.

— В чем?

— В номере машины? Точно эта тебе нужна?

— А что так? — напрягся Андрей. Прислушались и девушки.

— Да не мог ты пару дней назад оставить там вещи.

— Ну, не пару, а тройку...

— Тоже не мог! — воскликнул упрямо водитель и оглянулся на притихших пассажиров.

— А что, нет у вас такой машины? — осторожно спросила Полина.

— Да не то чтобы нет... Была! Водил ее Сенька Степнов. Да год назад сгинул.

— Как? Разбился?

— Да фиг его знает! Если б разбился, нашли бы и машину, и его самого. А так пропал куда-то. Вместе с машиной. Выехал в последнюю смену, и все, не вернулся. Так и не нашли. Год уже прошел.

— Ни фига себе! — присвистнул Андрей. — Может, провалился в какое-то болото? Реку?

— Да кто его знает! Искали. Не только по маршруту. Прочесали все окрестности. Овраги там. Лес. Если б в реку свалился, машина была бы видна: не такая уж глубокая река у нас. Сгинул с концами! Вернее, с машиной.

Водитель замолчал, но, подруливая уже к станции, продолжил:

— Говорят, видят его иногда. Сеньку с машиной. Типа иногда ближе к полуночи выезжает на маршрут. Я не видел. Врать не буду. Рассказывал мой напарник: отвозил последним рейсом пассажиров на станцию, а навстречу ему по дороге маршрутка Сеньки. Пустая. Мигнула фарами, будто поприветствовала, и умчалась. Мой напарник по привычке тоже фарами мигнул — поздоровался. А потом, когда дошло, кому отсалютовал, чуть в канаву не срулил от страха. Но я ему мало верю: все в таксопарке знают, что приврать он любит. Небылицу сочинить ему раз плюнуть. Так, говоришь, два дня назад пакет потерял? Я спрошу у наших, находил ли кто.

— Где-то так, — кивнул Андрей. — Впрочем, не парься, брат.

Обойдусь!

— Ну, как хочешь, — пожал плечами водитель и остановил машину. — Счастливого пути!

— И тебе, брат. Спасибо, что довез без приключений, — иронию в его голосе поняли только пассажирки.

— Может, нам все это вообще приснилось, — тихо сказала Настя подруге, но Андрей тоже ее услышал.

«Может быть», — мысленно согласился он с ней и посмотрел на сына, который крепко прижимал к груди красную машинку. Если бы не эта машинка да не саднящая боль в обожженных руках, пожалуй, поверил бы он в то, что все это им приснилось.

...Когда они уже подъезжали на такси к дому, Настя спросила Полину, за всю дорогу от вокзала не проронившую ни слова:

— Ты дала Андрею свой телефон?

Полина вздрогнула и отрицательно качнула головой.

— Почему? Вы ведь всю ночь с ним в купе проговорили, так и не ложились спать.

— Он не попросил, а я не стала навязываться, — тихо ответила Полина и, повернувшись к подруге, улыбнулась. Однако улыбка у нее вышла грустной.

— Он не мой мужчина, Настя. Мой бы меня не отпустил.

ЭПИЛОГ

7 месяцев спустя

Презентация новой книги была назначена на семь вечера в ее любимом книжном магазине на Лубянке. Полина пришла на встречу с читателями заранее, тихо вошла в помещение, прошмыгнула незамеченной мимо подготовленного к презентации столика на первом этаже и вдоль длинного стола, на котором были разложены экземпляры ее новой книжки. На мониторе над столом пустили заставку с ее фотографией. Кто-то из публики уже толпился у стола, читал аннотацию, пролистывал. Полина же эти полчаса до презентации желала провести в уединении с книгами — чужими.

Она поднялась на второй этаж и вошла в отдел художественной литературы. Главное — не увлечься просмотром книг и не пропустить начало презентации. Полина не стала брать корзинку, решив просто побродить между успокаивающих ее и настраивающих на нужный лад книжных полок. С этим магазином у нее были связаны особые отношения: сюда она приходила студенткой, мечтавшей когда-то в будущем стать писательницей. Бродила между стеллажей, рассматривая переплеты книг и мечтая, что когда-то ее книги тоже займут места здесь. Сюда она приходила и тогда, когда писала первый роман, но уже с рабочей целью: выискивала книги в похожих жанрах, чтобы узнать, в каких издательствах и сериях они издаются. Здесь она увидела впервые свою первую книгу. В этом магазине прошла ее первая презентация. И Полина до сих пор помнила то волнение — оказаться впервые перед публикой со своей книгой в руках, отвечать на вопросы и по лицам покупателей гадать, как ее принимают.

Вдруг ей на глаза попала книга подруги, стоявшая к публике корешком. Полина улыбнулась, будто встретила не с книгой, а с самой приятельницей, вытащила новинку и тихонько переставила ее на другую полку, развернув уже обложкой. Маленькая диверсия. Может, конечно, кто-то из служащих и заметит, что книга стоит неправильно, но еще раньше ее увидит кто-то из читателей. Маленькая помощь подруге.

А по радио уже объявляли скорое начало презентации, и Полина решила не задерживаться. Ну и что, что до начала еще четверть часа. Наверняка на месте уже стоят приехавшие поддержать ее подруги-писательницы. И любимая редактор тоже обещала подъехать после рабочего дня. И Аня — менеджер из издательства, которая обычно вела

презентации, наверняка захочет показать список вопросов заранее.

Так и есть: Полина издала заметила высокую красивую девушку с длинными белокурыми волосами, стоящую возле столика с микрофоном в руках. Рядом суетился молодой человек, устанавливающий камеру на треногу. При виде этого парня сердце Полины сжалось: как жаль, что не будет на презентации Насти... Вот уж у кого фотографии бы вышли чудесными! Но подруга недавно вышла замуж за своего красавца Франческо, похожего на итальянского актера из любимого Настей фильма «Под солнцем Тосканы». Живой и здоровый, он приехал в Россию к девушке с предложением руки и сердца в сентябре. И подруга приняла предложение. Они поженились в марте, в Венеции, и сейчас наслаждались медовым месяцем. Полина была счастлива за подругу, но все же уже скучала по ней. Ну ничего... В мае Полина поедет в Италию, и они увидятся!

Полина поприветствовала своих подруг, получила от них пожелание удачи. После презентации они забегут все вместе в любимое кафе неподалеку от книжного и устроят свой «писательский девичник». От входа в магазин к ней уже спешила редактор Лена. Полина с улыбкой пошла к ней навстречу.

— Волнуешься? — спросила Лена, поправляя на шее красивый шарфик.

— Да, — не стала отпираться Полина.

— Все никак не привыкнешь? А я подготовила парочку каверзных вопросов!

— Не вздумай! — воскликнула Полина, зная, что вопросы у Лены всегда интересны, оригинальны и неожиданны.

— Скажи хоть, что за вопросы?..

— На месте узнаешь, — хитро улыбнулась Лена. Полина вынуждена была ее оставить, потому что ее уже позвала Аня.

— Хочешь с моими вопросами ознакомиться? — спросила менеджер после приветствий. Полина бегло пробежала взглядом по протянутому листку и одобрила:

— Все отлично!

— Тогда начинаем! — скомандовала Аня. И Полина заняла место за столиком.

Публика ее встречала доброжелательно, народу было много, вопросы задавали интересные и легкие. Аня объявила читателям, что недавно одно европейское издательство купило права на перевод трех книг Полины, и что скоро начинаются съемки фильма по другой. Полина немного

рассказала об этих важных в ее жизни событиях. А затем ее попросили рассказать о новой книге.

...Она отложила на время историю про старинный поезд и временной портал и полностью погрузилась в работу над книгой, основанной на недавно пережитых событиях. Полина еще дважды после этого ездила к родителям, чтобы собрать кое-какую информацию на месте. Конечно, многое было засекречено, так как дело касалось страшного в прямом смысле слова эксперимента, проведенного в начале восьмидесятых годов советскими учеными и военными над мирными жителями в деревне, находящейся в той области, где Полина родилась. Похожие эксперименты проводились и в других местах, но Полине удалось собрать информацию лишь по этому.

В любом обществе власть строится на идеологии и механизмах манипулирования массами. И страх является эффективным средством. Механизм прост: провоцирование страха и затем управление с его помощью. При наступлении страха блокируется центральная нервная система, все проблемы отступают на второй план, как и исчезают многие желания. Сознание человека занято поиском способов защиты, и поэтому, когда появляется некто, способный защитить, «жертва» готова принять любые условия. Это и есть манипулирование.

В ходе эксперимента изучали воздействие на мозг человека с помощью низких частот и различных излучений, которые провоцируют у испытуемых чувства страха и паники. Создание идеального инфразвукового оружия, способного деморализовать и подчинить противника, давно волновало умы политиков и военных, стоящих у управления государствами. Но так ли утопична эта идея? Полина нашла документы, подтверждающие, что в колхоз «Заветы Ильича» была введена небольшая группа ученых, которые маскировались под органы управления, получившие назначение из столицы. В секретной комнате здания администрации была установлена необходимая аппаратура. Эксперимент проводился со всей советской секретностью и шел успешно до тех пор, пока в один августовский день 1983 года что-то пошло не так, вышло из-под контроля. К утру часть населения поселка, в том числе и ученые, оказались мертвы, на лицах несчастных застыло выражение ужаса. Другая часть жителей сошла с ума. Судьбы этих несчастных обрывались в закрытых клиниках, а их истории надежно потерялись в секретных архивах.

Как и предположил Андрей, ничего мистического, сверхъестественного на самом деле не случилось, под всем была научно-

экспериментальная база. Но Полина все же внесла в свой роман долю мистики.

Читатели слушали с интересом, задали автору несколько вопросов, и затем началась автограф-сессия. Каждому читателю Полина старалась написать что-то личное, приятное, теплое.

— А персонажу книгу не подпишешь? — вдруг услышала она и, подняв глаза, чуть не выронила ручку. На висках — чуть больше седины, чем раньше, складка меж бровей стала глубже, но в глазах — смешинки, плещущиеся солнечными зайчиками в синем море, а на губах улыбка.

— Ой! — воскликнула она, не в силах поверить своим глазам. Может быть, писала она эту книгу не столько потому, что сюжет, который ей довелось пережить на самом деле, был ей интересен, сколько желала хотя бы на страницах книги оживить вновь общение с Андреем, по которому скучала.

От растерянности Полина черкнула ему пару общих фраз. А Андрей вдруг положил ей на стол букет роз и тихо сказал:

— Поздравляю! И успеха с новой книгой.

— Спасибо... Ты уйдешь? — вырвалось у нее.

— Нет, — улыбнулся он и отошел в сторону, уступая место другим читательницам, желавшим подписать книгу.

Никогда еще автограф-сессия не казалась Полине такой долгой. Она то и дело украдкой высматривала в толпе высокую фигуру Андрея, облаченную в длинное черное пальто. И, не находя, волновалась, что он все же ушел. Она совсем забыла о том, что ее ожидали после презентации подруги-писательницы, думала только о том, дождется ли ее Андрей.

Дождлся. Не ушел. Подошел к ней тогда, когда она, попрощавшись с читательницами, уже общалась с подругами и принимала от них поздравления. Он скромно стоял в сторонке, не желая прерывать ее. Полина его заметила и подвела к подругам.

— А вот герой моего романа, — в шутку сказала она.

— К сожалению, только книжного, — улыбнулся Андрей. И тихо сказал Полине:

— Хотел бы пригласить тебя на ужин. Думаю, у нас, автора и персонажа, есть о чем поговорить. Да вижу, ты занята...

— Не занята, — ответила она без колебаний. Подруги ее поймут и простят.

— Мы с Никиткой очень по тебе соскучились, — сказал Андрей, подводя ее к своей машине. — Он остался на этот вечер с моей тещей, но я пообещал ему в какой-нибудь день привезти тебя.

— Я тоже по нему... по вам скучала, — призналась девушка, усаживаясь в машину рядом с Андреем и пристраивая на коленях букет. — Куда едем?

— Отвезу тебя в одно хорошее место, если не возражаешь. Как ты? Я, признаться, следил за твоей жизнью... Найти тебя было легко: стоило лишь вбить в поисковик имя и фамилию. Но мне нужно было время... Мне и Никите. Эльвиры не стало осенью.

— Ох... Соболезную, Андрей!

Он просто кивнул, принимая ее слова.

— Я очень рад, что у тебя жизнь в этот период складывалась лучше нашей.

— Ты не сердись на меня за то, что я написала эту историю?

— Сержусь? — рассмеялся он. — Полина, кажется, мы тебя всей компанией подначивали взять эту историю для книги. И, в конце концов, когда еще мне выпадал такой шанс — стать героем романа?

— Моего личного, Андрей. Моего личного...

Он посмотрел на нее долгим взглядом, заглушил мотор и, наклонившись к Полине, поцеловал ее.

* * *

Одни ушли, но придут другие. Ловушка расставлена, в паучьи сети рано или поздно попадает зазевавшаяся муха.

Они — вечные жители Города, накинувшего на себя маскирующую сеть запустения и безжизненности и открывающего истинное лицо только несчастным «мухам». Им не нужна другая пища, кроме чужого страха. Их сделали вампирами те, кто когда-то выбрал их в жертвы. Когда-нибудь они, набравшись сил, смогут выйти в мир живых, чтобы там сеять ужас и панику. Настоящий пир для них, ненасытных. Когда-нибудь...

...Машина вновь работает. И этой ночью на дороге появится микроавтобус, ведомый водителем в надвинутой на глаза кепке, рядом с которым сидит пассажир в костюме — последний, ставший одним из них. Охотники за жертвами.

Сети расставлены, ловушка готова.